



УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

220-летие КФУ

Том 166

Книга 6

2024

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензуемый научный журнал

2024

Т. 166,

кн. 6

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Д.А. Таярский – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Члены редколлегии

Е.А. Горобец (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Л.Р. Ахмерова (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Е.М. Абайдельдинов – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан

Н.Ф. Алефиренко – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

А.И. Алиев – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика

Б.С. Алишев – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Й. Баберовски – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Б.А. Байтанаев – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан

С.А. Балащенко – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Н. Вайс – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия

Д.Х. Валеев – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Г.А. Волков – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Г.Х. Гилязетдинова – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

С.Ю. Головина – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия

Б.М. Гонгало – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

Л.П. Громова – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

О.Ф. Жолобов – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А. Квятковская – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша

А.М. Лушиников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Н.Л. Лютов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия

В.М. Мокиенко – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия

М.М. Мюллер – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия

Г.П. Мяков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Л.П. Репина – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
Л. Росси – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
Й. Сипко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
А.Г. Ситдинов – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Тарханов – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Д.В. Ушаков – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
Т.Я. Хабриева – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
А.Н. Чумаков – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
М.Д. Шелкунов – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястиембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научный редактор *Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 28.12.2024.
Формат 70х 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,56. Уч.-изд. л. 11,04.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

Seriya Gumanitarnye Nauki

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

Peer - Reviewed Scientific Journal

2024

Vol. 166,

no. 6

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Board

Editor-in-Chief

Dmitrii A. Tayurskii – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Members of Editorial Board

E.A. Gorobets (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia

E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia

A.I. Aliiev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan

S.A. Balashenko — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

N. Weiß – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany

D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia

B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

[O.F. Zholobov] – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

M.M. Muller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia

L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy

J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia

A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia

T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China

A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

M.D. Shelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany

R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editor: *D. Kh. Valeev* – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*

English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia

Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: December 28, 2024.

Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 13,56. Publisher's signature: 11,04.

Circulation: 300 copies.

Printed in KFU Publishing House

ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Валеева Г.А.</i> К вопросу об институтах юридической ответственности	7
<i>Гладков А.К.</i> Толкование закона в политико-правовой мысли Западной Европы XII–XIII веков	19

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Файзрахманова Л.М.</i> Финансовая наука XIX века в Казанском университете	29
<i>Курочкин А.В.</i> Пределы правового регулирования российских политических партий	42
<i>Нигметзянов А.А.</i> Мотивационная составляющая наградной политики как вида поощрительной правовой политики	57
<i>Зайнутдинов Д.Р.</i> Взгляды Мусы Бигиева на форму исламского государства	72

Частно-правовые науки

<i>Самсонов Н.В., Русских В.В.</i> Нормативное закрепление перечня источников права как способ совершенствования отдельных аспектов русской правовой системы	84
<i>Архиереев Н.В.</i> Проблемы правового статуса цифрового двойника (суррогата) физического лица	97
<i>Пилинцов А.В., Дейнега К.Е.</i> Тестирование как способ защиты прав неквалифицированных инвесторов на примере опционов	109

Уголовно-правовые науки

<i>Шутова А.А.</i> Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных	122
---	-----

Международно-правовые науки

<i>Дао Ман Хунг.</i> Концепт «безопасность человека» в современной государственной политике Вьетнама	135
<i>Пекарникова М.Е., Валиуллина К.Б.</i> Правовое регулирование эмиссии метана и его роль в достижении основной цели Парижского соглашения: общий анализ проблемы	145

CONTENTS

Theory and History of Law Sciences

<i>Valeeva G.A.</i> On the Concept of Legal Liability Institutions	7
<i>Gladkov A.K.</i> Interpretation of Law in the Political and Legal Thought of Western Europe during the 12th–13th Centuries	19

Public Law Sciences

<i>Fayzrakhmanova L.M.</i> Financial Science at Kazan University in the 19th Century	29
<i>Kurochkin A.V.</i> Boundaries of Legal Regulation for Russian Political Parties	42
<i>Nigmatzyanov A.A.</i> The Motivational Component of Award Policy as a Type of Incentive Policy	57
<i>Zaynutdinov D.R.</i> Musa Bigiev's Perspective on the Form of the Islamic State	72

Private Law Sciences

<i>Samsonov N.V., Russkikh V.V.</i> Defining the List of Sources of Law within a Normative Framework as a Strategy for Strengthening Certain Aspects of Russia's Legal System	84
<i>Arkhieriev N.V.</i> Defining the Legal Status of an Individual's Digital Twin (Surrogate)	97
<i>Pilintsov A.V., Deinega K.E.</i> Testing as a Way to Protect the Rights of Non-Qualified Investors through a Case Study of Options	109

Criminal Law Sciences

<i>Shutova A.A.</i> Novelties in Russian Criminal Law on Liability for Personal Data Breaches	122
--	-----

International Law Sciences

<i>Dao Man Hung</i> The Concept of Human Security in Vietnam's Contemporary State Policy ...	135
<i>Pekarnikova M.E., Valiullina K.B.</i> Legal Regulation of Methane Emissions and Its Role in Supporting the Goal of the Paris Agreement: General Issues	145

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.7-18

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Г.А. Валеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В работе исследованы юридическая природа институтов юридической ответственности, а также критерии их выделения в системе права. Подвергается критике основанная на законодательном критерии (с привязкой исключительно к нормативному правовому акту) тенденция выделения отраслевых институтов юридической ответственности. Разграничены такие понятия, как «вид юридической ответственности» и «институт юридической ответственности», а также сделан вывод об их нетождественности. Приведены дополнительные аргументы допустимости использования отраслевого критерия выделения институтов юридической ответственности, которые сопоставляются со структурными элементами системы права на макро- и микроуровнях. Критикуются попытки механического отнесения отраслевых институтов юридической ответственности к публично-правовым или частноправовым и представления частноправовой и публично-правовой ответственности, а также процессуальной и материально-правовой ответственности как совокупности отраслевых институтов. Сделан вывод о необходимости ставить вопрос о существовании законодательства о юридической ответственности, которое по своим структурным блокам не является тождественным отраслевым институтам юридической ответственности, что, в свою очередь, позволит выстроить оптимальную систему юридической ответственности, не перегруженную различными правовыми образованиями.

Ключевые слова: институт права, институт юридической ответственности, структурные элементы системы права, законность, процессуальная ответственность, уровни системы права

Ответственность – это универсальный феномен человеческого общества, который в соответствии со своим предметом изучается различными гуманитарными и социальными науками: философией, социологией, психологией, экономикой, историей, педагогикой, политологией, культурологией, а также юриспруденцией. Это свидетельствует о том, что в современном социуме ответственность обладает интегративными свойствами, вызывая интерес исследователей из различных отраслей научного знания. При этом для многих наук (для юриспруденции, социологии, философии) она имеет особую значимость, что вполне объяснимо, так как от наличия ответственности во многом зависит нормальное функциониро-

ние как всего социума, так и отдельных его институтов, а в эпоху научно-технического прогресса, новых вызовов и угроз ее роль становится все более важной. Для теории государства и права (теоретико-исторических наук) наиболее близкими являются философия и социология: первая закладывает основы мировоззрения, а вторая, являясь наукой об обществе, оперирует схожими с юриспруденцией категориями, также они имеют область пересечения – социологию права – и взаимно обогащают друг друга.

Понятие «юридической ответственности» относится к числу фундаментальных для отечественной правовой науки и по своей значимости стоит в одном ряду с категориями «право», «государство», «правовая система», «система права» и т. д., так как споры о признаках, содержании и объеме понятия «юридической ответственности» до сих пор ведутся в научной литературе, причем зачастую они носят не терминологический, а уточняющий характер и являются сущностными, так как ученые расходятся во мнениях о наиболее важных признаках, пределах действия юридической ответственности и объеме самого понятия. По тем или иным проблемам юридической ответственности защищены кандидатские и докторские диссертации, написаны фундаментальные монографии, но по вопросам выделения ее отраслевых институтов ученые не пришли к единому мнению и в настоящее время.

Соблюдение и исполнение правовых предписаний, а также недопустимость злоупотребления правами при их реализации обеспечиваются различными мерами государственно-правового принуждения, в числе которых юридическая ответственность занимает важное место. Она выступает необходимым компонентом правовой системы общества, является одной из гарантий ее нормального функционирования. Юридическая ответственность представляет собой не механический набор различных элементов, а строгую и взаимосвязанную систему, состоящую из различных подсистем, которые могут взаимообеспечивать и дополнять друг друга, а также способствовать комплексной охране общественных отношений. При этом сбой в одном элементе юридической ответственности может приводить к дисфункциональности другой ее составляющей. Так, например, сложно говорить о реализации уголовной ответственности без функционирования уголовного процесса, обеспеченного собственными отраслевыми мерами государственного принуждения, включающими и меры уголовно-процессуальной ответственности. С целью недопущения противоречий между составляющими юридическую ответственность элементами необходима их согласованность, которая невозможна без понимания того, из каких институтов состоит юридическая ответственность. Так, до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о самой структуре системы юридической ответственности, что, в свою очередь, может порождать трудности в законодательной деятельности и правоприменительной практике.

Юридическая ответственность – сложное многоуровневое и полиструктурное правовое образование. Она исследуется с применением различной методологии и под разными углами зрения. Так, ее можно определять, во-первых, на институциональном уровне, делая акцент на правовых нормах и институтах, входящих в ее структуру; во-вторых – на правореализационном уровне,

предполагающем выявление динамики юридической ответственности в различных охранительных правоотношениях. В настоящей статье рассмотрен прежде всего институциональный (нормативный) уровень системы юридической ответственности.

Юридическая ответственность на институциональном уровне представляет собой правовой институт, обладающий характеристиками системности и соотносящийся с системой более высокого уровня – системой права, которая, в свою очередь, выступает частью правовой системы общества.

Проблема количества элементов на институциональном уровне юридической ответственности является не менее дискуссионной, чем вопрос о выделении отраслевых элементов в системе права. Известно, что отрасль права является относительно самостоятельным и наиболее крупным элементом системы права, а сама система юридической ответственности во многом производна от существующей системы права. Кроме того, «об относительной самостоятельности и сформированности той или отрасли права говорит наличие в ее структуре относительно самостоятельного отраслевого института юридической ответственности» [1, с. 36]. С учетом того, что в идеале любая отрасль права должна обладать собственным отраслевым институтом юридической ответственности, можно поставить вопрос о самостоятельности тех отраслей права, в которых такой институт отсутствует.

Отчасти ответ на данный вопрос определяется наличием особого вида санкций, являющихся не мерами юридической ответственности, а мерами защиты. С другой стороны, сущность подобных санкций позволяет усомниться в самостоятельности некоторых отраслей права, которые выделяются на основании наличия базового нормативного правового акта, зачастую являющегося кодифицированным (например, градостроительного права, земельного права, водного права, лесного права и т. д.).

Число отраслевых институтов юридической ответственности меняется с течением времени, оно не является постоянным. Изучение научной литературы по теории государства и права советского периода показывает, что выделялось пять видов юридической ответственности: «уголовная, гражданско-правовая, дисциплинарная, материальная и административная» [2, с. 20]. Одновременно в отраслевых исследованиях ставился вопрос о существовании процессуальных институтов юридической ответственности [3, с. 34], а также были отмечены попытки конституционалистов обосновать ответственность в государственном праве, которые в дальнейшем трансформировались в идею конституционной ответственности [4]. При этом в теории государства и права традиционно продолжали называть пять отраслевых институтов юридической ответственности. Необходимо указать, что мы специально не употребляем термин «вид юридической ответственности», так как придерживаемся мнения о том, что «в основе выделения видов юридической ответственности и отраслевых институтов юридической ответственности находятся совершенно разные критерии» [5, с. 320]. В некоторой степени эти критерии могут «пересекаться», но их полное совпадение исключается.

История развития правовой системы показывает, что всегда имел место дисбаланс, заключающийся в том, что число отраслей права превышало количество

отраслевых институтов юридической ответственности; упомянутый факт нельзя однозначно отнести к недостатку правового регулирования.

Думается, что законодатель руководствуется принципом оптимальности. Сама по себе избыточность не может привести к позитивному результату, а будет только порождать противоречия в правоприменительной практике. Следует указать, что в советский период развития науки о праве выделялись такие отрасли права, как финансовое, колхозное, экологическое, природоохранное, конституционное, но в рамках указанных отраслей права не существовало собственного (отраслевого) института юридической ответственности и это не считалось недостатком действующего законодательства.

Система права обусловлена общественными отношениями, потребностями социального развития, и поэтому она динамична, в ней неизбежно происходят процессы специализации и унификации, а подотрасли права или несколько смежных правовых институтов могут трансформироваться в самостоятельные отрасли права. Обозначенный процесс растянут во времени и обусловлен прежде всего изменением общественных отношений.

Аксиоматичным является утверждение о том, что система права объективна, а система законодательства субъективна, но при этом упускается из виду один важный вопрос: можно ли судить о наличии отрасли права без определенного законодательного массива? Ответ очевиден. Однако существует и другой аспект. Так, совокупность нормативных актов, пусть и регулирующих схожие общественные отношения, не всегда свидетельствует о существовании отрасли права. Если экстраполировать данный тезис на институциональное подразделение системы юридической ответственности, то ввиду наличия производности ее элементов мы приходим к выводу об объективности деления системы юридической ответственности при наличии в этом процессе и субъективных моментов, то есть того или иного нормативного материала, даже при полностью субъективном характере законодательства о юридической ответственности. Однако не всегда существование отдельных норм, содержащихся в том или ином нормативном правовом акте, может говорить о наличии отраслевого института юридической ответственности.

Как уже указывалось, система права – это явление динамичное, постоянно развивающееся. Изменения в общественно-политическом строе нашей страны, экономических и иных отношениях, а также принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации предопределили и очень бурное реформирование действующего законодательства. Анализ различных нормативных правовых актов позволил выделить самые разнообразные отрасли права: «инвестиционное» право [6, с. 15]; «отрасль прав человека» [7, с. 23]; «информационное» [8, с. 3]; «антикоррупционное» [9, с. 11]; «горное» [10, с. 43] право и т. д. Логика исследователей при этом очень проста: есть градостроительный кодекс – значит, существует и градостроительное право, а наличие воздушного кодекса предопределяет существование воздушного права; соответственно, лесной кодекс обуславливает реальность лесного права.

При отсутствии кодифицированного нормативного акта для обоснования самостоятельности отрасли права начинают указывать на большое количество

нормативного материала и значимость общественных отношений или говорят о комплексном характере отрасли права. Однако все доводы теряют свою убедительность, если авторы не в состоянии выделить предмет и метод правового регулирования, а также специальные отраслевые принципы. Не выдерживает критики обоснование вхождения норм права сразу в несколько отраслей права – именно это логическое противоречие не смогли устранить сторонники так называемых комплексных отраслей права. Очень образно и эмоционально о «новых» отраслях права высказался профессор В.С. Белых: «законодательные джунгли, парад отраслей права» [11, с. 40], можно добавить – и научные джунгли, в которых сложно разобраться не только студенту, но и ученому.

Не менее разнообразна палитра мнений о новых видах юридической ответственности. В частности, за последние два десятилетия в различных отраслях научного знания были предприняты попытки обосновать налоговую, бюджетную, градостроительную, земельную, экологическую и даже таксовую ответственность. Подробный обзор различных точек зрения о новых видах ответственности представлен в статье Д.А. Липинского и А.А. Мусаткиной [12, с. 30]. Как правило, в научных работах «новые» отрасли права коррелируют с «новыми» институтами юридической ответственности, допускается очень «вольное» обращение с такими понятиями, как «вид юридической ответственности» и «институт юридической ответственности». Для многих ученых данные явления выступают как тождественные, хотя в своих работах они прямо на это не указывают.

Между тем в основании обособления институтов юридической ответственности в относительно самостоятельные правовые образования находятся характеристики, схожие с определением любого правового института. При этом за основу берутся объективные критерии, а не субъективные, зависящие от воли законодателя или самого исследователя (именно поэтому появляются в различных классификациях такие виды юридической ответственности, как ответственность «государственных служащих», «сотрудников следственного комитета», «нотариусов» и т. д.).

Несложно заметить, что в основе вышеприведенной классификации находятся характеристики субъекта или в качестве классифицирующего критерия может выступать целевой с функциональным признаком (на подобной основе выделяется «карательная» и «восстановительная» ответственность [13, с. 9]). Однако такого рода критерии не имеют ничего общего с характеристиками, на основе которых мы определяем правовые институты. Можно сделать предварительный вывод: любой отраслевой институт юридической ответственности является ее видом, но не каждый вид юридической ответственности выступает в качестве отраслевого института юридической ответственности.

Ранее мы уже указывали, что система юридической ответственности постоянно изменяется, а в XXI столетии специалисты по теории государства и права, а также по отраслевым наукам пришли к выводу о существовании таких отраслевых институтов, как «конституционная, уголовно-исполнительная, гражданско-процессуальная, уголовно-процессуальная, финансово-правовая ответственность» [14–17].

«Отраслевых институтов юридической ответственности меньше, чем отраслей права», как отмечает О.Э. Лейст [18, с. 30]. Данное утверждение (и од-

новременно критика отраслевого критерия), сформулированное более сорока лет, назад не утратило своей значимости и в настоящее время, но необходимо указать на особый нюанс. Критика, высказанная О.Э. Лейстом по отношению к классификации видов юридической ответственности, не относится к выявлению отраслевых институтов юридической ответственности. Выделение последних в системе права и классификация видов юридической ответственности – это совершенно разные процессы.

Анализ работ ученых, обосновывающих новые институты юридической ответственности, показывает следующее.

Во-первых, наличие кодифицированного нормативного акта часто приводит их к выводу о существовании отраслевого института юридической ответственности, но и сам кодифицированный нормативный правовой акт не всегда свидетельствует о существовании отрасли права, так как его наличие относят к дополнительному критерию, на основе которого он выделяется.

Во-вторых, «отдельная правовая норма, предусматривающая санкцию, выдается за целый институт юридической ответственности» [12, с. 31]. Например, в Земельном кодексе содержится только отдельная норма, предусматривающая ответственность (ст. 76 ЗК РФ). При этом не учитывается самое элементарное определение правового института, заключающееся в том, что он всегда представляет собой «совокупность правовых норм» [19, с. 12], а не единичную правовую норму.

В-третьих, правовыми институтами юридической ответственности представляются нормативные образования, лишенные собственных принципов, целей, задач и функций, то есть исходных начал, на которых базируется любой правовой институт; это подчеркивает лишь то обстоятельство, что указанное правовое образование является составной частью другого правового института или нескольких правовых институтов. Так, по обозначенной причине не выдерживает критики выделение так называемой градостроительной ответственности.

В-четвертых, несовершенство самой юридической техники и законодательства часто приводит ученых к мысли о реальности новых институтов юридической ответственности. Например, этому способствуют следующие формулировки: «несет ответственность в соответствии с действующим законодательством» или «несет иную ответственность». В таких формулировках остается неясным, в соответствии с каким законодательством и какую ответственность несет субъект.

В юридической литературе отмечается, что система права обладает полиструктурностью и ее отраслевое деление может проводиться по различным основаниям. Этот вывод в полной мере можно отнести и к системе юридической ответственности. Выделение институтов юридической ответственности в корреляции с отраслями права не является единственно возможным. Другое основание вычленения институтов юридической ответственности также соотносится с основаниями подразделения системы права, но уже на совершенно ином уровне. Так, если отраслевым институтам юридической ответственности соответствует микроуровень системы права, то совсем другие институциональные образования выделяются при обращении к макроуровню. На основе взаимосвязи упомяну-

тых систем можно указать, что существуют микро- и макроуровни системы юридической ответственности, соотносящиеся с аналогичными уровнями системы права. Известно, что на макроуровне система права подразделяется на публичное и частное, а также материальное и процессуальное право, в связи с чем стали обосновывать наличие материальной и процессуальной ответственности, а также публично-правовой и частноправовой ответственности. Таким образом, мы видим, что здесь отсутствует отраслевой критерий как таковой. Более того, отраслевой критерий будет противоречить классификации юридической ответственности на макроуровне.

Так, большой методологической ошибкой является механическое деление самих отраслевых институтов на публично-правовые и частноправовые. В результате подобного деления, например, гражданско-правовую ответственность стали относить к частноправовой, а уголовную – к публично-правовой. Методологическая ошибка заключается в том, что частное и публичное право выделяются не на основе отраслевых критериев, так же как и материальное и процессуальное право определяются не на базе отраслевых характеристик. Бессмысленной представляется попытка разделять отрасли права на публичные и частные. Здесь мы солидарны с В.В. Болговой, «отстаивающей идею недопустимости применения для характеристики системы публичного права суммативного, механического подхода, при котором определяется публично-правовая принадлежность отдельных отраслей права» [20, с. 34], так как совмещаются критерии, которые в принципе противоречат друг другу. Аналогичное утверждение можно отнести и ко второй составляющей упомянутой дихотомии – частному праву, а также к публично-правовой и частноправовой ответственности. Их структурными элементами выступают правовые нормы, а не отраслевые институты. Между тем группировка этих норм в рамках подобного глобального образования необходима, но на основе критериев, используемых для межотраслевых институтов. Как правило, в их качестве выступают сфера действия и объект правового регулирования.

Как мы уже указывали, другими глобальными подсистемами системы права являются материальное и процессуальное право. Они также составляют дихотомическую пару. В юридической литературе давно исследуются различные виды процессуальной ответственности, но тогда логически напрашивается вывод и о существовании материально-правовой ответственности, но не в том смысле, который она имеет в трудовом праве. Характеристика процессуальной ответственности при этом часто основывается на механическом суммировании различных отраслевых видов юридической ответственности, что по меньшей мере нелогично и противоречит принципам выделения материального и процессуального права в системе права. Нормы процессуальной ответственности занимают особое место среди норм процессуального права, так как они направлены на охрану процессуальных отношений и обеспечение нормального функционирования юридического процесса.

Однако определение института процессуальной ответственности и противоположного ему института материальной ответственности связано с проблемой уяснения материального и процессуального права. Как известно, в юридиче-

ской литературе существуют широкое и узкое понимание юридического процесса. Так, одними из наиболее убежденных сторонников широкого понимания процесса являются А.А. Павлушина и В.Н. Баландин, по мнению которых он классифицируется на правоприменительный (включающий юрисдикционный и неюрисдикционный) и правотворческий [21, с. 31]. Сама А.А. Павлушина рассматривает процессуальное право очень широко, включая в него, по сути, все юридические процедуры и полагая, что между материальным и процессуальным правом существуют некие переходные формы [22, с. 11]. Мы не являемся сторонниками широкого понимания процессуального права, но одновременно выступаем и против его определения посредством суммирования различных видов юрисдикционного процесса. Вместе с тем можно и нужно согласиться с мнением А.А. Павлушиной о наличии процессуальных норм в отраслях, которые в целом относят к материально-правовому блоку процессуальных норм. Однако необходимо оговорить, что это нормы охранительной направленности, которые обеспечивают нормальное функционирование юрисдикционного процесса. К примеру, в Уголовном кодексе существует целая глава, обеспечивающая нормальное функционирование правосудия, выделяемая прежде всего по признакам видового объекта. У перечисленных в упомянутой главе преступлений права и свободы выступают в качестве дополнительного объекта. Кодекс об административных правонарушениях содержит отдельные нормы, обеспечивающие административное правосудие. По своей природе это нормативные правовые акты – материально-правовые, но содержащие нормы, обеспечивающие различные виды юрисдикционного процесса.

Мы выступаем против выделения так называемых комплексных отраслей права, но поддерживаем саму идею существования комплексных отраслевых институтов. Институт процессуальной ответственности является комплексным и не складывается только из норм, предусмотренных в ГПК, УПК и других процессуальных актах. Нормы процессуальной ответственности содержатся и в тех отраслях права, которые по своей сути являются материальными, но включают предписания, направленные на охрану процессуальных правоотношений, выполняя тем самым охранительную функцию именно по отношению к различным видам процесса. Вышесказанное не означает отсутствия гражданской процессуальной или уголовно-процессуальной ответственности как таковых и не отрицает отраслевого деления системы юридической ответственности. Суть наших аргументов в том, что юридическая ответственность – это полиструктурное образование, характеризующееся наличием структур различных уровней. Более того, признание отдельных норм, содержащихся в КоАП в качестве норм административно-процессуальной ответственности, не подразумевает наличия соответствующего полноценного института в рамках обозначенной отрасли права.

В завершение статьи сделаем следующие выводы. Во-первых, для выявления элементов системы юридической ответственности на микроуровне можно использовать отраслевой критерий. При этом должно быть научно обоснованным и существование самой отрасли права с учетом методологической посылки отсутствия комплексных отраслей права и недопустимости их отождест-

вления с самой системой законодательства о юридической ответственности. Во-вторых, возможно и необходимо выявлять институциональные образования на макроуровне системы права. В-третьих, юридическая природа институциональных образований юридической ответственности на макроуровне является межотраслевой. В-четвертых, можно и нужно ставить вопрос о существовании законодательства о юридической ответственности, которое по своим структурным блокам не тождественно отраслевым институтам юридической ответственности.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Липинский Д.А.* О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27–37.
2. *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность: теоретические вопросы. Красноярск: Изд-во Краснояр ун-та, 1985. 120 с.
3. *Чечина Н.А., Элькин П.С.* Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.
4. *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 153 с.
5. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2007. 934 с.
6. *Лисица В.Н.* Инвестиционное право России как комплексная отрасль права // Вестник НГУ. Сер.: Право. 2008. Т. 4, № 1. С. 14–23.
7. *Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю.* К вопросу о признании прав человека комплексной отраслью права // Государство и право. 2009. № 1. С. 23–35.
8. *Алферов А.Н.* Информационное право в системе отраслей права // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4 (39). С. 3–6.
9. *Толкачев К.Б.* Антикоррупционное право и теоретико-правовые вопросы систематизации антикоррупционного законодательства // Юрид. наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2017. № 3 (39). С. 11–21.
10. *Дудиков М.В.* Горное право в системе отраслей права // Lex Russica. 2015. Т. 104, № 7. С. 43–56.
11. *Белых В.С.* Понятие банковского права и его место в системе права России // Государство и право. 2011. № 4. С. 5–13.
12. *Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязи и соотношения // Право и политика. 2019. № 9. С. 29–47. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.9.30581>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30581, свободный.
13. *Кислухин В.А.* Виды юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.
14. *Виноградов В.А.* Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. 240 с.
15. *Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю.* Уголовно-исполнительная ответственность: к постановке проблемы // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер.: Юрид. науки. 2010. № 3. С. 69–71.

16. Чуклова Е.В. Место института процессуальной ответственности в системе права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3. С. 6–15.
17. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности // Журн. рос. права. 2005. № 10 (106). С. 142–151.
18. Лейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Правоведение. 1977. № 3. С. 22–42.
19. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. Саратов: Изд-во СГАП, 2000. 54 с.
20. Болгова В.В. Публичное право: проблемы теории, методологии, практики: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 47 с.
21. Баландин В.Н., Павлушина А.А. О видах юридического процесса // Изв. вузов. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 22–33.
22. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. 459 с.

Поступила в редакцию 20.09.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Валеева Гузель Анваровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики обучения праву

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: GAValeeva@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 7–18

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6-7-18

On the Concept of Legal Liability Institutions

G.A. Valeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: GAValeeva@kpfu.ru

Received 20 September, 2024; Accepted November 19, 2024

Abstract

The nature and distinguishing features of legal liability institutions in the legal system were analyzed. The tendency to define legal institutions in the branches of law solely through the legislative factor (tied to regulatory acts) was criticized. Distinctions were made between the concepts of “legal liability type” and “legal liability institution,” highlighting the key differences between them. Additional evidence was provided to support the identification of legal liability institutions by relating them to particular branches of law, which are considered the structural elements of the legal system at both macro- and micro-levels. The mechanical classification of legal liability institutions belonging to various branches of law within public or private law was challenged. The practice of treating private and public law liability, along with procedural and substantive liability, as a set of institutions associated with specific legal branches was questioned. The conclusion was made about the need to raise the issue of legal liability legislation that does not mirror the structure of legal liability institutions existing

in the legal branches. This differentiation would create an effective legal liability system, without complicating it with numerous legal entities.

Keywords: legal institution, legal liability institution, structural elements of legal system, legality, procedural liability, levels of legal system

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Lipinsky D.A. On the legal system and types of legal liability. *Pravovedenie*, 2003, no. 2 (247), pp. 27–37. (In Russian)
2. Bazylev B.T. *Yuridicheskaya otvetstvennost': teoreticheskie voprosy* [Legal Liability: Theoretical Issues]. Krasnoyarsk, Izd. Krasnoyarsk. Univ., 1985. 120 p. (In Russian)
3. Chechina N.A., Elkind P.S. On criminal procedural and civil procedural liability. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, 1973, no. 9, pp. 31–41. (In Russian)
4. Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D. *Otvetstvennost' v sisteme garantii konstitutsionnykh norm* [Responsibility in the System of Constitutional Safeguards]. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1985. 153 p. (In Russian)
5. Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General Theory of Legal Liability]. St. Petersburg, Yurid. Tsentr-Press, 2007. 934 p. (In Russian)
6. Lisitsa V.N. Investment law of Russia as a complex branch of law. *Vestnik NGU. Seriya: Pravo*, 2008, vol. 4, pp. 14–23. (In Russian)
7. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Yu. On the issue of recognizing human rights as a complex branch of law. *Gosudarstvo i Pravo*, 2009, no. 1, pp. 23–35. (In Russian)
8. Alferov A.N. Information law within the broader system of legal branches. *Sibirskii Yuridicheskii Vestnik*, 2007, no. 4 (39), pp. 3–6. (In Russian)
9. Tolkachev K.B. Anticorruption law and the theoretical and legal issues of anticorruption legislation systematization. *Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD RF*, 2017, no. 3 (39), pp. 11–21. (In Russian)
10. Dudikov M.V. Mining law in the system of legal branches. *Lex Russica*, 2015, vol. 104, no. 7, pp. 43–56. (In Russian)
11. Belykh V.S. The concept of banking law and its place in the legal system of Russia. *Gosudarstvo i Pravo*, 2011, no. 4, pp. 5–13. (In Russian)
12. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. The system of law and the system of legal liability: Some problems of their relationship and alignment. *Pravo i Politika*, 2019, no. 9, pp. 29–47. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.9.30581>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30581. (In Russian)
13. Kislukhin V.A. Types of legal liability. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Moscow, 2002. 26 p. (In Russian)
14. Vinogradov V.A. *Konstitutsionnaya otvetstvennost': voprosy teorii i pravovoe regulirovanie* [Constitutional Liability: Theoretical Issues and Legal Regulation]. Moscow, 2000. 240 p. (In Russian)
15. El'chaninov A.P., El'chaninova O.Yu. Penal liability: Framing the problem. *Vektor Nauki Tol'yatinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Yuridicheskie Nauki*, 2010, no. 3, pp. 69–71. (In Russian)
16. Chuklova E.V. The place of the procedural liability institution in the legal system. *Yuridicheskaya Nauka i Pravoohranitel'naya Praktika*, 2019, no. 3, pp. 6–15. (In Russian)
17. Musatkina A.A. Financial liability as a type of legal liability. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2005, no. 10, pp. 142–151. (In Russian)
18. Leist O.E. The main types of legal liability for an offense. *Pravovedenie*, 1977, no. 3, pp. 22–42. (In Russian)

19. Kirimova E.A. *Pravovoi institut: ponyatie i vidy* [Legal Institution: Concept and Types]. Saratov, Izd. SGAP, 2000. 54 p. (In Russian)
 20. Bolgova V.V. Public law: Problems of theory, methodology, and practice. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Tambov, 2009. 47 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Валева Г.А. К вопросу об институтах юридической ответственности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.7-18>. ⟩

⟨ **For citation:** Valeeva G.A. On the concept of legal liability institutions. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 7–18. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.7-18>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(3)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.19-28

ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XII–XIII ВЕКОВ

А.К. Гладков

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, 119334, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию представлений двух выдающихся средневековых мыслителей Иоанна Солсберийского и Фомы Аквинского о законе, его видах, функциях и предназначении. Рассуждения интеллектуалов, отражающие теоретический уровень политического знания своего времени и исторический контекст, в значительной степени определили вектор развития “scientia politica” в XII–XIII вв. Каждый из мыслителей разделяет закон на Божественный, природный и человеческий (гражданский), отмечая их взаимосвязанность и отчасти взаимозависимость в рамках действия внутри социума. В христианской картине мира Иоанна и Фомы именно королю, опирающемуся на три обозначенных закона и руководствующемуся принципами справедливости, предназначено вести своих подданных к «общему благу», стоять на страже их свободы и счастья.

Ключевые слова: закон в Средние века, Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский, политическое знание (“scientia politica”)

Развитие средневековой политико-правовой мысли в XII–XIII вв. справедливо связывают с именами двух интеллектуалов, не похожих в плане мировоззрения и творческой манеры, но в чем-то оказавшихся на удивление созвучными и даже тождественными, – Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180) и Фомы Аквинского (1225–1274). Каждый из них стал во многом олицетворением целой эпохи (Ренессанса XII в. и «Золотого столетия» схоластики (XIII в.) соответственно), в которую жил и работал, и, хотя степень воздействия на умы потомков у Иоанна и Фомы не одинакова, их наследие демонстрирует устойчивый континуитет идей, составивших стержень “scientia politica” в Средние века.

Иоанн Солсберийский, внедрив многие философские позиции Стагирита в интеллектуальный контекст XII в., оказался предтечей определенной «революции» в области политической мысли. Не менее значительна роль Аквината. Фома, опиравшийся на достижения предшественников и доступный к тому времени латинский перевод «Политики» Аристотеля, также внес весомый вклад в понимание классических проблем власти, общества, соотношения индивидуального и коллективного начал.

Несмотря на различия, отражающие этап в развитии средневекового мирозерцания в целом, оба интеллектуала – каждый в своем историческом поле

рефлексии – анализировали общие проблемы, составляющие основу развития политико-правовой мысли. Речь идет о понимании Иоанном Солсберийским и Фомой Аквинским закона (“lex”), его видов, функций и значения; их толкование – важный маркер теоретического оформления “scientia politica” в XII–XIII вв.

* * *

Правление Стефана I Блуаского, связанное в исторической памяти Англии прежде всего с годами так называемой феодальной анархии, оценивалось современниками преимущественно как время беззакония (“iniuria”). Придя к власти в нарушение воли Генриха I и данной его дочери, Матильде, вассальной клятвы верности, Стефан не воспринимался английскими интеллектуалами – хронистами и церковными писателями – как легитимный король. Смута, порожденная его правлением и закончившаяся только в 1154 г. с воцарением Генриха II Плантагенета, побудила тех, кто пережил годы гражданских волнений, обратиться к переосмыслению феномена королевской власти в политико-правовом измерении. В ряду мыслителей, посвятивших изучению данной темы много времени и сил, стоит в первую очередь упомянуть Иоанна Солсберийского. В его сочинениях, и прежде всего в фундаментальном трактате «Поликратик, или о забавах света и заветах философов» (“Polycraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum”, 1159 г.), мы находим много рассуждений о том, как в Англии XII в. понимали закон, обладающий особым содержанием, внутренней иерархией, определенными функциями и даже пределами действия. Наконец, исключительную актуальность имели проблема соотношения королевской власти с правовыми механизмами, ее ограничивающими, а также тема закона как «абсолютного мерила» жизни средневекового общества.

Иоанна едва ли можно отнести к кругу профессиональных юристов, ведь специально он не занимался изучением права, не был членом суда и не участвовал в разбирательстве дел. Тем не менее опыт службы в курии архиепископов Кентерберийских Теобальда и Фома, отразившийся в его обширном эпистолярном наследии (в одном из писем даже упоминается так называемый “lex Julia repetundarum” (Lett., p. 160)), показывает, насколько основательными были знания Солсберийца в области римского и канонического права. И речь не идет о формальной стороне дела – Иоанн демонстрирует знакомство не только с “Corpus iuris civilis”, но и с трудами, например, магистра Вакария, имя которого даже упоминается на страницах «Поликратика» (Polycrat., v. II, p. 399).

В христианской картине мира Иоанна Солсберийского, как, впрочем, и большинства людей его времени, именно Бог был на вершине всего, а Его закон – “lex Dei” – регулировал, направлял и корректировал жизнь в горнем и дольном мирах [1, с. 9–16]. И он же являлся идеальным образцом для других законов – природного, более приближенного к “lex Dei” в силу своей естественности, и человеческого (гражданского). Божественный закон абсолютен (“lex absoluta”), носит всеобщий характер, ведь в своем действии он справедлив по отношению к каждому. Кроме того, именно “lex Dei” содержит в себе наряду со «справедливостью» (“iustitia”) (Polycrat., v. I, p. 237) еще и «равенство» (“aequitas”) [1, с. 9–16].

Следуя за Бл. Августином, Иоанн различает, собственно, вечный закон, идентичный Творцу, и закон временной – рожденный (или изобретенный (Policrat., v. I, p. 237)) разумом людей.

Божественный закон, как и любой другой, принуждает человека к благу, однако использует, так сказать, не столько физические, сколько моральные инструменты воздействия.

«Страх» (“timor”) в системе действия “lex Dei”, как отмечает Иоанн, является неотъемлемым элементом соотношения человеческих поступков с «абсолютным мерилom» (Policrat., v. I, p. 237); страх необходим [2, с. 182–190], поскольку предостерегает – на уровне мыслей, намерений и поступков – от совершения греха, суля потенциальному преступнику воздаяние не только при жизни, но и после смерти.

Божественный закон фактически задает форму и определяет функциональность человеческого закона, а тем более закона королевского (“lex regis”), который, как и “lex Dei”, должен в своем действии ориентироваться на справедливость, пусть не на абсолютную и не достижимую в мирской жизни, и стремиться к этому идеалу. Государь выступает одновременно и источником, и носителем, и орудием закона, который имеет в себе трансцендентный элемент. Как король – «подобие божественного величия» (Policrat., v. I, p. 236), так и, соответственно, монарший закон уподобляется Божественному.

Следовательно, размышляет Иоанн, «страх» в контексте действия “lex regis” также необходим: государю полагается бояться отступить от завета Творца, а подданным должно страшиться нарушить волю своего господина, которая, если она благая, имеет силу закона. Иными словами, функционирование общества на разных его уровнях осуществляется путем следования каждого индивида своим обязанностям и предписаниям. Кроме того, не только королю, являющемуся примером для всех, но и подданным, даже находящимся на самой нижней социальной ступени, следует проявлять «послушание» по отношению к законам – Божественному и человеческому (гражданскому).

Что касается природного закона, регулирующего взаимоотношения внутри «естественного мира», то и он определяет характер поведения и поступков людей, связанных с окружающей действительностью и как бы вписанных в нее. Как доброе, так и злое деяние властителя отражается на природе, либо нарушая ее устройство, внося раздор, либо утверждая даже среди зверей некую меру справедливости.

«Закон» в руках короля несет подданным мир (“pax”) и благополучие (“prosperitas”, “felicitas”), а вот тиран, как полный антипод “rex iustus”, искажает закон, подменяет понятие и саму его сущность, превращая в «антизакон». Если свобода (“libertas”) – необходимая для раскрытия потенциала закона «категория», то рабство – ее полная противоположность и объект, которого жаждет тиран.

Король только тогда свободен в своих действиях, когда ограничен законом; этот мнимый парадокс озвучивает Иоанн и воспроизводит чуть позже Генри Брактон [3, с. 297–307].

Размышления схоласта о “lex regis” – не столько акт отвлеченного теоретизирования, сколько рефлексия об актуальных процессах, происходивших в Англии.

Механизм укрепления королевской власти, политических и надзорных структур, запущенный Генрихом II, был связан с реформами в области законодательства, и прежде всего с преданием «общему праву» (а фактически – королевскому) центральной роли в регулировании отношений внутри социума.

Закон обязателен для исполнения, и никто – в том числе король и члены “familia regis” – не может, как бы ни хотел, встать над ним [4, р. 55–57]. Эта мысль подчеркивается в том числе в связи с событиями недавнего прошлого, когда нарушение закона стало «нормой жизни» и даже клятвопреступление не помешало узурпировать власть. Иоанн снова возвращается к периоду правления Стефана, оцениваемого им, да и большинством английских интеллектуалов, исключительно отрицательно. Однако не только король, вернее, по терминологии Солбсерица, «тиран», продемонстрировал неуважение к законам Англии, но и духовные лица – так, к примеру, архиепископ Кентерберийский Уильям провел коронацию Стефана вопреки завету Церкви, закону и воле Генриха I, после чего получил божественное наказание – скорую смерть (Hist.Angl., р. 700). Рассуждая о разных видах тирании [5, с. 81–96] – светской и церковной, Иоанн Солсберийский выделяет их общие черты – отступление от закона, справедливости, ограничение свободы, игнорирование интересов подданных ради своекорыстных желаний – и заключает, что конец таких «нечестивых правителей» предопределен (Policrat., v. II, р. 379).

«Закон низменных желаний» (позднее “lex concupiscentiae” нашел обоснование в трудах Фомы Аквинского, и прежде всего в «Сумме теологии», см. ниже) определяет волю грешников, каждый из которых – на своем социальном уровне – демонстрирует нежелание соотносить свои поступки с общими установлениями; иными словами, Иоанн противопоставляет эгоистичное начало коллективному.

«Анархия» Стефана, по мнению Солсберийца, еще и потому была временем беззакония, что отвергала достижения римского права и посвященной ему комментаторской традиции, которые могли улучшить жизнь английского общества.

Закон только тогда усваивается королем и находит верное применение на практике, когда государя – как «законодателя» (“legis auctor”), «защитника» (“defensor”) и «толкователя» (“interpretator”) закона – окружают мудрые советники, чуждые лести. Ведь верная интерпретация закона – особое искусство, которому король может научиться лишь с помощью знания и добродетелей [6, с. 22–25]. Проникновение в суть закона уже при жизни короля дарует ему и его подданным долгожданное «счастье» (Metalog., р. 12–13) (“beatitudo”) – аристотелевское толкование этого понятия, воспроизведенное Иоанном, как бы дополняет авторские рефлексии о “lex regis” и “lex” в целом.

Мыслитель возлагает особую миссию не только на государя, но и на знатных представителей социальной общности в целом, которые своим трудом как бы дополняют то, чего не хватает «безмолвствующему большинству» (Policrat., v. II, р. 73).

Понимание трехчастного измерения обобщенного универсального закона – Божественного, естественного и человеческого (гражданского) – соединяется в интерпретации Иоанна Солсберийского также с трехчастным осмыслением

функций королевской власти, действующей в трех пространствах – сакральном, природном [7, с. 71–82] и социальном. Данное наблюдение выделяет позицию автора XII в. из общего ряда мнений, высказывавшихся в то время, и роднит его, как представляется, с суждениями другого выдающегося мыслителя – Фомы Аквинского [8, р. 187–225; 9, р. 85–106].

Знаменитый представитель «Золотого века» схоластики, как и его предшественник, живший столетием ранее, выделяет в своей фундаментальной, но незавершенной «Сумме теологии» (*“Summa theologiae”*, 1265–1274 гг.) три закона: Божественный (или высший), естественный (*“ius naturale”*) и гражданский. Объединяя в толковании аристотелевскую традицию, принципы римского права и истины христианского вероучения, Аквитан выдвигает ключевую идею, объединяющую все законы, а именно концепцию законодателя. В случае с Божественным законом законодателем выступает сам Творец, с естественным законом – природа в целом, а с гражданским – государь (*“princeps”*, *“rex”*) (СуммаТеол., с. 288). Один закон как бы дополняет другой, и происходит это по нисходящей вертикальной линии от абсолютного *“lex”* (*“lex Dei”*) через естественный закон к гражданскому. Фома подчеркивает, что не столько воля (*“voluntas”*), сколько разум (*“ratio”*) (СуммаТеол., с. 284–290) является главным двигателем во взаимоотношениях индивида и закона, понимаемого прежде всего как моральный императив (СуммаТеол., с. 284–290). Именно разум повелевает воле делать тот или иной выбор, налагает на нее пределы, соотносясь с законом или отвергая его. Аквинат формулирует принцип «подражательности» низшего в иерархии закона высшему, в итоге, заключает мыслитель, гражданский закон стремится к абсолютной форме – Божественному закону, выбирая общее благо [10, р. 76–129] как главную цель своего действия. Счастье (*“beatitudo”*), таким образом, достигается не только за счет преодоления насилия, но и, что важнее всего, улучшения самой природы человека, искоренения изъянов его внутреннего устройства.

Роль законодателя в политико-правовой рефлексии Фомы Аквинского весьма велика: в случае с гражданским законом именно государю принадлежит прерогатива «создания» законов, их последующего провозглашения среди подданных и, отметим особо, письменной фиксации. По сути, схоласт XIII в., как и его далекий предшественник, выдвигает мысль, согласно которой именно народ во всей своей совокупности является источником закона, который на него же – то есть на народ – и ориентирован. При этом, однако, подданные уступают свою власть государю, который удостоивается права представлять их интересы, легитимно править и заниматься законотворчеством прежде всего ради общего блага.

Итак, если Божественный (или вечный) закон фактически олицетворяет Творца, знаменуя Его разум и волю, то естественный закон воплощает тварное начало; все они – трансцендентное и природное – дополняются «искусственным» изобретением человеческого ума, то есть гражданским законом, регулирующим жизнь и отношения индивидов внутри социума. Любопытно, что естественный закон [11, р. 209–244], как и гражданский, должен непременно иметь «письменную» форму, и речь в данном случае идет о его запечатленности в скрижалях че-

ловеческой души – иными словами, в свойственных ей склонностях. Все законы, налагая определенный отпечаток на волеизъявление индивида, побуждают его искать добро и избегать зла, делать моральный выбор в пользу чего-то, имеющего определяющее значение для человеческой души. В контексте этих рассуждений Аквинат выдвигает идею закона (или права), ориентированного в своем потенциальном действии на конкретного человека, вовлеченного в социальное взаимодействие с себе подобными, на достижение его сугубых интересов, – “*ius ("lex") suum*” (СуммаТеол., с. 286).

На стыке естественного и гражданского законов находится так называемый закон вожделения (“*lex concupiscentiae*”, или “*lex fomitis*” (СуммаТеол., с. 301)) – иррациональное правило, некий «первобытный инстинкт», нарушающий логику, заглушающий доводы разума и направляющий человека в противоположную от моральной сторону общественной жизни. И если индивид, не облеченный властью и оказавшийся под действием “*lex concupiscentiae*”, идет по пути нравственного разложения, то государь, обладающий высшим положением в мирской иерархии, став «рабом страстей», всех своих подданных стремится обратить в это же рабство. Так и рождается тирания, подменяющая закон «антизаконом», справедливость – ее видимостью, свободу – рабством, а естественный закон, санкционирующий природные желания по продолжению рода, самосохранению и поддержанию социальных контактов, – «законом вожделения» как искажением свойственных человеку благих устремлений.

Иными словами, Фома Аквинский поднимает вопрос о психологических предпосылках возникновения «нечестивой власти» и морально-этическом облике ее носителя. Государь, оказавшийся по собственной воле или под воздействием внешних причин (в том числе лстивых речей дурных советников) в плену у «закона вожделения», трансформируется в тирана, а его статус законодателя автоматически обновляется, в результате чего всякая законодательная инициатива, от него исходящая, обретает негативную форму. Если прежде “*lex regis*” преследовал идеалы справедливости, удовлетворяющие интересы всех подданных, то “*lex tiranni*” – утверждение анархии и недопущение мира (пусть и временного).

«Королевский закон», как подчеркивает Фома, нацелен на утверждение – путем «закона естественного» – добродетелей, без которых немислимо совершенство как человека, так и всего социального организма. Соответственно, всякая его противоположность влечет к искоренению благочестия, нарушению общественных ролей и связей, также имеющих природное начало.

* * *

При чтении трактатов Иоанна Солсберийского и Фомы Аквинского легко найти множество расхождений, но куда важнее выявить общие позиции по столь важному для развития политико-правовых представлений в Средние века вопросу, как «закон» [12, р. 1–30]. Христианские установки моральной философии двух мыслителей, их знакомство с текстами Аристотеля, а также изрядная осведомленность в римском праве позволили Иоанну и Фоме сформулировать оригинальное понимание законов – Божественного, естественного и граждан-

ского. Оба интеллектуала рассматривают закон как прежде всего моральное правило, регламентирующее жизнь человека и отвечающее задаче реализации его внутренних устремлений. Подобно тому, как естественный закон подражает Божественному, так и гражданский закон тяготеет к более идеальной – природной – форме. При этом схоласты, несколько различаясь в терминологии, тем не менее близки в толковании низменных желаний индивида как проявлений действия особого закона (или «антизакона») – “*lex concupiscentiae*”. Эти порочные страсти и определяют поступки того или иного человека, в том числе и правителя. Однако именно государю опасно впадать в крайности морального характера, ведь, единожды став рабом «закона вождения», он едва ли сможет исправиться. Следовательно, размышляют авторы, такой властитель перерождается в тирана, подчиняющего подданных и ввергающего их в рабство; тут уже не приходится и говорить об общем благе, ведь превыше всего в тираническом порядке – благо отдельно взятого лица, облеченного властью.

Конечно, и Иоанн Солсберийский, во многом заслуженно олицетворявший интеллектуальный поворот, происходивший в Западной Европе XII в., и Фома Аквинский, задавший новый вектор схоластического философствования в следующем, XIII столетии, – оба автора (на примере толкования ими закона) продемонстрировали преемственность идей и логики «политического мышления». Их рассуждения о “*lex regis*”, фигуре законодателя, соотношении Божественного, естественного и гражданского законов, о «механике» перехода короля с позиции легитимного до тиранического – все это и многое другое определило характер развития политико-правовой мысли не только в XII–XIII вв., но и в последующие столетия.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Lett. – *John of Salisbury*. The Letters of John of Salisbury / Ed. by W.J. Millor, S.J. and H.E. Butler. Rev. by C.N.L. Brooke. London: Thomas Nelson and sons Ltd., 1955. 296 p.
- Policrat. – *Ioannis Saresberiensis*. Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum: 2 v. / Rec. et Prolegomenis C.C.I. Webb. New York: Arno Press, 1979. V. I. 368 p.; V. II. 511 p.
- Metalog. – *Ioannis Saresberiensis*. Metalogicon / Ed. by J.B. Hall. Auxiliata K.S.B. Keats-Rohan. Turnholti: Brepols, 1991. 209 p.
- Hist.Angl. – *Henry of Huntingdon*. Historia Anglorum / Ed. by D. Greenway. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. 899 p.
- СуммаТеол. – *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Первая часть Второй части, вопросы 68–114 [Sancti Thomae Aquinatis Summa Theologiae. Pars Prima Secundae. Quaestiones 68–114] / Пер. А.В. Апполонова; под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова. М.: Либроком, 2012. 688 с.

Литература

1. *Гладков А.К.* “*Aequitas servus est princeps*”: античные правовые категории в английской политической мысли XII в. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 1. С. 9–16. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-1-9-16>.

2. *Гладков А.К.* “Neque declinet in partem dextram vel sinistram”: дуализм власти в английской политической мысли XII в. // *Вопр. истории.* 2020. № 12 (3). С. 182–190. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi66>.
3. *Гладков А.К.* “Rex est instrumentum legis”: некоторые черты политической теории Генри Брактона // “Flores historiarum”: сборник в честь М.В. Винокуровой / Отв. ред. А.К. Гладков, П.Ю. Уваров. Сост. А.К. Гладков. М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2024. С. 297–307.
4. *Liebeschütz H.* Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury. Ser.: Studies of the Warburg Institute. V. 17. London: Warburg Inst., Univ. of London, 1950. 126 p.
5. *Гладков А.К.* «Убийство тирана не грех, но благодеяние»: представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени* / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2008. Вып. 69 (3). С. 81–96.
6. *Гладков А.К.* Союз добродетелей, король-мудрец и идея политической общности в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова.* 2023. Т. 29, № 4. С. 22–25. <https://doi.org/34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>.
7. *Гладков А.К.* “Venator Dei”, Кентавр и утраченная совесть: об одном аспекте средневекового политического мышления // *Вопр. истории.* 2021. № 12 (2). С. 71–82. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi61>.
8. *Dyson R.W.* Normative Theories of Society and Government in Five Medieval Thinkers: St. Augustine, John of Salisbury, Giles of Rome, St. Thomas Aquinas, and Marsilius of Padua. Ser.: Mediaeval Studies. V. 21. Lewiston, ME: Edwin Mellen Press, 2003. 314 p.
9. *The Social and Political Ideas of Some Great Mediaeval Thinkers: A Series of Lectures Delivered at King’s College University of London* / Ed. by F.J.C. Hearnshaw. New York, NY: Henry Holt & Co, 1923. 223 p.
10. *Kempshall M.S.* The Common Good in Late Medieval Political Thought. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. x, 401 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207160.001.0001>.
11. *Dyson R.W.* Natural Law and Political Realism in History of Political Thought: 2 v. V. I. From the Sophists to Machiavelli. Ser.: Major Concepts in Politics and Political Theory. V. 25. New York, NY: Peter Lang Publ., 2005. xiv, 344 p.
12. *Bede J.* Social Theories of the Middle Ages, 1200–1500. London: Frank Cass & Co, 1968. ix, 280 p.

Поступила в редакцию 20.10.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Гладков Александр Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, 119334, Россия
E-mail: gladkov2010@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 19–28

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.19-28

**Interpretation of Law in the Political and Legal Thought
of Western Europe during the 12th–13th Centuries**

A.K. Gladkov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 119334 Russia

E-mail: gladkov2010@yandex.ru

Received October 20, 2024; Accepted December 10, 2024

Abstract

This article explores the views of two outstanding medieval thinkers, John of Salisbury and Thomas Aquinas, on law (its types, functions, and purpose). Their intellectual reflections were based on the theoretical political knowledge and historical context of the time and played a key role in the development of “scientia politica” during the 12th–13th centuries. Both thinkers distinguished between Divine, natural, and human (civil) laws, emphasizing their interconnectedness and interdependence within society. The obtained results show that they had a Christian worldview, where the king, guided by the three laws and the principles of justice, was destined to lead his subjects toward the “common good”, ensuring their freedom and happiness.

Keywords: law in the Middle Ages, John of Salisbury, Thomas Aquinas, political knowledge (“scientia politica”)

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Gladkov A.K. “Aequitas servus est princeps”: Antique law categories in English political thought of the 12th century. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 9–16. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-1-9-16>. (In Russian)
2. Gladkov A.K. “Neque declinet in partem dextram vel sinistram”: Duality of power in 12th century English political thought. *Voprosy Istorii*, 2020, no. 12 (3), pp. 182–190. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi66>. (In Russian)
3. Gladkov A.K. “Rex est instrumentum legis”: Some features of Henry de Bracton’s political theory. In: Gladkov A.K., Uvarov P.Yu. (Eds.) “*Flores historiarum*”: *sbornik v chest’ M.V. Vinokurovoi* [“*Flores Historiarum*”: A Collection of Articles in Honor of M.V. Vinokurova]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2024, pp. 297–307. (In Russian)
4. Liebeschütz H. *Medieval Humanism in Life and Writings of John of Salisbury*. Ser.: Studies of the Warburg Institute. Vol. 17. London, Warburg Inst., Univ. of London, 1950. 126 p.
5. Gladkov A.K. “To kill a tyrant is not only legitimate, but fair”: The idea of unjust authority in *Policraticus* by John of Salisbury. In: Uvarov P.Yu. (Ed.) *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov’ya i rannego Novogo vremeni* [The Middle Ages: Studies in Medieval and Early Modern History]. Moscow, Nauka, 2008, vol. 69 (3), pp. 81–96. (In Russian)
6. Gladkov A.K. The union of virtues, wise king and idea of political community in *Policraticus* by John of Salisbury. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni N.A. Nekrasova*, 2023, vol. 29, no. 4, pp. 22–25. <https://doi.org/34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>. (In Russian)

7. Gladkov A.K. "Venator Dei", Centaur and the lost conscience: About one aspect of medieval political thinking. *Voprosy Istorii*, 2021, no. 12 (2), pp. 71–82.
<https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi61>. (In Russian)
8. Dyson R.W. *Normative Theories of Society and Government in Five Medieval Thinkers: St. Augustine, John of Salisbury, Giles of Rome, St. Thomas Aquinas, and Marsilius of Padua*. Ser.: Mediaeval Studies. Vol. 21. Lewiston, ME, Edwin Mellen Press, 2003. 314 p.
9. *The Social and Political Ideas of Some Great Mediaeval Thinkers: A Series of Lectures Delivered at King's College University of London*. Hearnshaw F.J.C. (Ed.). New York, NY, Henry Holt & Co, 1923. 223 p.
10. Kempshall M.S. *The Common Good in Late Medieval Political Thought*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1999. x, 401 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198207160.001.0001>.
11. Dyson R.W. *Natural Law and Political Realism in History of Political Thought*. Vol. I: From the Sophists to Machiavelli. Ser.: Major Concepts in Politics and Political Theory. Vol. 25. New York, NY, Peter Lang Publ., 2005. xiv, 344 p.
12. Bede J. *Social Theories of the Middle Ages, 1200–1500*. London, Frank Cass & Co, 1968. ix, 280 p.

⟨ **Для цитирования:** Гладков А.К. Толкование закона в политико-правовой мысли Западной Европы XII–XIII веков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 19–28. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.19-28>. ⟩

⟨ **For citation:** Gladkov A.K. Interpretation of law in the political and legal thought of Western Europe during the 12th–13th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 19–28.
<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.19-28>. (In Russian) ⟩

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.73

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.29-41

ФИНАНСОВАЯ НАУКА XIX ВЕКА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л.М. Файзрахманова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева, г. Казань, 420111, Россия*

Аннотация

Статья посвящена истории возникновения и развития научной школы финансового права Казанского университета в эпоху перестройки взаимоотношений права с государством и экономикой. Отмечается, что важной вехой в становлении науки финансового права стали преобразования, обусловленные изменениями, которые происходили в экономико-политической жизни России в первой половине XIX в. Представлен подробный анализ взглядов и научных трудов ученых-финансистов И.Я. Горлова, Е.Г. Осокина, Д.М. Львова и П.А. Никольского, стоявших у истоков формирования финансовой науки в Казанском университете. Сделан вывод о том, что к середине XIX в. в Императорском Казанском университете сформировалась собственная школа финансового права, которая последовательно развивалась и в последующем внесла значимый вклад в становление финансово-правовой доктрины дореволюционной России.

Ключевые слова: Казанский университет, казанская школа финансового права, налог, наука финансового права, политическая экономия, ученые, система финансового права, теория финансов

Наука – это организованное знание.
Герберт Спенсер

Начало XIX в. в Российской империи было ознаменовано зарождением и развитием идей, взглядов и концепций, направленных на реконструкцию и совершенствование экономических отношений в царской России. Именно в обозначенный период появились видные политические и экономические деятели, такие как М.М. Сперанский, разработавший «План финансов» в 1810 г. Он являлся одним из важнейших реформаторов своего времени, именно ему принадлежала идея создания в России законодательного органа – Государственного Совета, а также восьми министерств, в том числе Министерства финансов в 1802 г. Кроме этого, он разработал основные принципы бюджетного законодательства, а также высказал ряд значимых предложений по совершенствованию всей финансовой системы России. Так, И.Ю. Патлаевский отмечал, что благодаря графу М.М. Сперан-

скому финансовое законодательство получило должное место в системе свода законов [1, с. 20–21]. Следует заметить, что многие положения бюджетного строительства нашли отклик у правительства того времени и были воплощены в жизнь; по мнению ученых, они актуальны и в настоящее время [2, с. 40].

Нельзя не отметить вклад еще одного научного деятеля изучаемой эпохи, Н.И. Тургенева, работа которого «Опыт теории налогов» (1818) стала одним из фундаментальных трудов по теории налогов в России. По значимости ее можно сопоставить с работой А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

История любой гуманитарной дисциплины – это прежде всего история развития научных школ, взглядов ученых, которые находят отражение в их научных трудах и учебных программах образовательных заведений. Зарождение отечественной финансовой науки, по мнению многих современных исследователей, относится к первым десятилетиям XIX в. [2, с. 40; 3, с. 174]. Ее основы формировались под влиянием западноевропейских научных воззрений, выраженных в работах Ш.Л. Монтескье, И. Канта, А. Смита, Д. Рикардо, К.Г. Рау, Ф. Юсти. Несколько десятилетиями позже наука финансового права начала активно развиваться в России, и к середине XIX в. стали формироваться собственные научные школы и появляться многочисленные исследования российских финансоведов, чему способствовали экономические и политические реформы, происходящие в стране. Отменой крепостного права получили развитие рыночные отношения в экономике, постепенно осуществлялась монополизация рынка капитала. В указанный период финансовое право начинает преподаваться в высших учебных заведениях. Большую известность и авторитет в научных кругах к середине XIX в. получили Московская, Ярославская, Санкт-Петербургская, Одесская, Харьковская и Казанская школы финансового права. Яркими представителями Московской школы являлись Ф.Б. Мильгаузен, И.И. Янжул, И.Х. Озеров, Санкт-Петербургской – М.А. Балугьянский, В.А. Лебедев, Л.В. Ходский. Ярославская школа была представлена Демидовским юридическим лицеем в лице И.Т. Тарасова, А.А. Исаева, работы которого были посвящены государственному кредиту, [4] налогам и налоговому администрированию [5].

Казанская школа финансового права неразрывно связана с Императорским Казанским университетом, ее научное наследие представлено трудами таких видных ученых того времени, как И.Я. Горлов, Е.Г. Осокин, Д.М. Львов, П.А. Никольский, Г.А. Васуро и др. В настоящей статье мы ставили своей целью рассмотреть становление и развитие финансово-правовой мысли в Казанском университете XIX столетия, а также оценить то значительное влияние, которое оказала Казанская школа в целом на развитие отечественного финансового права.

Следует отметить, что в современной научной литературе труды ученых Казанского университета, в том числе в сфере финансово-правового регулирования, неоднократно попадали в фокус современных научных исследований [2, с. 39–40; 6, с. 15–16; 7]. Особый интерес в обозначенной связи вызывает монография М.Г. Лушниковой «Российская школа финансового права: портреты на фоне времени» [8, с. 385–414], в которой дан всесторонний обзор научного наследия выдающихся представителей школ финансового права. Кроме того, в

работе не только представлены научные вклады ученых, но и охарактеризованы их личностные портреты.

В 1837 г. на юридическом факультете Казанского университета было учреждено семь кафедр, среди которых была и кафедра законов о государственных повинностях и финансах. Именно она стояла у истоков развития финансовой науки Казанского университета. Потом на базе этой кафедры сформировалась Казанская школа финансового права.

Основоположником этой научной школы следует считать **Ивана Яковлевича Горлова** (1814–1890), выпускника юридического факультета Московского университета. Это был талантливый ученый, защитивший докторскую диссертацию по философии в 24 года. После защиты его приглашают в качестве профессора в Казанский университет [9, с. 23]. Для того времени было характерно активное пополнение преподавательского состава за счет молодых ученых. В Казани он проработает чуть более десяти лет. В дальнейшем его трудовая деятельность будет связана с Петербургским университетом, но, несмотря на это обстоятельство, по мнению многих ученых, И.Я. Горлов – это прежде всего ученый-финансист Казанской школы финансовой науки [8, с. 385–414; 10, с. 5].

В 1841 г. выходит один из его главных монографических трудов «Теория финансов», который, как отмечает сам автор, стал «первым полным сочинением о финансах на русском языке» [11, с. 2]. Впоследствии его признают первым российским учебником по финансовой науке [12, с. 37]. Своей работой автор хотел «привлечь внимание русского читателя и распространить вкус к финансовой науке» [11, с. 2], адресуя книгу не только университетским слушателям, но и чиновникам, служащим в сфере финансов, а также всем образованным людям.

Сочинение И.Я. Горлова содержит определение теории финансов как науки, рассуждающей о получении и употреблении средств для удовлетворения государственных потребностей. В связи с этим наши современники высказывают мнение о том, что работу нужно было назвать «Основные начала финансовой науки» [7, с. 73]. Исходя из понятия финансово-правовой науки, сформулированного И.Я. Горловым, финансовое право следует рассматривать как совокупность системы знаний, состоящей из сведений о доходах и расходах государства. В своей работе автор рассуждает о междисциплинарных связях между государственной и частной экономикой, отмечая, что их объединяет вопрос об имуществе. Кроме того, он подчеркивает, что с финансами в ближайшей связи состоят статистика, история, политическая арифметика (математика, приложенная к финансам).

Структурно сочинение состоит из трех частей. Часть первая посвящена государственным доходам, которые разделены на доходы разных родов, а именно:

- промысловые доходы с доменов (разного рода недвижимого имущества, принадлежащего государству и приносящего доход, как, например, земли и леса, а также фабрики и заводы);

- регалии (монопольные права на промыслы, составляющие в ту пору значительный источник доходов государства), которые, в свою очередь автор подразделяет на горные, монетные, табачные, почтовые и лотерейные;

- налоги (прямые – с чистого дохода и капитала, косвенные – с потребления); ученый выделяет такие признаки налога, как общность и равенство

(«должна быть не количественная, не арифметическая... а соразмерна с чистым доходом» [11, с. 6]), а также подчеркивает экономическую функцию налогов и указывает на то, что налог большей частью должен падать на чистый доход, а не на капитал.

Часть вторая повествует о государственных издержках, которые И.Я. Горлов подразделяет:

- на издержки законодательных властей;
- на издержки для государственного управления.

Рассуждая об экономии государственных расходов, ученый высказывает глубокую мысль, которая не утратила актуальности и в настоящее время: «Бережливость относительно содержания войска, достаточного для внешней обороны, была бы пагубна. <...> Все, что мы разумеем под началом бережливости, есть избежание ненужных, бесполезных издержек, роскоши, расточительности» [11, с. 233].

В части третьей подробно исследуются положения о государственном кредите. В ней автор противопоставляет две точки зрения: о ненужности государственного кредита, замены его налогами (Д. Рикардо) и исключительной важности государственного кредита (П. Лаффит). Значительное влияние на положения третьей части оказала работа М.Ф. Орлова «О государственном кредите» (1833), который признается основоположником учения о государственном кредите.

По мнению А.М. Лушникова, И.Я. Горлов был прежде всего последователем немецкой школы экономистов первой половины XIX в., хотя в его трудах содержится анализ учений как английских, так и французских ученых того времени [8, с. 390]. Работа И.Я. Горлова «Теория финансов» стала также первым комплексным сравнительно-правовым исследованием финансовых систем ряда европейских государств (Великобритании, Австрии, Баварии, Пруссии, Франции и Швеции). В книге широко представлены статистические данные по доходам этих стран за период с 1825 по 1835 г., в том числе отдельно по налоговым доходам.

За названную работу И.Я. Горлов был в 1842 г. награжден одиннадцатой учрежденной П.Н. Демидовым премией, которая являлась одной из высших научных наград того времени. В 1849 г. уже в стенах Петербургского университета выходит еще одна его работа «Обозрение экономической статистики России», за которую впоследствии ему была присуждена премия Академии наук.

Кроме этого, более поздняя работа И.Я. Горлова по аналогичной тематике вышла в свет под названием «Начала политической экономии», первая часть которой была издана в 1859 г. В тот период он преподавал курс политической экономии в Петербургском университете, а с 1861 г. – курс финансового права. В 1863 г. ученый получает звание заслуженного ординарного профессора Петербургского университета. Десять лет спустя, в 1873 г. в чине тайного советника он выйдет в отставку. Последняя известная его работа «Фабричное законодательство Германии» (СПб., 1874) опубликована в 1875 г.

Следующим ярким представителем научного сообщества финансистов XIX в. является **Евграф Григорьевич Осокин** (1819–1880) – ученый, стоявший у истоков создания Казанской школы финансового права. Выходец из

семьи священнослужителя, получив образование в Вологодской духовной семинарии, он в 1842 г. окончил философско-юридический факультет Главного педагогического института в Санкт-Петербурге, после чего более двух лет прожил за рубежом, прошел обучение в Дрезденском, Лейпцигском и Гейдельбергском университетах. Е.Г. Осокин – ученый, ставший первым преподавателем по финансовому праву и посвятивший всю свою сознательную жизнь Императорскому Казанскому университету. По мнению его современников, благодаря стараниям ученого Казанский университет стал одним из центров изучения финансовой науки, особенно ее исторических аспектов [8, с. 394].

В 1846 г. Е.Г. Осокин защищает в Казанском университете магистерскую диссертацию на тему «Историко-критическое исследование пауперизма». Докторская его диссертация была посвящена внутренним таможенным пошлинам в России (1849). После ее защиты он был утвержден в звании доктора политических наук и избран экстраординарным профессором по кафедре законов о государственных повинностях и финансах. Спустя шесть лет Е.Г. Осокин становится ординарным профессором, и его избирают деканом юридического факультета.

Будучи видным ученым-финансистом, Евграф Григорьевич сделал много не только для развития науки финансового права, но и для Казанского университета в целом. Это был человек, наделенный многочисленными талантами. Он владел восемью языками (двумя древними и шестью современными). Известно, что Е.Г. Осокин был замечательным лектором и пользовался уважением студентов. В своих лекциях он излагал теоретические, исторические аспекты рассматриваемой темы, а затем уже проводил анализ действующего законодательства. У него были выдающиеся способности организатора, администратора и общественного деятеля. На протяжении десяти лет он являлся деканом юридического факультета, а с 1863 по 1872 г. – ректором Императорского Казанского университета, причем в 1876 г. был избран ректором повторно и оставался им вплоть до своей кончины 17 марта 1880 г.

Внешность ученого также свидетельствовала о неординарности его личности: «...не носил ни бороды, ни усов... скорее соответствовал эпохе середины XX в.» [8, с. 395].

Докторская диссертация Е.Г. Осокина представляет особый интерес, так как является первым исследованием таможенных пошлин в России. По мнению самого автора, в своей работе он разъясняет «истинное значение внутренних таможенных пошлин, определяя их природу» и полагает, что его сочинение принесет пользу людям, занимающимся наукой отечественных финансов и ее историей [13, с. 1].

В диссертации подробно исследуется история возникновения и развития системы внутренних таможенных платежей начиная с Древней Руси до середины XVIII в., что предполагает разделение на два исторических этапа. Первый охватывает период с Древней Руси до середины XVII в. Второй – со второй половины XVII до середины XVIII в. Как в первом, так и во втором случае автор отдельно рассматривает таможенные пошлины, взимаемые при провозе товаров (проезжие) и пошлины, взимаемые при продаже товаров (торговые). Ученый подчеркивает, что до середины XVII в. в России существовала самая сложная и

запутанная система внутренних таможенных пошлин, включавшая 22 их вида. Так, Е.Г. Осокин отмечал, что до 1757 г. в систему внутренних таможенных платежей входили «вообще все налоги, падавшие на разнообразные действия, которые приближали товар к потреблению, после их изготовления», указав при этом, что производство товара, то есть операции по обращению вещи в предмет, не принимаются как окладное действие и что именно в этом и состоит отличие акцизов от внутренних таможенных платежей [13, с. 3].

Такое многообразие внутренних таможенных платежей не способствовало полноценному функционированию торгово-денежных отношений, а лишь препятствовало развитию здоровых конкурентных торговых отношений в царской России. С принятием Новоторгового Устава (1667) правительство упраздняет большое количество внутренних таможенных пошлин, заменяя их на внешние пошлины, возлагая бремя уплаты на иностранцев [13, с. 121].

Впоследствии у Е.Г. Осокина выходит в свет еще ряд значимых научных работ по финансово-правовой тематике. Так, в 1852 г. в журнале «Ученые записки Казанского университета» была опубликована статья «Об организации финансового управления в Афинах». Работа, посвященная истории развития отечественного финансового права, где в названии был впервые использован термин «финансовое право», вышла в свет в 1856 г. («Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права»). В том же году было издано сочинение «О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России», за которое он, как и в свое время И.Я. Горлов, был удостоен Демидовской премии [6, с. 15]. Кроме этого, Ефграф Григорьевич был награжден многочисленными орденами, среди которых орден Св. Анны, Св. Владимира.

Е.Г. Осокин подготовил целую плеяду учеников, которые впоследствии стали выдающимися учеными в разных отраслях права. Так, его последователем является Я.С. Степанов, который считается в России первым доктором наук по полицейскому праву. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что В.А. Лебедев, впоследствии ставший одним из передовых ученых-финансистов Санкт-Петербургского университета и внесший существенный вклад в развитие финансово-правовой доктрины, окончил Казанский университет и защитил там магистерскую диссертацию на тему «О земельном налоге».

Достойным продолжателем дела Е.Г. Осокина стал его ученик **Дмитрий Михайлович Львов** (1850–1899), который оказал большое влияние на развитие Казанской школы финансового права. Как и его учитель, он был выпускником духовной семинарии, а 1874 г. окончил Казанский университет. Поначалу он трудился на ниве государственной службы, но в 1877 г. вернулся в альма-матер и проработал там вплоть до своей кончины. На протяжении 20 лет заведовал кафедрой финансового права.

Дмитрий Михайлович – автор многочисленных статей и монографий, посвященных исследованию государственных доходов, в частности налоговых доходов. Далее остановимся на анализе основных финансово-правовых идей Д.М. Львова с точки зрения их значимости для науки финансового права. В 1878 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Промысловый налог и методы его установления в западноевропейских государствах и в России». По мнению

Д.М. Львова, правильно организованная система промыслового налога является «наиболее верным и надежным источником» финансовых ресурсов государства [14, с. 1]. Если Е.Г. Осокин рассматривал историю развития этого налога в России, то Д.М. Львов осуществил не только исторический, но и компаративный анализ промыслового налога. Работа состоит из шести глав. В первой главе исследуются история возникновения промыслового налога со времен Древнего мира до середины XVIII в. Во второй проводится подробный анализ теоретических аспектов промыслового налога. В третьей главе рассмотрены сущность, виды и порядок взыскания промыслового налога в западноевропейских странах: Франции, Австрии, Нидерландах, Пруссии и Англии и др. В оставшихся трех главах представлена ретроспектива развития промыслового налога вплоть до его современного положения в Российском государстве: 1) со времен Древней Руси (дань, оброк, урок, окуп, дары, поклоны и др.) до появления гильдейской подати (1775); 2) с 1775 г. до реформы 1863 г. (промысловые объекты, субъекты гильдейской подати); 3) действующее на момент написания диссертации законодательство о промысловых налогах.

В последующих работах ученым также исследуются налоговые доходы. В 1893 г. выходит «Налог с наследства по современному учению финансовой науки» (это работа является его докторской диссертацией), в 1886 г. – «Оброчная подать, ее история и действующее законодательство». В них Д.М. Львов приходит к выводу о необходимости отказа от дробности и мелочной регламентации налогообложения промышленности, торговли и физических лиц, предлагая сохранить лишь два вида налогов: промысловый и с наследства [15].

Наиболее известной работой Д.М. Львова, которая упоминается в современных источниках по финансовому праву [16, с. 17], является «Курс финансового права» (1886), который был рассчитан на два семестра. Начиная с 1884 г. во всех университетах стали создаваться кафедры финансового права, и, соответственно, этим была обусловлена необходимость в учебных пособиях. Теоретической основой этого учебника, по словам самого автора, стали работы В.А. Лебедева, И.Т. Тарасова, И.И. Янжула, А.А. Исаева [17, с. 1].

По справедливому мнению Е.Ю. Грачевой, основным вопросом, обсуждавшимся в научной среде того времени, была сущностная природа финансового права и его место в российской системе права конца XIX – начала XX в. [12, с. 38]. Поэтому во введении к своему курсу Д.М. Львов дает определение финансовой науки, понимая предмет финансового права как «приложение общих начал финансовой науки к положительному законодательству» [17, с. 7], а также уделяет внимание связи финансового права со смежными науками: государственным правом, политической экономией, камеральными науками, историей и статистикой.

Названный курс отличает строгая системность изложения материала. Структура учебника, с точки зрения современного подхода, учитывала деление курса финансового права на две части: общую и особенную. Первая часть содержала общие положения: понятие финансовой науки и финансового хозяйства, а также исторический обзор развития финансовой теории за рубежом и в России. Вторая часть состояла из трех больших разделов. Рассматривая государственные расходы, автор разделяет расходы на государственное устройство и на государствен-

ное управление. В разделе, посвященном государственным доходам, представлена их обширная классификация. Ученый подразделяет их на домены, регалии, пошлины, натуральные повинности, налоги, включая государственный кредит. Организации финансового хозяйства посвящено содержание третьего раздела, в котором анализируются вопросы юридического статуса казны, государственного бюджета, кассового устройства, порядка составления и исполнения государственной росписи и системы государственного контроля.

Таким образом, на основе глубокого изучения отечественной и зарубежной научной литературы, исследования российского законодательства Д.М. Львов представил широкому кругу читателей комплексное видение российской финансовой системы в пореформенный период. Его учебным пособием на протяжении более двадцати лет руководствовались студенты Казанского университета и других юридических вузов при изучении финансового права. Аналогичная структура курса прослеживается и в учебнике профессора И.С. Иловайского, изданного несколько позже [18].

Характерной чертой финансовой школы Казанского университета в тот период была научная преемственность поколений. Наследие великих педагогов переходило к не менее талантливым ученикам. Так, в летопись Казанской финансовой школы рубежа XIX–XX вв. также вписан ученик М.Д. Львова **Петр Андреевич Никольский** (1858–1921), по традиции являвшийся выпускником и духовной семинарии, и Казанского университета. Окончив Казанский университет с отличием в 1887 г., он остается на кафедре для написания магистерской диссертации. Сфера его научных интересов охватывала преимущественно два направления финансового права: денежное обращение (тема его магистерской диссертации, защищенной в 1892 г., – «Бумажные деньги в России») и страхование (тема докторской диссертации, защищенной в 1895 г., – «Основные вопросы страхования»).

Актуальной научной повесткой того времени исходя из тематики публикуемых работ был вопрос о правовой природе денег, определении их функций. Повышенный интерес к денежному обращению со стороны научного сообщества продиктован тем, что с развитием экономических отношений в Российской империи стали появляться новые объекты финансово-правового регулирования. В обращение начали вводиться векселя, облигации, другие кредитные бумаги. Платежные средства стали играть важную роль в экономической жизни общества. В тот период в России появляется несколько монографических работ, посвященных указанной тематике. Так, в 1885 г. выходит в свет сочинение А.Н. Миклашевского «Деньги» [19]. В 1888 г. публикуется работа И.И. Кауфмана «Кредитные билеты, их упадок и восстановление» [20], в 1889 г. – исследование В.А. Лебедева «Бумажные деньги» [21].

Работа П.А. Никольского «Бумажные деньги в России» – это прежде всего исторический очерк о денежных знаках. Как пишет автор, «институт денег отличается “историчностью”, он не отличается постоянством и предполагает в качестве сосуществующих явлений разделение труда и частную собственность» [22, с. 42]. Сочинение состоит из девяти глав. В первой главе исследуются природа денег, металлических и бумажных, а также их функции, подразделяемые на основные и производные. Так, в качестве основных он выделяет функции

обращения и «измерителя ценности», к производным относит свойства сбережения (накопления) и мены [22, с. 2–43]. В последующих главах проведен анализ денежных суррогатов – ассигнаций, кредитных билетов – в разные периоды времени начиная с середины XVII до середины XVIII в.

Работа П.А. Никольского «Основные вопросы страхования» поднимает не менее актуальную для того времени тему. В условиях индустриализации возрастает потребность в страховой защите. Страховая деятельность приобретает все более комплексный характер; наряду с добровольным страхованием особую значимость в связи с изданием в 1895 г. С.Ю. Витте циркуляра о разрешении страхования рабочих за счет предпринимателей приобретает обязательное социальное страхование. Кроме того, в конце XIX в. широкое распространение получает страхование рабочих от несчастных случаев [23, с. 37]. Примечательно, что П.А. Никольский был сторонником позиции, согласно которой такое «страхование должно осуществляться за счет рабочих, в противном случае страхование превратилось бы в принудительную благотворительность» [24, с. 32]. В своей работе автор рассматривает деятельность свободных страховых учреждений, а также вопросы регулирования страхования со стороны государства в неразрывной связи с законодательными мерами того времени, что придает его содержанию финансово-правовой статус. В России с 1894 г. государственный страховой надзор за деятельностью страховых компаний был возложен на Страховой комитет при Министерстве внутренних дел [25]. В его полномочия входили разработка правовых и организационных аспектов страхового дела. По мнению современников П.А. Никольского, заслуга ученого заключается в актуализации упомянутой темы, поскольку на тот момент «в русской научной литературе не было совсем сочинений о теоретических вопросах страхования» [26, с. 23].

Следует отметить, что во многих современных источниках (энциклопедиях) [27] П.А. Никольский в большей степени представлен как ученый-экономист. Вероятно, это связано с тем, что дальнейшие его научные работы («Единство экономических знаний» 1906 г., «Учебник политической экономии» 1916 г.) были посвящены экономическим наукам. Однако, если исходить из системы финансового права, большинство вопросов, которые были исследованы П.А. Никольским, особенно до начала XX в., относятся к сфере финансово-правового регулирования.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что финансовая школа Императорского Казанского университета в XIX в. была в авангарде отечественной финансовой науки. Ее развитие осуществлялось сообразно требованиям времени и обстоятельств. Неоценимый вклад в ее становление и развитие внесли И.Я. Горлов, Е.Г. Осокин, Д.М. Львов и П.А. Никольский. Их научная деятельность, фундаментальные труды не только оставили яркий след в истории Казанского университета, но и оказали неоспоримое влияние на развитие финансово-правовой доктрины России, а также на дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере. Кроме того, у каждого из названных ученых была целая плеяда талантливых учеников, которые впоследствии стали видными представителями науки финансового права.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Патлаевский И.А.* Курс финансового права. Одесса: Тип. «Одесск. Вестника», 1885. [2], XIV, 395 с.
2. Финансовое право на рубеже эпох / Под ред. И.И. Кучерова. М.: Проспект, 2024. 336 с.
3. *Грачева Е.Ю., Арзуманова Л.Л.* Доктрина науки финансового права: эволюционное развитие и современность // Журн. рос. права. 2023. Т. 27, № 5. С. 171–186. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.060>.
4. *Исаев А.А.* Государственный кредит. Ярославль: Типо-лит. Г. Фальк, 1886. VI, [2], 158, [1] с.
5. *Исаев А.А.* Наши финансы и подоходный налог // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 2, № 4. С. 371–416.
6. Актуальные проблемы финансового права / Под ред. А.Д. Селюкова, И.А. Цинделиани. М.: Юстиция, 2022. 480 с.
7. *Аникеева А.А.* Роль И.Я. Горлова в развитии отечественной финансовой мысли // Финансы и кредит. 2011. № 17 (449). С. 72–80.
8. *Лушников М.В., Лушников А.М.* Российская школа финансового права: портреты на фоне времени. Ярославль: ИНДИГО, 2013. 797 с.
9. Юридическая наука и образование в Казанском университете / Науч. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Проспект, 2019. 256 с.
10. У истоков финансового права: М.М. Сперанский, Н.И. Тургенев, М.Ф. Орлов / Под ред. А.Н. Козырина; сост. А.А. Ялбулганов. М.: Статут, 1998. 430 с.
11. *Горлов И.Я.* Теория финансов: сочинение Ивана Горлова: из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. [12], 337 с.
12. *Грачева Е.Ю.* История финансового права // Вестн. Ун-та им. О.Е. Кутафина. 2015. № 3 (7). С. 28–45.
13. *Осокин Е.Г.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань: Губ. тип., 1850. [2], IV, 178 с.
14. *Львов Д.М.* Промысловый налог и методы его установления в западноевропейских государствах и в России. Казань: Унив. тип., 1878. [4], II, 224 с.
15. *Львов Д.М.* // Татарская энциклопедия. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/lvov-dmitrij-mihajlovich>, свободный.
16. Актуальные проблемы финансового права: монография / Отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 206 с.
17. *Львов Д.М.* Курс финансового права. Казань: Тип. ун-та, 1887. XVI, 521 с.
18. *Иловайский С.И.* Конспект лекций по финансовому праву. Одесса: Тип. Штаба Одесского военного округа, 1895. [4], VII, 335 с.
19. *Миклашевский А.Н.* Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М.: Унив. тип., 1895. [4], III, [1], 729, [3] с.
20. *Кауфман И.И.* Кредитные билеты: их упадок и восстановление. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. VIII, 385 с.
21. *Лебедев В.А.* Бумажные деньги: Речь, чит. на акте С.-Петербур. ун-та 8 февр. 1889 г. проф. В. А. Лебедевым. СПб.: Типо-лит. А.М. Вольф, 1889. [2], 72 с.
22. *Никольский П.А.* Бумажные деньги в России. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. [4], 393 с.

23. *Файзрахманова Л.М.* Финансово-правовые аспекты страхования в дореволюционной России // Финансовое право. 2017. № 4. С. 24–27.
24. *Никольский П.А.* Основные вопросы страхования. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1895. 419 с.
25. Положение о надзоре за деятельностью страховых учреждений и обществ с дополнительными узаконениями: [С прил. Утв. 6 июня 1894 г.]. СПб.: Страх. отд. при Хоз. деп. М-ва вн. дел, 1894. 56 с.
26. *Штер Г.К.* Критический разбор книги П.А. Никольского «Основные вопросы страхования» [Отзыв в Юрид. фак.]. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1896. [2], 24 с.
27. *Никольский Петр Андреевич* // Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII – начало XX в.). URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/content/никольский-петр-андреевич, свободный>.

Поступила в редакцию 10.09.2024

Принята к публикации 10.11.2024

Файзрахманова Лейсан Миннуровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
ул. Московская, д. 42, г. Казань, 420111, Россия
E-mail: lmf_leisan@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 29–41

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.29-41

Financial Science at Kazan University in the 19th Century

L.M. Fayzrakhmanova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, 420111, Russia

E-mail: lmf_leisan@mail.ru

Received September 10, 2024; Accepted November 10, 2024

Abstract

This article presents the results of a survey of the origins and development of the Kazan school of financial law at Kazan University during the era of significant transformations in the interplay between Russia's legal, state, and economic systems. The critical role of reforms in the first half of the 19th century, which were a response to the evolving economic and political landscape of Russia, in shaping the principles of financial law as a science was demonstrated. A detailed analysis of the pioneering views and works of such financial scholars as I.Ya. Gorlov, E.G. Osokin, D.M. Lvov, and P.A. Nikolsky was performed, highlighting their pivotal impact on the emergence of financial science at Kazan University. It was concluded that, by the mid-19th century, Kazan University had established a distinct financial law school, thus contributing considerably to the financial law doctrine of pre-revolutionary Russia.

Keywords: Kazan University, Kazan school of financial law, tax, science of financial law, political economy, scholars, system of financial law, financial theory

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Patlaevsky I.A. *Kurs finansovogo prava* [A Course of Financial Law]. Odessa, Tip. "Odess. Vestn.", 1885. [2], xiv, 395 p. (In Russian)
2. *Finansovoe pravo na rubezhe epokh* [Financial Law at the Turn of the Epochs]. Kuchеров I.I. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2024. 336 p. (In Russian)
3. Gracheva E.Yu., Arzumanova L.L. The doctrine of financial law science: Evolutionary development and modernity. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2023, vol. 27, no. 5, pp. 171–186. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.060>.
4. Isaev A.A. *Gosudarstvennyi kredit* [State Credit]. Yaroslavl, Tipo-Lit. G. Falk, 1886. vi, 2, 158, 1 p. (In Russian)
5. Isaev A.A. Our finances and income tax. In: *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Free Economic Society for the Encouragement of Agriculture and Husbandry]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevich, 1887, vol. 2, no. 4. pp. 371–416. (In Russian)
6. *Aktual'nye problemy finansovogo prava* [Current Issues of Financial Law]. Selyukov A.D., Tsindeliani I.A. (Eds.). Moscow, Yustitsiya, 2022. 480 p. (In Russian)
7. Anikeeva A.A. The role of I.Ya. Gorlov in the development of Russia's financial thought. *Finansy i Kredit*, 2011, no. 17 (449), pp. 72–80. (In Russian)
8. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. *Rossiiskaya shkola finansovogo prava: portrety na fone vremeni* [The Russian School of Financial Law: Portraits against the Background of Time]. Yaroslavl, INDIGO, 2013. 797 p. (In Russian)
9. *Yuridicheskaya nauka i obrazovanie v Kazanskom universitete* [Legal Science and Education at Kazan University]. Bakulin L.T. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2019. 256 p. (In Russian)
10. *U istokov finansovogo prava: M.M. Speranskii, N.I. Turgenev, M.F. Orlov* [At the Origins of Financial Law: M.M. Speranskii, N.I. Turgenev, and M.F. Orlov]. Kozyrin A.N. (Ed.). Moscow, Statut, 1998. 430 p. (In Russian)
11. Gorlov I.Ya. *Teoriya finansov: sochinenie Ivana Gorlova: iz fondov Nauchnoi biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo federal'nogo universiteta* [Theory of Finance: An Essay by Ivan Gorlov: from the Collections of Kazan University Nikolay Lobachevsky Scientific Library]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2014. 12, 337 p. (In Russian)
12. Gracheva E.Yu. History of financial law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2015, no. 3 (7), pp. 28–45. (In Russian)
13. Osokin E.G. *Vnutrennie tamozhennye poshliny v Rossii* [Internal Customs Duties in Russia]. Kazan, Gub. Tip., 1850. 2, iv, 178 p. (In Russian)
14. Lvov D.M. *Promyslovyy nalog i metody ego ustanovleniya v zapadnoevropeiskikh gosudarstvakh i v Rossii* [Trade Tax and Methods of Imposing It in Western European States and Russia]. Kazan, Univ. Tip., 1878. 4, II, 224 p. (In Russian)
15. Lvov D.M. Tatar encyclopedia. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/lvov-dmitrij-mihajlovich>. (In Russian)
16. *Aktual'nye problemy finansovogo prava* [Current Issues of Financial Law]. Gracheva E.Yu. (Ed.). Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 206 p. (In Russian)
17. Lvov D.M. *Kurs finansovogo prava* [A Course of Financial Law]. Kazan, Tip. Univ., 1887. xvi, 521 p. (In Russian)
18. Ilovaiskii S.I. *Konspekt lektsii po finansovomu pravu* [Lecture Notes on Financial Law]. Odessa, Tip. Shtaba Odess. Voen. Okruga, 1895. 4, vii, 335 p. (In Russian)
19. Miklashevskii A.N. *Den'gi. Opyt izucheniya osnovnykh polozhenii ekonomicheskoi teorii klassicheskoi shkoly v svyazi s istoriei denezhnogo voprosa* [Money. A Study on the Key Principles

- of the Classical School of Economic Theory in Relation to the History of Monetary Issues]. Moscow, Univ. Tip., 1895. 4, III, 1, 729, 3 p. (In Russian)
20. Kaufman I.I. *Kreditnye bilet'y: ikh upadok i vosstanovlenie* [Credit Notes: Their Decline and Recovery]. St. Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1888. viii, 385 p. (In Russian)
 21. Lebedev V.A. *Bumazhnye den'gi: Rech', chit. na akte S.-Peterb. un-ta 8 fevr. 1889 g. prof. V. A. Lebedevym* [Paper Money: A Speech Delivered at the St. Petersburg University Ceremony on February 8, 1889 by Professor V.A. Lebedev]. St. Petersburg, Tipo-Lit. A.M. Vol'f, 1889. 2, 72 p. (In Russian)
 22. Nikolsky P.A. *Bumazhnye den'gi v Rossii* [Paper Money in Russia]. Kazan, Tip. Imp. Univ., 1892. 4, 393 p. (In Russian)
 23. Fayzrakhmanova L.M. Financial and legal aspects of insurance in the prerevolutionary Russia. *Finansovoe Pravo*, 2017, no. 4, pp. 24–27. (In Russian)
 24. Nikolsky P.A. *Osnovnye voprosy strakhovaniya* [Key Issues of Insurance]. Kazan, Tipo-Lit. Univ., 1895. 419 p. (In Russian)
 25. *Polozhenie o nadzore za deyatel'nost'yu strakhovykh uchrezhdenii i obshchestv s dopolnitel'nymi uzakoneniymi: S pril. Utv. 6 iyunya 1894 g.* [Regulation on the Supervision of the Activities of Insurance Institutions and Societies with Additional Laws: With Appendices. Approved on June 6, 1894]. St. Petersburg, Strakh. Otd. pri Khoz. Dep. Minist. Vnutr. Del, 1894. 56 p. (In Russian)
 26. Shter G.K. *Kriticheskii razbor knigi P.A. Nikol'skogo "Osnovnye voprosy strakhovaniya": Otzyv v Yurid. fak.* [A Critical Analysis of the Book by P.A. Nikolsky "Key Issues of Insurance": A Review from the Faculty of Law]. Kazan, Tipo-Lit. Univ., 1896. 2, 24 p. (In Russian)
 27. Nikolsky Petr Andreevich. *Professors and Lecturers of Russian Universities (Second Half of the 18th–Early 20th Centuries)*. URL: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/content/никольский-петр-андреевич>. (In Russian).

⟨ **Для цитирования:** Файзрахманова Л.М. Финансовая наука XIX века в Казанском университете // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 29–41. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.29-41>. ⟩

⟨ **For citation:** Fayzrakhmanova L.M. Financial science at Kazan University in the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 29–41. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.29-41>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.571

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.42-56

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

А.В. Курочкин

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Набережные Челны, 423812, Россия*

Аннотация

В настоящей статье предпринята попытка научного анализа критериев, позволяющих установить пределы правового регулирования партийных отношений, на примере российского законодательства, для чего задействован комплекс следующих методов исследования: формально-логического, системного, институционального и герменевтического. Акцент сделан на принципах партийного права, на их соотношении друг с другом и их влиянии на особенности толкования законодательных норм. Выявленное в работе отраслевое разнообразие упомянутых принципов не позволяет однозначно определить пределы правового вмешательства, что требует от субъектов правоприменения оценивать правовые рамки партийной деятельности в каждом отдельном случае. В качестве результата исследования пределы правового регулирования российских политических партий раскрыты в качестве совокупности элементов, заложенных в действующем законодательстве посредством формулирования целей и задач правопорядка в области функционирования партийных организаций. Такие цели и задачи опосредуются предметом регулирования и системой принципов, очерчивающих объективные рамки правового воздействия на партийные отношения.

Ключевые слова: политическая партия, партийное право, партийное законодательство, пределы правового регулирования, принципы права, правовое вмешательство

Проблематика установления пределов правового регулирования определенного круга общественных отношений систематически поднимается в отраслевых юридических науках. Обозначенный факт поставил средства выявления правовых рамок в зависимость от предмета и метода регуляции, выполняющих в своей взаимосвязи функцию отграничения одних отраслей права от других. Впрочем, применительно к отдельным правовым институтам подобная методика демонстрирует лишь фрагментарную эффективность, поскольку игнорирует институциональные особенности в пользу доминирования формально-юридических критериев. Одним из наглядных примеров в подобном случае выступают политические партии.

В традиционном измерении правовые нормы, составляющие основу института политических партий, имеют комплексный характер [1, с. 32; 2, с. 95]. Вместе с тем исследователи склонны рассматривать их в плоскости определенной отрасли права с учетом предметных особенностей.

Так, многие авторы определяют политические партии в качестве конституционно-правового института, подверженного детализации в иных отраслях законодательства [3; 4]. Другие ученые отмечают значительную схожесть партийного права с административно-правовыми институтами в силу направленности правовых норм главным образом на урегулирование взаимоотношений партий с органами государственной власти [5; 6]. В концентрированном выражении сторонники подобного подхода предлагают раскрывать политические партии в призме соответствующего административно-правового субинститута, что позволяет классифицировать их правовые режимы (например, выделять конституционно-правовой, административно-правовой, финансово-правовой, гражданско-правовой и иные режимы партийных отношений) [7, с. 38; 8, с. 81].

Среди специфических концептуальных подходов к правовой природе института политических партий следует указать на корпоративно-правовые трактовки, построенные на выделении правовых особенностей юридических лиц, которые наделены публично-правовыми полномочиями [9; 10].

Предметный критерий, предлагаемый многими правоведами, позволяет предположить, что из всей плеяды общественных отношений, сопряженных с регулируемой сферой, отраслевым нормам права подчинены лишь некоторые их виды. Так, в конституционно-правовой теории принято разделять термины «партийные отношения» и «партийные правоотношения» по признаку предмета регулирования партийного законодательства, а также законодательства, регламентирующего отдельные аспекты партийной деятельности (парламентское, избирательное, финансовое законодательство) [11, с. 9]. Подобное осмысление вытекает из отсутствия в нормах Конституции данной категории, включенной в содержание понятия «многопартийность» (Конституция РФ).

В то же время руководствоваться исключительно диспозицией ст. 1 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (ФЗ № 95) в выявлении предметных пределов правового регулирования не представляется возможным в силу абстракций, использованных законодателем при типологизации правоотношений. В частности, среди общественных отношений, возникающих по поводу политических партий, Федеральный закон № 95-ФЗ называет три основных вида отношений, подлежащих его регулированию:

- 1) отношения, опосредующие реализацию субъективного конституционного права на объединение граждан в политические партии;
- 2) отношения, возникающие в связи с особенностями создания, реорганизации и ликвидации политических партий, выступающих в качестве юридических лиц публичного права, отличающихся от иных корпоративных организаций;
- 3) отношения, складывающиеся в связи с осуществлением основной деятельности политических партий.

Из указанного перечня лишь второй тип правоотношений подробно урегулирован нормами анализируемого закона, в то время как характеристика других названных общественных отношений отличается правовыми абстракциями. Последние создают условия для некоторого размывания пределов правового регулирования партийных отношений, поскольку позволяют законодателю расширять или сужать диапазон вопросов, нуждающихся в правовой формализации,

что подтверждается эволюцией современного партийного законодательства РФ и его систематическими изменениями, обусловленными трансформацией политической системы.

Теоретические основы партийного права в аспекте отмеченной проблемы предлагают собственный институциональный вариант ее разрешения. Он базируется на разделении партийных правоотношений по критерию социальных регуляторов [12; 13]. Если такие правоотношения урегулированы законодательством и иными нормативно-правовыми актами, принятыми государством и обеспеченными его принудительной силой, то они являются внешними [14]. Напротив, при урегулировании отношений самой политической партией посредством принятия собственных нормативных и иных актов речь идет о внутренних правоотношениях, вмешательство в которые со стороны государства и других субъектов не допустимо [15].

Фрагментарно подобный запрет определен в ст. 10 Федерального закона № 95-ФЗ, однако его нормативная формулировка оставляет варианты воздействия на внутрипартийные отношения посредством установления субсидиарных юридических обязанностей (касающихся, например, допуска представителей контрольно-надзорных органов власти на отдельные партийные мероприятия, сбора и предоставления сведений об осуществляемой партийной деятельности, соблюдения императивных требований избирательного законодательства и т. д.).

В практическом выражении поиск пределов регулирования внутрипартийных отношений ведется по принципу «остаточной компетенции», когда из предмета большинства правовых норм, сконцентрированных в действующем законодательстве, выделяется несколько групп вопросов:

- напрямую указанных в нормативно-правовых актах в качестве предмета внутрипартийной регуляции;
- вытекающих из диспозитивных норм партийного и гражданского права;
- прямо не предусмотренных в нормах права, но нуждающихся в регулировании со стороны политической партии.

Впрочем, проблема законности в правовом воздействии на партийные отношения в силу отмеченного принципа, выведенного методами правовой праксеологии (как оценки эффекта человеческой деятельности), сводится к правовым реакциям. Так, отсутствие со стороны правоприменителя какой-либо реакции на выстраивание отношений политическими партиями посредством саморегуляции или в индивидуально-правовых формах (партийных соглашениях, союзах с иными общественно-политическими организациями) означает открытие своеобразного коридора возможностей. Напротив, при пресечении подобных действий со стороны контрольно-надзорных органов (Министерства юстиции РФ, избирательных комиссий, органов прокуратуры и др.), в том числе при помощи выражения правовых позиций в судебных решениях (особенно в актах Конституционного Суда РФ (Пост. КС), Верховного Суда РФ (Опр. ВС2)), детализируется состав партийных правоотношений.

Описанный механизм вытекает из теоретических представлений о пределах правового регулирования по критерию объективных и субъективных рамок [16, с. 4; 17, с. 46], когда юридизация партийных отношений упирается в

социальные закономерности, которые воздействуют не только на волю субъектов правотворчества, но и на содержание законотворческой деятельности (как следствие – на содержание законов).

Выявление правовой природы политических партий имеет не только догматическое значение, но и способствует определению пределов правового регулирования партийных отношений. В разных отраслях права предмет регулирования, как правило, очерчивает границы правового воздействия посредством выстраивания системы общественных отношений, подчиненных данной группе норм права, а также формулировки норм-принципов, сопровождающих и право-реализацию, и правотворчество в ограниченном круге правоотношений.

По мнению большинства ученых, принципы выполняют функцию основных пределов правового регулирования, поскольку они обеспечивают достижение целей и задач правового вмешательства в определенные общественные отношения [18, с. 14; 19, с. 143]. В таком выражении исследователи придерживаются традиции выделения общеправовых (конституционных), отраслевых и специальных принципов [20, с. 132; 21, с. 77]. Крайне редко отдельные авторы акцентируют внимание на институциональных принципах, в том числе рассматривая отношения, находящиеся на определенных стадиях своей правовой институционализации [22, с. 104], что отчетливо прослеживается на примере российских политических партий.

Впрочем, в теоретическом осмыслении принципы часто толкуются в форме особых правовых норм, наделенных гарантийным содержанием и находящихся в системной связи с выбранным законодателем механизмом правового регулирования [23, с. 34]. В таком значении сами принципы нуждаются в установлении пределов их осуществления, что является научной проблемой многих современных исследований [24, с. 228].

Принципы партийного права наглядно демонстрируют стремление российского законодателя определить пределы правового регулирования партийной деятельности посредством выстраивания предмета Федерального закона № 95-ФЗ, то есть выделения партийных правоотношений из более обширного спектра общественных отношений, опосредующих партийную деятельность. Главным критерием в таком механизме ограничения правового воздействия выступает юридизация партийных отношений, которая приобрела в анализируемых законодательных нормах формальное выражение в виде категории «деятельность политической партии».

В сущности, партийная деятельность предполагает совершение определенных активных действий со стороны самой политической партии и ее членов по достижению основных целей, ради которых создана партийная организация. Вместе с тем Федеральный закон № 95-ФЗ рассматривает в том же ключе пассивные формы партийных поведенческих актов, имеющих юридическое значение. Примером такого юридического факта является игнорирование политической партией участия на соответствующих выборах или в проведении референдумов, что может привести к ее ликвидации, если подобное бездействие продолжается более семи лет подряд.

Ученые предлагают разграничивать не только партийные «отношения» и «правоотношения», но и принципы их регулирования [25, с. 36; 26, с. 359]. Однако на примере российского партийного законодательства прослеживается их смешение, при котором определенные принципы затрагивают и внешнепартийные, и внутрипартийные отношения, то есть они детализируются посредством законодательных норм и норм, формулируемых самими политическими партиями. Например, установление численности членов для региональных партийных отделений теперь является внутрипартийным вопросом, несмотря на требование к минимальной численности в ранее действовавшей редакции Федерального закона № 95-ФЗ. Аналогичное изменение произошло с возможностью партий включать в свой список на выборах кандидатов, не имеющих членства в данной политической партии.

Проблема использования принципов в качестве критериев установления пределов правового регулирования партийных отношений обусловлена их неконсолидированным выражением в нормах Федерального закона № 95-ФЗ. Так, ст. 8, посвященная принципам, сформулирована лишь применительно к деятельности политических партий, что позволяет найти нормы-принципы в других статьях данного закона. В частности, ст. 15 в обобщенном виде содержит принципы, на которых базируется государственная регистрация партийных организаций. Непосредственно в ст. 23 Федерального закона № 95-ФЗ продублирован принцип добровольности членства в политических партиях. Кроме того, в п. 1.3 ст. 32 Федерального закона № 95-ФЗ сформулированы «общие принципы освещения деятельности парламентских партий».

Если спроецировать теорию о разграничении принципов партийных отношений и партийных правоотношений на приведенные примеры из действующего российского законодательства, то напрашивается вывод о необходимости дальнейшего разделения принципов по критерию правового статуса той или иной политической партии. Так, отдельные нормы-принципы сформулированы применительно:

- 1) к политическим партиям, представленным в Государственной Думе Российской Федерации;
- 2) к политическим партиям, представленным в законодательных собраниях субъектов РФ;
- 3) к политическим партиям, члены которых избраны в представительные органы местного самоуправления;
- 4) к политическим партиям, не вошедшим в состав представительных органов власти и органов местного самоуправления.

Помимо этого, принципы партийных правоотношений содержатся в иных федеральных законах. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» выделяются принципы проведения парламентских выборов, которые рассредоточены по разным нормам закона (ФЗ № 20). Среди них политическим партиям посвящены:

- принцип равенства кандидатов (ст. 52);
- принцип информирования избирателей о политических партиях (ст. 58);

– принципы, на которых построено финансирование партийной избирательной кампании (ст. 71) и др.

Таким образом, отраслевое разнообразие принципов партийных правоотношений и их фактическое совпадение с принципами партийной деятельности в разных направлениях правового регулирования не позволяют однозначно определить пределы правового вмешательства. Однако в правоприменительном значении происходит оценка принципов при установлении правовых рамок партийной деятельности и возможности государственных органов и должностных лиц воздействовать на нее.

В качестве общеевропейского примера можно привести дело Народно-республиканской партии (Cumhuriyet Halk Partisi) против Турции, где была предпринята попытка Европейского суда по правам человека сформулировать пределы правового регулирования посредством выявления диапазона действия запрета на вмешательство государства в партийные отношения (Инф.Пост.ЕСПЧ). Данный спор был рассмотрен в 2016 г., а предметом разбирательства стал административный контроль органов исполнительной власти над деятельностью политических партий.

В частности, по результатам внутринациональной проверки часть расходов Народно-республиканской партии квалифицирована Конституционным Судом Турецкой Республики в качестве неправомерных, что повлекло за собой конфискацию отдельных партийных активов на совокупную сумму, превышающую 1 млн евро. ЕСПЧ подтвердил обоснованную возможность государства устанавливать правовые требования к финансированию деятельности политических партий, что на фоне отсутствия международных стандартов предполагает вынесение обозначенного вопроса на уровень национального законодательства. В то же время отмеченная свобода усмотрения законодателя должна сопровождаться определенными рамками, то есть пределами правового регулирования.

На примере финансирования партийных расходов ЕСПЧ пришел к выводу о недопустимости такого правового вмешательства, при котором административная проверка приводит к значительному осложнению деятельности политической партии. За основу были взяты два критерия определения пределов регулирования:

1) законодательство должно устанавливать вполне определенные условия, при которых расходы могут быть признаны неправомерными, что исключает «непредсказуемость» административных решений для политических партий, тогда как широта усмотрения правоприменителя, заложенная в законодательных нормах, провоцирует соответствующие административные злоупотребления;

2) санкции за неправомерные расходы должны быть соразмерны противоправному поведению партий, что позволяет исключать двоякое толкование при их наложении на виновных лиц; в силу этого критерия политическим партиям надлежит знать, какие правовые последствия возникнут в результате нарушения финансовой дисциплины при их вариативности в национальном законодательстве.

Два вышеприведенных критерия нельзя в полной мере назвать пределами правового регулирования партийных отношений применительно к отдельно взятой национальной партийной системе на фоне того обстоятельства, что поста-

новления, принимаемые ЕСПЧ, имеют прецедентный характер в рамках Совета Европы. Последнее означает, что страны-участницы данного международного объединения признают не только юрисдикцию европейского правосудия, но и правовые позиции, выраженные в судебных решениях по подобным делам. Тем самым указанное Постановление ЕСПЧ по жалобе № 19920/13, принятое в отношении Турецкой Республики, имеет юридическую силу во всех государствах, обладающих членством в Совете Европы.

Впрочем, для Российской Федерации анализируемый формат установления правовых рамок при регуляции ответственности политических партий имеет неоднозначный характер в связи с тем, что в 2022 г. ее участие в Совете Европы было приостановлено¹, а базовый для данной международной организации договор (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод) денонсирован². Период юридического действия названного международного соглашения и приведенного в качестве примера постановления ЕСПЧ продемонстрировал декларативную приверженность российской правоприменительной практики выделенным пределам правового регулирования.

Аналогичные требования прослеживаются в российской судебной практике за тем лишь исключением, что ответственность политических партий всегда подчинена нормам права (Реш.Кем.обл.суда) и предполагает известные пределы правового регулирования (Пост.арб.суда1, Пост.арб.суда2). Толкование партийно-правовых норм, в том числе принятых самими политическими партиями для упорядочения внутренних отношений, подчинено критерию рациональности в трактовке как целей правового регулирования (Опр. ВС1), так и принципов, оцениваемых в их взаимосвязи друг с другом (Ап.опр.).

В то же время обозначенный вопрос является фрагментарным для института политических партий в российском законодательстве, поскольку затрагивает лишь отдельный аспект юридической ответственности в качестве правового средства обеспечения финансовой дисциплины. Кроме того, ЕСПЧ исследовал правовые рамки не всех финансовых условий партийной деятельности, а только полномочия национальных органов государственного управления в части осуществления административного контроля над расходами партий и выявления неправомерных направлений в использовании партийных финансовых средств.

Таким образом, рассмотренный пример демонстрирует один из способов, позволяющих определить границы правового вмешательства в партийные отношения. При этом он не может восприниматься как универсальный методологический прием, способствующий выявлению пределов правового регулирования партийной деятельности, что наглядно прослеживается в ее финансовых аспектах, обозначенных в российском законодательстве.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ политическая партия обладает автономией воли при решении вопросов хозяйствен-

¹ Резолюция ЕСПЧ «О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции о правах человека», принята 21 мар. 2022 г. – 22 мар. 2022 г. // Бюл. ЕСПЧ. Российское издание. 2022. № 4.

² Федеральный закон от 28 февр. 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

ного (экономического) характера, в том числе посредством осуществления предпринимательской деятельности. Вместе с тем гражданская правоспособность данного юридического лица с учетом корпоративистского подхода законодателя к современной партийной системе, сложившейся в Российской Федерации, является специальной хотя бы в силу его отнесения к организационно-правовой форме некоммерческих организаций. Исходя из этого любая деятельность политической партий ограничена основными целями, ради которых она учреждена.

Однако на фоне многочисленных организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц специальная гражданская правоспособность политических партий имеет особое содержание, что позволяет рассматривать ее в ограниченных пределах правового регулирования. В частности, в соответствии с п. 3 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ партиям разрешены лишь определенные виды предпринимательской деятельности.

Для толкования указанных ограничений следует иметь в виду, что под них подпадают не только отношения по получению и распределению прибыли, но и многие имущественные аспекты функционирования партийных организаций, что вытекает из термина «хозяйственные вопросы», использованного в диспозиции п. 1 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ. В свою очередь, он является собирательной категорией для нескольких направлений экономической активности политических партий, среди которых:

- организация трудовых отношений непосредственно в партийных структурах;
- занятие предпринимательской деятельностью;
- способы приобретения имущества, включая денежные средства;
- способы использования имущественных объектов и финансовых средств для достижения основных партийных целей.

Названные правоотношения составляют предмет регулирования Федерального закона № 95-ФЗ, а в структуре правового статуса политических партий они вкладываются в понятие «имущественные интересы», что в своей совокупности выражается в регламентированной хозяйственной деятельности, обладающей двумя пределами:

1) законодательными рамками, выражающимися в комплексе правовых норм, прямо устанавливающих ограничения и запреты для экономической основы партийных правоотношений в том числе при участии партий в избирательных процессах;

2) уставными рамками, проявляющимися в детализации самими партиями нормативных условий для своих имущественных правоотношений, не урегулированных непосредственно в законодательстве, что выделяет особую группу партийно-правовых норм, составляющих в комплексе нормативную основу партийной деятельности.

Законодательные пределы в регулировании предпринимательской деятельности политических партий напрямую установлены в п. 3 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ. Прежде всего к таковым относятся лишь определенные виды партийной экономической активности (например, издательская, рекламная, по-

лиграфическая и информационная деятельность). При этом нацеленность партий на извлечение прибыли при осуществлении указанных видов деятельности ограничивается законодательно установленными целями, которые одновременно являются правовыми пределами. В частности, издательская или рекламная партийная деятельность реализуются для пропаганды политических взглядов, постулируемых партией целей и задач. Также в качестве целевого ориентира хозяйственной деятельности политических партий выступает потребность в обнародовании результатов своей непосредственной работы.

Таким образом, предпринимательская деятельность политических партий значительно отличается от аналогичной деятельности других некоммерческих организаций, имеющих смежный характер (общественные объединения, фонды и др.). Примечательной характеристикой подп. «а» п. 3 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ является указание не на прямые экономические действия, совершаемые самой политической партией, а лишь на возможность привлечения ею других хозяйствующих субъектов к оказанию услуг. Тем самым нацеленность на извлечение прибыли вовсе отсутствует в анализируемых нормах, но и не исключена в системной взаимосвязи с другими нормативными требованиями, изложенными в партийном законодательстве.

Аналогичным образом политические партии могут создавать и распространять сувенирную, полиграфическую и издательскую продукцию, что в соответствии с подп. «б» п. 3 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ является их экономическим правом, но по сути ограничено теми же нормативными рамками, которые рассмотрены выше.

Если взять за основу право политических партий отчуждать имущество, в том числе по арендным сделкам передавать его во временное пользование другим хозяйствующим субъектам, как это предусмотрено в п. 3 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ, то пределами правового регулирования выступают не имущественные интересы партийной организации, а законодательное требование, изложенное в:

- ст. 28 Федерального закона № 95-ФЗ о целевом приобретении, использовании и распоряжении партийным имуществом, предназначенным для осуществления основной деятельности либо не противоречащим ей;

- п. 4.1 ст. 31 Федерального закона № 95-ФЗ, касающемся запрета вступать в экономические отношения с хозяйствующими субъектами с иностранным или международным участием.

Выделенный экономический аспект в партийных правоотношениях наглядно показывает специфику пределов их правового регулирования в Российской Федерации посредством законодательных запретов и ограничений, вытекающих не только из проводимой государством публичной политики, но и из правосубъектности политических партий, сконструированной из комплексных правовых норм, которые позволяют в некотором диапазоне конкретизировать отдельные вопросы посредством внутрипартийного нормотворчества.

Тем самым пределы правового регулирования российских политических партий представляют собой совокупность элементов, заложенных в действующем законодательстве посредством формулирования целей и задач правопо-

рядка в области функционирования партийных организаций, которые вытекают из предмета регулирования и системы принципов, очерчивающих объективные рамки правового воздействия на партийные отношения.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Конституция РФ – Конституция Российской Федерации (принята 12 дек.1993 г., с изм. от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2020. № 27. Ст. 4196.
- ФЗ № 95 – Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О политических партиях» // СЗ РФ. 2023. № 31 (Ч. III). Ст. 5786.
- ФЗ № 20 – Федеральный закон от 22 фев. 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 29 мая 2023 г.) «О выборах депутатов государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 23 (Ч. I). Ст. 4004.
- Инф.Пост.ЕСПЧ – Информация о Постановлении ЕСПЧ от 26 апр. 2016 г. по делу «Народно-республиканская партия (Cumhuriyet Halk Partisi) против Турции» (жалоба № 19920/13). По делу обжалуется непредсказуемая с правовой точки зрения и поэтому незаконная конфискация активов политической партии. По делу допущено нарушение требований статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюл. ЕСПЧ. Российское издание. 2016. № 9 (171).
- Пост. КС – Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона "О политических партиях" в связи с жалобой политической партии "Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов"» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3989.
- Опр. ВС1 – Определение Верховного Суда РФ от 6 апр. 2005 г. № 86-Г05-15 «В удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата в депутаты отказано правомерно, поскольку не нашли подтверждения доводы заявителя о том, что печатные агитационные материалы выпускались и размещались с целью создания положительного образа кандидата в депутаты» // СПС Консультант Плюс.
- Опр. ВС2 – Определение Верховного Суда РФ от 3 мар. 2004 г. № 45-Г04-8 «Соблюдение требований законодательства, регулирующего порядок создания избирательного блока и выдвижения списка кандидатов, является обязательным и эта обязанность возлагается на избирательные объединения, которыми являются региональные отделения политических партий и которые обязаны осуществлять свою деятельность в соответствии с уставом партии; проверка этих обстоятельств должна производиться в пределах, установленных избирательным законодательством РФ, без вмешательства во внутрипартийную деятельность политической партии» // СПС Консультант Плюс.
- Реш.Кем.обл.суда – Решение Кемеровского областного суда от 17 июля 2015 г. по делу № 3-386/2015 «Требования о ликвидации с исключением из ЕГРЮЛ регионального отделения политической партии удовлетворены, поскольку не были устранены нарушения, связанные с непредоставлением сведений о поступлении и расходовании средств политической партии» // СПС Консультант Плюс.
- Ап.опр. – Апелляционное определение Владимирского областного суда от 26 авг. 2014 г. по делу № 33-3182/2014 «В удовлетворении заявления об отмене регистрации кандидата на должность главы города отказано правомерно, поскольку на дату принятия решения о выдвижении лица кандидатом на должность главы города и на дату его

регистрации в качестве кандидата на эту должность он не являлся членом всероссийской политической партии, поэтому мог быть выдвинут кандидатом в депутаты другой политической партией» // СПС Консультант Плюс.

Пост.арб.суда1 – Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 окт. 2009 г. по делу № А48-2779/08-7 «По делу о взыскании задолженности по оплате продукции и процентов за пользование чужими денежными средствами» // СПС Консультант Плюс.

Пост.арб.суда2 – Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 февр. 2012 г. № 09АП-37147/2011 по делу № А40-89684/11-98-794 «Исковые требования о взыскании задолженности по договору займа удовлетворены правомерно, поскольку материалами дела установлено, что ответчиком не исполнены обязательства по возврату истцом заемных денежных средств» // СПС Консультант Плюс.

Литература

1. *Попова А.А.* Проблемы правового статуса политических партий // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 3. С. 32–39. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-3-32-39>.
2. *Решетников О.М.* Правовой статус политической партии // Актуальные проблемы современной науки. 2017. № 3 (94). С. 94–96.
3. *Агафонова К.А.* Категория политической свободы в конституционном праве (на примере свободы создания и деятельности политических партий): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 174 с.
4. *Русинов В.И.* Конституционное право граждан на объединение в политические партии в Российской Федерации (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 154 с.
5. *Братановский С.Н., Капитанец Ю.В.* Административно-правовой статус политической партии // Гражданин и право. 2024. № 1. С. 29–41.
6. *Завгородний М.А.* Структура административно-правового статуса политической партии в России // Вестн. СГАП. 2010. № 5 (75). С. 73–76.
7. *Братановский С.Н., Развеев Д.В.* Административно-правовое регулирование организации и деятельности политических партий в Российской Федерации. М.: Директ-Медиа, 2012. 207 с.
8. *Барамидзе С.М.* Конституционно-правовой статус политических партий: законодательное регулирование и его развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 231 с.
9. *Фролов В.Е.* К вопросу о правовом статусе политической партии как юридического лица // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития. Краснодар: АНО «НИИ АПСР», 2018. С. 180–184.
10. *Битиева З.Р., Дзюбан В.В., Ярошенко А.С.* Правовой статус политических партий в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 4. С. 13–19. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19>.
11. *Долгих Ф.И.* Партийное право в системе российского права // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 5. С. 8–12.
12. *Курычая М.М.* Деятельность политических партий как форма реализации права граждан РФ на участие в управлении делами государства // Очерки новейшей камералистики. 2016. № 1. С. 2–5.
13. *Пахомова Е.А., Фоменков А.А.* Между правом и политологией: к вопросу об изучении функционирования политических партий в Российской Федерации // Развитие

- права в условиях междисциплинарного взаимодействия. СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2023. С. 356–360.
14. Варлен М.В. Особенности реализации правового статуса политической партии через выдвижение кандидатов в депутаты // Право и политика. 2009. № 11. С. 2223–2230.
 15. Авилов Я.Д. Устав политической партии как нормативная основа реализации пассивного избирательного права // Журн. рос. права. 2021. Т. 25, № 10. С. 174–185. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.131>.
 16. Коваленко Н.Е. Новые аспекты в установлении пределов правового регулирования // Современное общество и право. 2023. № 6 (67). С. 3–7.
 17. Березина Е.А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 42–55. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>.
 18. Макеева И.В., Зейналова Л.М. Принципы и пределы осуществления гражданских прав // Право и экономика. 2022. № 8 (414). С. 13–18.
 19. Зайцева Е.С. Значение принципов права при установлении пределов правового регулирования // Юридич. техника. 2020. № 14. С. 143–145.
 20. Осавелюк Е.А. Принципы конституционного права: понятие и виды // Вестн. экономич. безопасности. 2021. № 6. С. 132–136. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-6-132-136>.
 21. Князев С.Д. Современные принципы административного права России: понятие, значение, виды // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. С. 74–87.
 22. Соколова А.А. Принципы правообразования: проблемы правовой институционализации // Принципы права: проблемы теории и практики. Материалы XI междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: РГУП, 2017. Ч. 1. С. 102–110.
 23. Мохов А.Ю. Нормы-принципы как разновидность правовых предписаний: сущности и виды // Аграрное и земельное право. 2023. № 11 (227). С. 33–36. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_11_33.
 24. Шмакова Е.Н. Пределы действия принципа имущественной обособленности юридических лиц (анализ судебных доктрин) // Проблемы гражданского права и процесса. Сборник научных статей. Вып. 3. Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2018. С. 227–234.
 25. Иванкина Н.Ю. Пределы правового регулирования деятельности политических партий и состояние политической системы общества // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 34–37.
 26. Кехман Л.Б. Пределы правового регулирования внутрипартийной деятельности и проблема авторитаризма организационной структуры партий и партийной олигархии // Политико-правовые механизмы формирования институтов публичной власти: материалы и доклады VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 30 мая – 3 июня 2012 г.) / Под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. Самара: Самар. ун-т, 2012. С. 355–362.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 10.09.2024

Курочкин Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института

Казанский (Приволжский) федеральный университет

пр. Сююмбике, д. 10а, г. Набережные Челны, 423812, Россия

E-mail: kurochkin.tolik@bk.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.42-56

Boundaries of Legal Regulation for Russian Political Parties*A.V. Kurochkin**Naberezhnye Chelny Institute, Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, 423812 Russia*E-mail: *kurochkin.tolik@bk.ru*

Received July 10, 2024; Accepted September 10, 2024

Abstract

The main criteria of the boundaries of legal regulation for party relations were analyzed based on a case study of Russian legislation. The principles of party law, as well as their correlations and impact on interpreting the existing legislative norms, were examined using formal-logical, systemic, institutional, and hermeneutic methods. The diversity of these principles across legal branches was found. However, it is still insufficient to define the boundaries of legal influence with complete certainty, thus requiring from the subjects of legal enforcement to perform a case-by-case evaluation of the legal frameworks of party activities. Here, the boundaries of legal regulation for Russian political parties were established as a set of elements determined by the current legislation and built upon its goals and objectives for maintaining legal order in the functioning of party organizations. It was demonstrated that the latter are influenced by the scope of legal regulation and guided by the system of principles that outline the objective limits of legal influence on party relations.

Keywords: political party, party law, party legislation, boundaries of legal regulation, principles of law, legal influence

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Popova A.A. Problems of the legal status of political parties. *Sotsial'no-Politicheskie Nauki*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 32–39. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-3-32-39>. (In Russian)
2. Reshetnikov O.M. Legal status of a political party. *Aktual'nye Problemy Sovremennoi Nauki*, 2017, no. 3 (94), pp. 94–96. (In Russian)
3. Agafonova K.A. The category of political freedom in constitutional law (freedom of organization and activity of political parties)]. *Cand. Law Diss.* Moscow, 2009. 174 p. (In Russian)
4. Rusinov V.I. Constitutional right of citizens in the Russian Federation to form and join political parties (theoretical and practical issues). *Cand. Law. Diss.* Yekaterinburg, 1997. 154 p. (In Russian)
5. Bratanovsky S.N., Kapitanets Yu.V. The administrative and legal status of political parties. *Grazhdanin i Pravo*, 2024, no. 1, pp. 29–41. (In Russian)
6. Zavgorodniy M.A. The administrative and legal status structure of political parties in Russia. *Vestnik SGAP*, 2010, no. 5 (75), pp. 73–76. (In Russian)
7. Bratanovskii S.N., Razveev D.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie organizatsii i deyatel'nosti politicheskikh partii v Rossiiskoi Federatsii* [Administrative and Legal Regulation of the Organization and Activities of Political Parties in the Russian Federation]. Moscow, Direkt-Media, 2012. 207 p. (In Russian)

8. Baramidze S.M. Constitutional and legal status of political parties: legislative foundations and their development. *Cand. Law Diss.* Kazan, 2012. 231 p. (In Russian)
9. Frolov V.E. On the legal status of a political party as a legal entity. In: *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo RF: sovremennoe sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Civil Legislation of the Russian Federation: Current State, Trends, and Prospects for Development]. Krasnodar, ANO "NII APSP", 2018, pp. 180–184. (In Russian)
10. Bitieva Z.R., Dzyuban V.V., Yaroshenko A.S. Legal status of political parties in modern Russia. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 13–19. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19>. (In Russian)
11. Dolgikh F.I. Party law in the system of Russian law. *Biznes v Zakone. Ekonomiko-Yuridicheskii Zhurnal*, 2015, no. 5, pp. 8–12. (In Russian)
12. Kuryachaya M.M. The activities of political parties as a form in which Russian citizens' right to participate in the management of state affairs is exercised. *Ocherki Noveishei Kameralistiki*, 2016, no. 1, pp. 2–5. (In Russian)
13. Pakhomova E.A., Fomenkov A.A. Bridging law and political science: Exploring the functioning of political parties in the Russian Federation. In: *Razvitie prava v usloviyakh mezhdistitsiplinarnogo vzaimodeistviya* [Law Development under the Conditions of Interdisciplinary Collaboration]. St. Petersburg, TsNIT "Asterion", 2023, pp. 356–360. (In Russian)
14. Varlen M.V. Nomination of candidates for deputy positions as way for political parties to outline their legal status. *Pravo i Politika*, 2009, no. 11, pp. 2223–2230. (In Russian)
15. Avilov Ya.D. The political party's charter as a legal basis determining the eligibility to vote. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2021, vol. 25, no. 10, pp. 174–185. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.131>. (In Russian)
16. Kovalenko N.E. New aspects in establishing the boundaries of legal regulation. *Sovremennoe Obshchestvo i Pravo*, 2023, no. 6 (67), pp. 3–7. (In Russian)
17. Berezina E.A. Boundaries of legal regulation for public relations: Problems of understanding, classification, and significance in the mechanism of legal regulation. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2020, vol. 15, no. 4 (113), pp. 42–55. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.042-055>. (In Russian)
18. Makeeva I.V., Zeinalova L.M. Principles and boundaries of exercising civil rights. *Pravo i Ekonomika*, 2022, no. 8 (414), pp. 13–18. (In Russian)
19. Zaitseva E.S. The importance of legal principles in establishing the boundaries of legal regulation. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 2020, no. 14, pp. 143–145. (In Russian)
20. Osavelyuk E.A. Principles of constitutional law: Concept and types. *Vestnik Ekonomicheskoi Bezopasnosti*, 2021, no. 6, pp. 132–136. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-6-132-136>. (In Russian)
21. Knyazev S.D. Modern principles of administrative law in Russia: Concept, meaning, and types. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn'*, 2003, no. 2, pp. 74–87. (In Russian)
22. Sokolova A.A. Principles of law formation: problems of legal institutionalization. *Printsipy prava: Problemy teorii i praktiki. Materialy XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Principles of Law: Problems of Theory and Practice. Proc. XI Int. Sci.-Pract. Conf.]. Pt. 1. Moscow, RGUP, 2017, pp. 102–110. (In Russian)
23. Mokhov A.Yu. Principle norms as legal regulations: Their essence and types. *Agrarnoe i Zemel'noe Pravo*, 2023, no. 11 (227), pp. 33–36. (In Russian)
24. Shmakova E.N. The scope of the asset independence principle concerning legal entities (an analysis of judicial doctrines). In: *Problemy grazhdanskogo prava i protsessa. Sbornik nauchnykh statei* [Problems of Civil Law and Process. A Collection of Scientific Articles]. Vol. 3. Grodno, Grodn. Gos. Univ. im. Yanki Kupaly, 2018, pp. 227–234. (In Russian)

25. Ivankina N.Yu. The boundaries of legal regulation for political party activities and the political system of society. *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2017, no. 2, pp. 34–37. (In Russian)
26. Kekhman L.B. The boundaries of legal regulation for intraparty activities and the problem of authoritarianism in the organizational structure of parties and party oligarchy. *Politiko-pravovye mekhanizmy formirovaniya institutov publichnoi vlasti: materialy i doklady VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Samara, 30 maya – 3 iyunya 2012 g.)* [Political and Legal Mechanisms for Establishing Institutions of Public Authority: Proc. VIII Int. Sci.-Pract. Conf. (Samara, May 30–June 3, 2012)]. Polyanskii V.V., Volkov V.E. (Eds.). Samara, Samar. Univ., 2012, pp. 355–362. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Курочкин А.В. Пределы правового регулирования российских политических партий // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 42–56. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.42-56>. ⟩

⟨ **For citation:** Kurochkin A.V. Boundaries of legal regulation for Russian political parties. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 42–56. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.42-56>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.57-71

МОТИВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАГРАДНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ВИДА ПООЩРИТЕЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.А. Нигметзянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы совершенствования правового регулирования наградных правоотношений, возникающих в рамках проведения государством поощрительной политики и закрепления ее в нормативных правовых актах. Изучены несколько сложных в теоретическом плане понятий: правовая политика, поощрение, награда. Поощрение трактуется как способ воздействия на поведение личности в целях достижения желаемого для государства поведения. С учетом того, что награда является формой выражения поощрения, сделан следующий вывод: наградная политика – это вид поощрительной правовой политики, представляющей собой деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, направленную на установление и совершенствование правового регулирования награждения, наградного стимулирования правомерного социально полезного поведения в различных сферах жизни общества, а также целей, принципов и задач указанной деятельности.

Ключевые слова: правовая политика, поощрение, награда, поощрительная правовая политика, наградная политика, правовое регулирование, наградное стимулирование

Государственная система награждения наиболее отличившихся граждан за заслуги в различных сферах трудовой и служебной деятельности является важной составляющей поощрительной политики государства, которая формируется с использованием различных инструментов политического, идеологического, экономического влияния с целью побудить человека к достижению сверхнормативных результатов. Правовое оформление подобной политики является центральным элементом системы поощрения, поэтому наградное законодательство требует особого внимания законодателя, так же как и разработка соответствующей наградной политики.

Оценка правовой политики государства отличается высокой степенью дискуссионности, что обусловлено различными подходами к выявлению и определению ее сущности [1]. Обобщив преобладающие в научном сообществе точки зрения, А.В. Малько и В.В. Субочев отметили, что правовая политика может рассматриваться следующим образом: как идеологическое явление, включающее идеи, взгляды, доктрины, отражающие понимание должного в праве (Б.В. Здравомыслов, С.И. Орешкин); как смешанное явление, объединяющее идеологиче-

ский компонент и деятельность различных субъектов, направленную на совершенствование права (Н.И. Матузов); исключительно как деятельность субъектов по созданию эффективных правовых средств (инструментов), обеспечивающих достижение социально полезных целей (А.В. Малько, В.В. Субочев) [2, с. 16]. При этом, обосновывая деятельностный подход, последние ссылаются на то, что содержанием правовой политики как деятельности, безусловно, является выработка стратегии правового регулирования [2], что свидетельствует о фактическом отсутствии различий между смешанным и деятельностным подходами [3, с. 469].

Представляется, что правовая политика должна не только пониматься как системная деятельность государства и институтов гражданского общества в целях достижения эффективного правового регулирования [4, с. 13], но и включать идеи, концепции и стратегические цели такой деятельности [5].

Безусловно, государство играет ведущую роль в определении направлений поощрительной политики, поскольку именно оно задает вектор позитивного поведения человека, формирует его идеологию. Но, рассматривая поощрение как оценку работы награждаемого и стремление награждающего субъекта к формированию у человека побуждения к активной деятельности, нельзя не отметить наличия в гражданском обществе собственного поощрительного механизма. Институты гражданского общества (общественные объединения, политические партии) учреждают награды, призванные мотивировать их членов на позитивные действия, способствующие достижению целей, стоящих перед объединением граждан. Понятно, что эти цели не могут противоречить действующему законодательству, а знаки поощрения не должны дублировать государственные знаки отличия. В целом же у каждого общественного объединения есть своя наградная политика, отражающая идеологию объединения, и свой формализованный в документах порядок награждения.

Объединения граждан выступают и как инициаторы награждения государственными наградами своих членов, что вписывается в общую канву наградной политики государства, содержательно расширяет мотивационный потенциал к достижению сверхнормативных показателей в работе и способствует консолидации интересов государства и институтов гражданского общества.

Важен идеологический компонент правовой политики, поскольку он проявляется в нормах-принципах, нормах-декларациях, целеполагающих нормах и оказывает существенное влияние на всех участников правотворческого процесса, правоприменителя, иных субъектов права. Нормы-принципы, нормы-цели не имеют регулирующего значения, заложенная в них правовая идея воздействует на субъекта права посредством побуждения его к определенным деяниям, то есть является мотивирующей по своей сути.

Для характеристики нормы права, побуждающей человека к определенным действиям, используется термин «мотив». В «Большом энциклопедическом словаре» он толкуется как «то, что побуждает деятельность человека»¹. В публично-правовых отношениях не принято использовать данное понятие, хотя любая норма права содержит мотивационный посыл, адресованный субъекту права.

¹ Большой энциклопедический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1997. С. 764.

В особенности это касается норм-целей и норм-принципов, являющихся по сути идеологическими постулатами. Идеология заложена и в нормах, определяющих правовую политику, что актуализирует внимательное отношение к связке: идеология – политика – мотив – норма права.

Подобный подход к пониманию правовой политики позволяет рассмотреть ее роль в формировании права и найти целевое предназначение норм, которые влияют на регулирование общественных отношений в соответствии с природой и потребностями человека.

Цели правовой политики зависят от социальной ориентированности государства, ценностей, им обеспечиваемых. Россия как демократическое правовое государство в качестве таковой объявляет человека, его права и свободы (ст. 2 Конституции РФ). Следовательно, государство должно осуществлять такое правовое регулирование, которое бы максимально способствовало достижению уровня правовой защищенности граждан. Посредством позитивного права оно обеспечивает социальный порядок и социальный контроль.

Право в подобном контексте должно пониматься с точки зрения социологического позитивизма – то есть оно не создается законодателем, а лишь «открывается» им, поскольку, по мнению П.А. Сорокина, оно вырабатывается обществом и не существует без него [6, с. 21]. Центр тяжести при таком типе правопонимания переносится с закона на реальные общественные отношения – «живое право», право в действии. Неслучайно историческая школа права (Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта) исходила из того, что право рождает «народный дух», а это, в свою очередь, выражается в наличии многочисленных обычаев. Представители же социологической школы конца XIX – начала XX в. (Е. Эрлих, С.А. Муромцев) считали, что право воплощается в реальном поведении субъектов права, и первую очередь – в деятельности судей [3, с. 155]. К социологическому позитивизму следует отнести и психологическую теорию Л.И. Петражицкого, полагавшего, что право выводится из правовых эмоций людей и именно интуитивные личные переживания людей являются действительным правом, в отличие от права позитивного (государственного) [3]. В любом случае право рассматривается как нечто живое и подвижное, порожденное обществом.

При этом право воздействует на индивида, личность, отдельный коллектив и даже юридические лица, которые также управляются людьми. К приведенному перечню следует добавить и органы публичной власти (единоличные и коллегиальные), поскольку любой коллегиальный орган – это совокупность индивидов, осуществляющих деятельность в соответствии с законом, подзаконным актом, внутренними регламентами.

Механизм воздействия права на личность включает две стадии: первая – механизм передачи, «навязывания» личности правовой программы (формы, методы правового воздействия); вторая – механизм восприятия, переработки и осуществления этой программы (правовая деятельность личности). Первая стадия, по утверждению М.Ф. Орзиха, подразумевает воздействие на личность правовых идей в процессе формирования «юридического мотива» и развертывания правотворческого процесса; а также воздействие правовых предписаний в процессе осуществления права и правовых последствий (положительных или

отрицательных) избранного личностью варианта правового поведения (социальная ответственность как оценка избирательной способности личности, соответствующая с требованиями социальных норм). Вторая же стадия, по мнению ученого, включает восприятие личностью правовой программы, обусловленное подготовленностью ее сознания (идеологических и психологических каналов) к усвоению специфического содержания и форм этой программы; творческую переработку правовой программы (на разных уровнях – от присваивания образцов мысли и действий, заключенных в праве, до свободного выбора варианта образных и предметных моделей жизнедеятельности), обусловленную способностью личности сознательно перерабатывать правовой материал, субъективизировать его (овладевать им как личностной ценностью); осуществление личностью в процессе включения в государственно-правовую жизнь общества правовой программы, обусловленное знанием права, умением, навыками его использования [7, с. 179]. Иными словами, как справедливо отмечал С.С. Алексеев, правовое воздействие на личность осуществляется путем предоставления субъективных прав, возложения обязанностей, угрозами применения принуждения, обеспечением государственного принуждения, а также поощрением [8, с. 177].

При предоставлении государством субъективных прав законодатель ориентируется на правильное восприятие субъектом содержания этих прав и его способность реализовать их с использованием всех официальных инструментов. Правильное восприятие означает, что общественно ценные идеи, заложенные в норме права, станут ориентиром для личности, для коллектива граждан, они проникнут в сознание людей, станут частью их мировоззрения, будут мотивировать их.

Возложение государством обязанностей через закрепление их в норме права связано с ожиданием от личности позитивной реакции, которая также «проходит» через сознание, то есть априори учитывается возможность осознанного реагирования на установленную необходимость поступать должным образом. Рядовой гражданин, государственный служащий воспринимают эту необходимость через уяснение ее содержания, которое соответствующим образом их мотивирует.

Установление запретов стимулирует личность не совершать определенные действия. Осознание возможного наказания за нарушение запрета формирует соответствующие психологические установки. При совершении противоправного деяния следует наказание, что является серьезным побуждающим фактором не поступать подобным образом.

Механизм воздействия права на личность (а также коллектив и организации, состоящие из группы лиц) включает не только принуждение к определенному поведению, но и поощрение, поскольку психологическая природа человека не позволяет ориентироваться только на силовые методы (государственное принуждение). Поощрение чаще всего рассматривается в научной литературе как инструмент, направленный на достижение социально активного, полезного поведения индивида (личности) [9, с. 7]; юридическое одобрение добровольного поведения [10, с. 165]. Кроме того, поощрение является правовым средством правовой политики и выступает в качестве ее правового стимула, выражаю-

щегося в нормах права, предусматривающих получение награды или иного поощрения за заслуги, и побуждающего гражданина к правомерному поведению [11, с. 157]. В.М. Дуэль объединяет многочисленные подходы к правовому поощрению и рассматривает его как комплексный межотраслевой институт, включающий как собственно нормы, устанавливающие меры поощрения, так и их реализацию, подчеркивая при этом особую роль поощрения как метода правового регулирования. Ученый также подчеркивает, что поощрение предусмотрено не только за добросовестное исполнение обязанностей субъектами права, но и за сверхпозитивное поведение [12, с. 10]. Следует согласиться с мнением о том, что поощрение имеет место только в случае интенсивного и социально активного поведения, то есть оно не должно ассоциироваться с применением по отношению к нормальному правомерному поведению [13, с. 10].

Существует мнение, что формой поощрения является правовая норма, содержащая поощрение – позитивную санкцию [14, с. 10]. В подобном аспекте понятие поощрения органически связано с теорией позитивной ответственности.

Общеизвестно, что юридическая ответственность является разновидностью общесоциальной ответственности; она представляет собой правоотношение, возникающее между государством и субъектами права, отвечающими за добросовестную реализацию требований, закрепленных в нормах права. С содержательной стороны юридическая ответственность рассматривается как применение к лицу мер государственно-принудительного воздействия, а в целом трактуется как претерпевание нарушителем неблагоприятных последствий [15, с. 440–441]; как вид и мера принудительного лишения лица известных благ [3, с. 453].

Юридическая ответственность может рассматриваться в негативном (ретроспективном) и позитивном (перспективном) аспектах. В классическом понимании юридическая ответственность выступает в качестве ретроспективной ответственности, то есть ответственности за совершенное деяние [3]. Позитивная ответственность, в отличие от ответственности негативной, не связана с принуждением; она характеризуется добровольным правомерным поведением на основе морально-правового долга, понимания важности и значения соблюдения правовых норм. Более того, позитивная ответственность основана на социально активном, образцовом поведении [16, с. 31–32]. Негативная и позитивная ответственность сходны в том, что в обоих случаях лицо отдает себе отчет в своем поведении: деяние совершается на основе мотивов субъекта, принятия им осознанного решения [16, с. 38]. Применение поощрительных мер ответственности рассматривается как динамическое состояние позитивной ответственности [17, с. 18]. С таким утверждением категорически не согласен М.В. Баранов, полагающий, что сама по себе позитивная ответственность – ложная конструкция, не имеющая отношения к праву, а ее определение через поощрительную санкцию – это псевдопонятие [18, с. 59].

Безусловно, при формировании правовой политики в отношении поощрения граждан необходимо опираться на выверенные правовые конструкции, реально отражающие как традиции и опыт правового регулирования, так и возможные проблемы с их реализацией. Поэтому понимание юридической ответственности как применения мер, влекущих для лица неблагоприятные последствия и являющихся-

ся основой правовой конструкции, не должно «размываться» использованием упомянутого термина для обозначения иных отношений, не связанных с нарушением норм права и применением соответствующих юридических процедур.

Поощрение предполагает использование юридических процедур, но они не связаны с нарушением норм права. Напротив, они являются результатом высокой оценки действий лица и подразумевают благоприятные для него последствия. Называть таковые ответственностью значит вносить путаницу в понимание юридической ответственности, именовать санкцией – «размывать» содержание устоявшегося юридического термина.

В конституционном праве предусмотрены негативные последствия для субъекта права, не связанные с нарушением правовой нормы. Например, Президент РФ может принять решение об отставке Правительства РФ без указания причин отставки. В подобном случае неблагоприятные последствия для членов Правительства имеют место, хотя нарушение норм права отсутствует. Отмеченная процедура отставки регламентирована конституционными нормами, поэтому подобные процедуры являются юридическими, основанными на праве. Позитивную ответственность (долг, добросовестное выполнение обязанности) нельзя «измерить» с помощью правового инструментария, применяемого для оценки негативного поведения субъекта права, поскольку это разные по своему предназначению юридические термины. Позитивное поведение можно «измерить» уровнем поощрения: чем выше результат работы (добросовестное выполнение обязанности), тем выше возможный уровень поощрения (вознаграждения).

Логичным продолжением представленных рассуждений является толкование награды как меры поощрения. Награда рассматривается как высшая форма поощрения за заслуги в различных сферах жизни общества и государства (Указ Пр. РФ). Фактически такое понимание награды указано в большинстве исследований, но оно может быть дополнено некоторыми авторскими указаниями. Например, В.М. Дуэль подчеркивает, что награда имеет внешнее символическое выражение и подразумевает получение определенного правового статуса, дающего право на моральные и материальные блага [14, с. 11].

Связь награды и материального блага не обязательна и зависит от целей, которые ставит перед собой орган, учреждающий награду, а также от экономической возможности. Главным образом это касается наград федерального уровня, а также многочисленных по своему предназначению и формальному закреплению наград субъектов Российской Федерации (они также предполагают некоторые материальные блага и льготы для награждаемых, объем которых зависит от финансового благополучия субъекта РФ) [19, с. 261].

Понятия награды и поощрения не тождественны друг другу. Поощрение шире по объему и включает помимо наград и иные формы. Так, О.Ю. Кокурина полагает, что все меры поощрения необходимо разделить на материально-стимулирующие меры (активные – выплаты за счет соответствующего бюджета, пассивные – льготы) и награды, которые она относит к мерам морального поощрения [20, с. 39].

Награда отличается от иных мер поощрения тем, что она вручается за особые заслуги награждаемого лица, приводит к приобретению последним определенного правового статуса, характеризуется символизмом и церемониалом

вручения, содержит оценку социально значимого поведения награждаемого. Награды образуют соподчиненную систему, а сам процесс награждения регулируется процессуальными нормами [21, с. 7].

Особая правовая природа награды, отличающая ее от иных подобных мер, таких как обещанное вознаграждение или благо, вознаграждение по итогам труда, по результатам выполнения договорных обязательств, имеет мотивационную составляющую. Все перечисленные меры закреплены нормами права, и субъект права ожидает вознаграждения при соблюдении условий, заложенных в стимулирующей норме. Соответствующие нормы формируют мотив совершить определенные действия. Иную природу с точки зрения влияния на поведение человека имеет государственная награда. Государство не обещает награду за сверхнормативное поведение, награждение лишь допускается и является возможным при совершении действий, имеющих общественно-значимый результат. Мотивация в данном случае, как правило, не имеет определенного целеполагания, да и человек, совершающий поступок, за который в дальнейшем он получает государственную награду, не имеет цели ее получить. Им движут иные побудительные мотивы – спасти человека, совершить профессионально значимые действия и т. д.

Мотивационная составляющая поведения человека является определяющей, поскольку часто героические действия совершаются спонтанно, в этот момент человек не думает о награде. Учреждая награды и производя награждение, государство выделяет личность, возвышает ее, делает совершённый награжденным поступок достойным подражания.

Социальная сущность награды состоит в том, что она символизирует положительную оценку государством поведения граждан (их коллективов), устанавливает образцы идеального поведения и побуждает к желательному поведению [22, с. 301]. Принятие награды означает принятие награждаемым ценностей государства [23, с. 339]. Собственно награда становится таким же атрибутом государства как флаг, герб или гимн [24]. Награда оказывает и влияние на социум, сплачивая его, формируя конкурентную среду в борьбе за награды [25, с. 201].

Основанием для награждения субъекта является установление наличия юридического факта заслуги, то есть результата (а не поступка, как указывает Е.В. Типикина [26, с. 63]) сверхактивного исполнения субъектом своих обязанностей или правомерного, добровольного, социально полезного поведения лица или коллектива лиц, явно превышающего по своим масштабам результаты обычного правомерного поведения. Иными словами, заслуга должна представлять собой идеал одобряемого поведения, а поощрительная (наградная) норма в качестве гипотезы должна включать описание заслуги [27, с. 10].

Награждение лица должно иметь широкий общественный резонанс, поскольку одной из целей награды является реализация ее мотивирующего потенциала, заключающегося в побуждении личности к повторению или улучшению достигнутого результата. Мотивационная составляющая награды должна учитываться законодателем, поскольку она оказывает значительное влияние на жителей страны вне зависимости от их гражданской принадлежности, национальности, пола, расы, социального положения.

Правовая политика формируется государством и определяется содержанием широкого круга правовых норм различной отраслевой принадлежности. Среди них значительную часть составляют нормы-цели, нормы-принципы, нормы-декларации. Они содержат идеологические установки, формируемые на политическом уровне, и воздействуют на разработку, принятие и реализацию регулирующих норм. Возникающие при этом правоотношения продолжают испытывать влияние норм-целей, норм-принципов через мотивирование участников указанных правоотношений. Помимо этого, мотивирующее влияние оказывают и регулирующие нормы через управомочивание, обязывание, запреты.

Поощрительная правовая политика связана с реализацией государством, а также институтами гражданского общества управленческой функции [28, с. 53]. Поощрительная правовая политика – это вид правовой политики, включающий системную деятельность как органов государственной власти и местного самоуправления, так и институтов гражданского общества, а также стратегию (цели, задачи, принципы правового поощрения) и тактику ее реализации (средства, приемы, методы, способы достижения целей поощрения) [29, с. 6]. Поощрительная правовая политика направлена на разработку эффективного правотворчества и справедливого правоприменения, поскольку целью ее является побуждение субъектов права к социально полезному и одобряемому поведению, формированию образцов поощряемого обществом и государством поведения, созданию позитивной конкурентной среды для субъектов, предотвращению негативного их поведения.

Наградная политика является видом поощрительной правовой политики [30] и представляет собой деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, направленную на установление и совершенствование правового регулирования награждения, наградного стимулирования правомерного социально полезного поведения в различных сферах жизни общества, а также целей, принципов и задач указанной деятельности [31].

Стратегической целью наградной политики является совершенствование правового регулирования наградных правоотношений для исполнения государством своих функций, целей и задач, то есть для укрепления правового государства, демократических основ и защиты прав и свобод, интересов человека и гражданина. Задачами наградной политики являются совершенствование наградного права, конкретизация видов заслуг как оснований награждения, повышение эффективности правоприменения наградного законодательства, максимизация социального воздействия норм наградного права на общество в целом, группы лиц и отдельных лиц в целях их побуждения к социально одобряемому активному поведению.

Наградная политика основывается на таких принципах, как законность (базируется на действующих нормах права); легитимность (осуществляется законно избранными органами, отражающими истинные намерения и желания общества, коллектива); демократизм (основана на народовластии [32]); гласность (публичность награждения и прозрачность наградного процесса); применение материального и морального стимулирования, объективно обусловленных экономической и политической обстановкой; научная обоснованность [33, с. 77].

Наградная политика не только направлена на мотивирование и стимулирование личности для совершения ею общественно полезного поведения, но и легитимизирует заслуженное поведение; налаживает коммуникативную связь между государством, обществом, отдельными лицами и группой лиц; обеспечивает психологическо-воспитательное воздействие; символизирует управляющую функцию государства, закрепляя политико-идеологические ориентиры (при награждении государственными наградами).

Правовую основу наградной политики составляют нормы наградного права, под которым понимают межотраслевой институт [20, с. 19], межотраслевой институт с преобладанием конституционно-правовых норм [27, с. 9], институт административного права [21, с. 9]. Полагаем, что наградное право все же можно отнести к межотраслевым институтам, поскольку награда является символом власти, а следовательно, в части регулирования государственных наград оно должно включать нормы конституционного права [34]; награды могут быть различного публичного уровня, а, значит, наградное право должно содержать нормы и муниципального права [35, с. 93]; процессуальные аспекты награждения основаны на применении управленческого метода и взаимодействия награждаемых с награждающими, что позволяет говорить о применении норм административного права; права на материальные блага в связи с присуждением государственных наград предусмотрены нормами права социального обеспечения; гражданское процессуальное право указывает, что взыскание по исполнительным документам не может распространяться на государственные награды и почетные знаки (ГПК РФ) (в данном случае речь идет о наградах и знаках как о материальных объектах – вещах, в то же время выплата, осуществляемая при присвоении почетного звания, не освобождается от такого взыскания (Пост.Арб.суда), что наглядно демонстрирует отличие награды от поощрения) и т. д.

На федеральном уровне отсутствует консолидированный федеральный закон о наградах – регулирование осуществляется подзаконными правовыми актами. В научной литературе указывают на то, что в целях их систематизации требуется принятие Наградного кодекса РФ [36, с. 22]. Полагаем, что принятие кодифицированного акта излишне: достаточно принятия закона [37], как это сделано в большинстве государств СНГ (Содружества Независимых Государств) (Закон РБ, Закон РК). Кроме того, необходимо принятие стратегии государственной поощрительной (наградной) политики, определяющей ее цели, задачи, приоритеты, направления, механизмы и инструменты реализации. Ввиду того, что награждение государственными наградами и почетными званиями РФ осуществляется Президентом РФ (п. 6. ст. 89 Конституции РФ), то и утверждаться такая стратегия должна указом Президента РФ.

Таким образом, можно сформулировать нижеследующие выводы.

Теоретическое понимание поощрительной (наградной) политики субъекта РФ основано на общем понимании поощрения, правовой политики, поощрительной правовой политики, наградной политики как вида поощрительной правовой политики. Поощрение является способом воздействия на поведение личности (коллектива) в целях достижения желаемого для государства (публичного образования) поведения. Наряду с принуждением, оно также выступает и средством

правовой политики, стимулирующим граждан к социальной активности. С точки зрения социологического подхода к праву правовое воздействие поощрения на личность (коллектив) основано на понимании права как живого организма, отражающего сформированные обществом идеалы и образцы социально одобряемого поведения, закрепляющего его правовые ценности. Эффективность поощрения основывается на учете психологических особенностей личности, добровольно и осознанно выбирающей правомерное поведение как форму взаимодействия с государством (публичным образованием).

Тесная связь психологических особенностей личности и выбираемого ею поведения позволяет выделить мотивацию как важную составляющую наградных норм.

Поощрение выражается в определенных формах, одной из которых является награда; социальная сущность последней состоит в символическом олицетворении власти, сообщении положительной оценки поведения граждан (их коллективов), данной государством, установлении образцов идеального поведения и побуждении (мотивировании) к желательному поведению. Награда выступает атрибутом власти и отражает взаимоотношения между государством (субъектом РФ), обществом, личностью (коллективом), формирует мотивацию личности к достижению сверхнормативных результатов деятельности.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

Конституция РФ – Конституция Российской Федерации (принята 12 дек. 1993 г., с изменениями от 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, свободный.

Указ Пр.РФ – Указ Президента Российской Федерации от 7 сент. 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Пост.Арб.суда – Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 февр. 2022 г. № Ф07-19535/2021 по делу № А56-61960/2019 // СПС КонсультантПлюс.

Закон РБ – Закон Республики Беларусь от 18 мая 2004 г. № 288-З «О государственных наградах Республики Беларусь» // Звезда. 2004. 5 июня (№ 138).

Закон РК – Закон Республики Казахстан от 12 дек. 1995 г. № 2676 «О государственных наградах Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 23. Ст. 143.

Литература

1. *Хасанов Д.Р.* Современное понимание правовой политики // Право и политика. 2020. № 6. С. 97–104. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.6.32470>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32470, свободный.
2. *Малько А.В., Субочев В.В.* Правовая политика современной России в вопросах и ответах. М.: КноРус, 2021. 188 с.

3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Дело, 2022. 528 с.
4. Панченко В.Ю., Петров А.А., Деменишин А.В. Правовая политика. М.: РИОР, 2019. 54 с.
5. Нигметзянов А.А. Цифровизация как стимулирующий фактор повышения эффективности аппарата управления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, № 6. С. 51–61. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.6.51-61>.
6. Петухова А.В. Социологическая концепция права в России: историко-теоретический подход (XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 27 с.
7. Орзих М.Ф. Личность и право. Одесса: Юридична література, 2005. 312 с.
8. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.
9. Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 37 с.
10. Поощрительная правовая политика / Под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова. М.: РПА Минюста России, 2012. 200 с.
11. Мирошник С.В. Правовой стимул как элемент правовой культуры // Вестн. Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 153–161. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.153-161>.
12. Дуэль В.М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
13. Чирков А.П. Ответственность в системе прав. Калининград: КГУ, 1996. 73 с.
14. Дьяченко Е.В. Поощрения как позитивные санкции нормы права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 31 с.
15. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 2023. 528 с.
16. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2023. 432 с.
17. Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Позитивная и негативная ответственность как проявление диалектической логики в юридических исследованиях // Государство и право. 2021. № 1. С. 17–25. <https://doi.org/10.31857/S102694520013225-8>. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520013225-8-1/>, свободный.
18. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М.: Блок-Принт, 2022. 176 с.
19. Экономическое право / Под науч. ред. Н.С. Бондаря. М.: Проспект, 2021. 352 с.
20. Кокурина О.Ю. Об особенностях правовых поощрений // Науч. вестн. МГТУ ГА. 2011. № 170. С. 37–43.
21. Трофимов Е.В. Наградное дело в Российской Федерации: административно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 42 с.
22. Малинкин А.Н. Награда как социальный феномен. М.: Центр гуманит. инициатив, 2013. 324 с.
23. Запарий В.В., Шувяков Д.В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2 т. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. Т. 1. С. 333–345.
24. Малый А.Ф., Нигметзянов А.А. Государственная награда как атрибут государственности субъекта федерации // Вестн. Поволж. ин-та управления. 2018. Т. 18, № 5. С. 92–98. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-5-92-98>.
25. Малинкин А.В. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журн. социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (3). С. 188–219. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.8>.

26. *Типикина Е.В.* Квалификация заслуги как стадия правоприменительного процесса // Вестн. Гуманит. института ТГУ. 2013. № 1 (14). С. 62–65.
27. *Винокуров В.А.* Конституционно-правовые основы регулирования наград государства в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 50 с.
28. *Фарикова Е.А., Белкания В.В.* Поощрительная политика в сфере государственного управления // Право и практика. 2020. № 2. С. 53–58.
29. Правотворческая политика в современной России / Под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2022. 472 с.
30. *Нигметзянов А.А., Султанов Е.Б., Никитенко И.Г.* К вопросу о поощрительной правовой политике государства // Евразийский юридич. журн. 2018. № 10 (125). С. 105–107.
31. *Малый А.Ф., Нигметзянов А.А.* О наградной политике Российского государства // Вестн. Евразийской академии административных наук. 2019. № 2 (47). С. 45–48.
32. *Малый А.Ф., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г.* Народовластие – фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 21–31. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.3.2>.
33. *Киселева О.М.* Современная наградная политика и перспективы ее развития // Южно-рос. вестн. геологии, географии и глобальной энергии. 2006. № 8 (21). С. 76–81.
34. *Нигметзянов А.А.* Наградные правоотношения: теория, история, техника. СПб.: Алетей, 2020. 208 с.
35. *Шугрина Е.С.* Наградная политика: виды наград для муниципального уровня власти // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 2. С. 85–98. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(2\).85-98](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(2).85-98).
36. *Дьяченко В.Ф.* Поощрительно-правовая политика современной России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 26 с.
37. *Романовская О.В.* Правовой режим наград в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7. № 1. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_2019_1_03.pdf, свободный.

Поступила в редакцию 15.08.2024

Принята к публикации 25.10.2024

Нигметзянов Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: diamondnig@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.57-71

The Motivational Component of Award Policy as a Type of Incentive Policy

A.A. Nigmatzyanov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: diamondnig@mail.ru

Received August 15, 2024; Accepted October 25, 2024

Abstract

The problems of refining the existing legal framework governing the relationships concerning awards that arise from the state's incentive policy specified by certain legal acts, were examined. Several intricate theoretical constructs were analyzed: legal policy, incentives, and awards. Based on the obtained results, incentives were defined as a tool used by the state to encourage desired behaviors and achieve public policy goals. Considering that awards refer to the encouragement of this kind, award policy was understood as a type of incentive policy encompassing the activities of national and local authorities and civil society institutions, aiming to establish and enhance the regulations for conferring awards, promoting socially beneficial behaviors and outcomes in various areas of public life, as well as outlining the main goals, principles, and objectives of such initiatives.

Keywords: legal policy, incentive, award, incentive policy, award policy, legal regulation, award-based incentive

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Khasanov D.R. Modern understanding of legal policy. *Pravo i Politika*, 2020, no. 6, pp. 97–104. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2020.6.32470>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32470. (In Russian)
2. Mal'ko A.V., Subochev V.V. *Pravovaya politika sovremennoi Rossii v voprosakh i otvetakh* [Legal Policy of Modern Russia in Questions and Answers]. Moscow, KnoRus, 2021. 188 p. (In Russian)
3. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Delo, 2022. 528 p. (In Russian)
4. Panchenko V.Yu., Petrov A.A., Demenishin A.V. *Pravovaya politika* [Legal Policy]. Moscow, RIOR, 2019. 54 p. (In Russian)
5. Nigmatzyanov A.A. The role of digitalization in driving the efficiency of public administration. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 6, pp. 51–61. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.6.51-61>. (In Russian)
6. Petukhova A.V. The sociological concept of law in Russia: A historical and theoretical perspective (19th–20th centuries). *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Nizhny Novgorod, 2012. 27 p. (In Russian)
7. Orzhik M.F. *Lichnost' i parvo* [Personality and Law]. Odessa, Yurid. Lit., 2005. 312 p. (In Russian)
8. Alekseev S.S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskome gosudarstve* [The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State]. Moscow, Yurid. Lit., 1966. 187 p. (In Russian)
9. Gushchina N.A. Incentives in law: A theoretical and legal study. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* St. Petersburg, 2004. 37 p. (In Russian)

10. *Pooshchritel'naya pravovaya politika* [Incentive Policy]. Mal'ko A.V., Puzikov R.V. (Eds.). Moscow, RPA Minyusta Ross., 2012. 200 p. (In Russian)
11. Miroshnik S.V. Legal incentive as an element of legal culture. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2021, no. 5 (81), pp. 153–161. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.153-161>. (In Russian)
12. Duel V.M. State awards in Russian law: Issues of theory and practice. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Moscow, 2005. 28 p. (In Russian)
13. Chirkov A.P. *Otvetstvennost' v sisteme prav* [Liability in the System of Rights]. Kaliningrad, KGU, 1996. 73 p. (In Russian)
14. D'yachenko E.V. Incentives as positive sanctions of legal norms: General theoretical insights. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Krasnodar, 2011. 31 p. (In Russian)
15. Komarov S.A. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Moscow, Yurait, 2023. 528 p. (In Russian)
16. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General Theory of Legal Liability]. Moscow, Norma, 2023. 432 p. (In Russian)
17. Mal'ko A.V., Lipinskii D.A., Markunin R.S. Positive and negative liability as a manifestation of dialectic logic in legal studies. *Gosudarstvo i Pravo*, 2021, no. 1, pp. 17–25. <https://doi.org/10.31857/S102694520013225-8>. URL: <http://gospravo-journal.ru/s102694520013225-8-1/>. (In Russian)
18. Baranov V.M. “*Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost'*”: *spornyi kontsept, mnimaya praktika, virtual'naya tekhnika* [“Positive Legal Liability”: A Contested Concept, Imaginary Practice, and Theoretical Methodology]. Moscow, 2022. 176 p. (In Russian)
19. *Ekonomicheskoe pravo* [Economic Law]. Bondar' N.S. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2021. 352 p. (In Russian)
20. Kokurina O.Yu. On the specifics of legal incentives. *Nauchnyi Vestnik MGTU GA*, 2011, no. 170, pp. 37–43. (In Russian)
21. Trofimov E.V. Award-based incentives in the Russian Federation: An administrative and legal study. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Moscow, 2013. 42 p. (In Russian)
22. Malinkin A.N. *Nagrada kak sotsial'nyi fenomen* [Award as a Social Phenomenon]. Moscow, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2013. 324 p. (In Russian)
23. Zaparii V.V., Shuvyakov D.V. Awards and their system: Definitions and characteristics. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vseros. nauch. konf., Ekaterinburg, 18–19 oktyabrya 2018 g.* [Industrial Urals. Lectures in Memory of E. Bakunina. Industrial Modernization of Russia in the 18th–21st Centuries: Proc. XIII All-Russ. Sci. Conf., Yekaterinburg, October 18–19, 2018]. Vol. 1. Yekaterinburg, Ural. Otd. Ross. Akad. Nauk, 2018, pp. 333–345. (In Russian)
24. Maly A.F., Nigmatzyanov A.A. State award as an attribute of statehood of the federation subject. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya*, 2018, vol. 18, no. 5, pp. 92–98. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-5-92-98>. (In Russian)
25. Malinkin A.V. The social essence of awards: A study on the sociology of power. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*, 2020, no. 23 (3), pp. 188–219. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.8>. (In Russian)
26. Tipikina E.V. The qualification of merit as a stage of the legal enforcement process. *Vestnik Gumanitarnogo Instituta TGU*, 2013, no. 1 (14), pp. 62–65. (In Russian)
27. Vinokurov V.A. Constitutional and legal frameworks for state awards in the Russian Federation. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Moscow, 2011. 50 p. (In Russian)
28. Farikova E.A., Belkaniya V.V. Incentive policy in public administration. *Pravo i Praktika*, 2020, no. 2, pp. 53–58. (In Russian)
29. *Pravotvorcheskaya politika v sovremennoi Rossii* [Law-Making Policy in Modern Russia]. Mal'ko A.V. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2022. 472 p. (In Russian)
30. Nigmatzyanov A.A., Sultanov E.B., Nikitenko I.G. To the question of incentive regulatory policies of the state. *Evrasiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2018, no. 10 (125), pp. 105–107. (In Russian)

31. Maly A.F., Nigmatzyanov A.A. On the award policy of Russia. *Vestnik Evraziiskoi Akademii Administrativnykh Nauk*, 2019, no. 2 (47), pp. 45–48. (In Russian)
32. Malyi A.F., Nigmatzyanov A.A., Nikitenko I.G. The government by the people – the foundation of a democratic state. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2021, no. 3 (65), pp. 21–31. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.3.2>. (In Russian)
33. Kiseleva O.M. Current award policy and prospects for its development. *Yuzhno-Rossiiskii Vestnik Geologii, Geografii i Global'noi Energii*, 2006, no. 8 (21), pp. 76–81. (In Russian)
34. Nigmatzyanov A.A. *Nagradnye pravootnosheniya: teoriya, istoriya, tekhnika* [Legal Relationships Involved in Award Conferral: Theory, History, and Methodology]. St. Petersburg, Izd. Aleteiya, 2020. 208 p. (In Russian)
35. Shugrina E.S. Award policy: Types of awards for municipal authorities. *Pravoprimerenie*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 85–98. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(2\).85-98](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(2).85-98). (In Russian)
36. D'yachenko V.F. Incentive policy in modern Russia: A general theoretical analysis. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Krasnodar, 2006. 26 p. (In Russian)
37. Romanovskaya O.V. Legal regime of awards in the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2019, vol. 7, no. 1. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_2019_1_03.pdf. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Нигметзянов А.А. Мотивационная составляющая наградной политики как вида поощрительной правовой политики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 57–71. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.57-71>. ⟩

⟨ **For citation:** Nigmatzyanov A.A. The motivational component of award policy as a type of incentive policy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 57–71. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.57-71>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 297+340.14

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.72-83

ВЗГЛЯДЫ МУСЫ БИГИЕВА НА ФОРМУ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

Д.Р. Зайнутдинов

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
г. Казань, 420111, Россия*

Аннотация

В настоящем исследовании рассмотрена проблема формы исламского государства, ее соотношения с классификацией, принятой в континентальной юриспруденции, а также со светским и теократическим типом государств. Отмечается, что исламская юридическая наука (фикх) не знает таких структурных элементов формы государства, как правление, территориальное устройство и политический режим. Названные элементы представляют собой единую категорию. При этом высшим типом исламского государства является халифат. Большое внимание исследованию халифата как форме исламского государства уделил в своих трудах татарский богослов, философ и юрист Муса Бигиев (1874–1949), который сконцентрировался на сопоставлении суннитской и шиитской концепции халифата, принципах организации власти и других важных вопросах определения сущности исламского государства. На примере анализа работ Мусы Бигиева подчеркнута необходимость решения проблемы формы исламского государства.

Ключевые слова: форма государства, светское государство, теократическое государство, фикх, исламское государство, халифат, Муса Бигиев

Светская и теократическая формы государства

Континентальная юриспруденция (равно как и англо-американская), стремясь объяснить систему государственной власти и способ ее осуществления, сформулировала понятие «форма государства». Она складывается из трех элементов: формы правления, формы территориального (государственного) устройства, формы государственного (политического) режима. При этом не существует строгой взаимосвязи между формой государства и содержанием государственной власти: «Так, и правовое, и полицейское государство в равной мере допускают республиканскую и монархическую формы правления, унитарное и федеративное государственное устройство. Социальное государство возможно в условиях и демократического, и авторитарного государственного режима» [1, с. 1172]. На основе вышеуказанного очевидно, что группировка государств по форме, складывающейся из трех элементов (правление, устройство, режим), весьма удачна, хотя и несовершенна.

Слабым местом в категории формы государства является форма правления. В континентальной юриспруденции принято делить формы правления на респу-

блику и монархию, что также было принято и англо-американской теорией права. Но континентальная классификация не позволяет охарактеризовать формы правления всех государств в мире. Она не подходит для описания нетипичных (гибридных) форм (в которых сочетаются элементы и институты разных типов), таких как монархии с республиканскими элементами (республиканские выборные монархии) или республики с монархическими элементами (монархические республики). Помимо этого, в континентальной классификации существуют и иные варианты группировок. Ярким примером здесь является советское право, которое в республиканской форме правления в особую группу выделило социалистическое государство, а его, в свою очередь, разделило на «народную республику» и «республику советов», причем последняя, по мнению советских юристов [2; 3], была наиболее совершенной формой республики.

Главным же образом континентальная классификация форм государства не подходит для существовавших и существующих ныне исламских государств. Любая попытка подвести их под данную классификацию наталкивается на целый ряд препятствий.

Следует отметить, что в самой исламской юриспруденции (фикх) форма правления предполагает и форму политического режима, и форму территориального устройства. В теории исламского права (усул ал-фикх) [4, с. 243] упомянутые элементы не обладают той самостоятельностью, которая присуща им в романо-германской юридической науке. С одной стороны, в исламской юриспруденции формы правления, режима и территориального устройства настолько взаимосвязаны, что разграничить их фактически невозможно. С другой – понятие «форма государства» настолько же монолитно, насколько и многообразно. Оно определяется целым рядом внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов.

Исламская концепция государства отличается от принятой на Западе. Прежде всего нужно отметить тот факт, что фикх описывает «исламское государство», отталкиваясь исключительно от принципов, на которых оно построено, а таковые установлены исламским правом. Иначе говоря, в орбиту рассуждения не входят государства, выстроенные на иных критериях.

Форма государства во многом зависит и от международно-правового статуса территорий, которые фикх делит на:

- дар ал-ислам (территорию ислама),
- дар ал-куфр (территорию неправовых),
- дар ал-харб (территорию войны),
- дар ал-ахд (территорию договора).

Например, на территории первой группы возможно формирование многослойной государственности (федерации или конфедерации), на территории второй группы невозможно организовать исламское государство.

Исламская юриспруденция, как и все ответвления религиозной правовой семьи, в целом различает государства двух форм – духовные и светские, или (условно) «правильные» и «неправильные». В то же время она не отрицает континентальную классификацию форм правления, но все ее виды относит в группу светских типов. Как верно отмечает Г.Б. Фаизов, «и монархическая, и республи-

канская формы правления, и даже социалистический тип государственной власти во всех исламских концепциях государства не мыслятся вне правовых норм шариата» [5, с. 20]. Подчеркнем, что понятие «монархия» в фикхе есть не то же самое, что «монархия» в континентальной юриспруденции.

О федерации или унитарном государстве теория исламского права вообще ничего не говорит. Фикху неизвестны формы правления или формы территориального устройства. Все они включаются в понятие «форма (тип) государства». Например, современный теоретик Э.Э. Ахвердиев пишет: «Пробельность в Коране и Сунне по вопросам формы правления превратилась из недостатка в достоинство и объект гордости мусульманской теории государства» [6, с. 264].

К формам государства фикх относит особые типы исламского государства. Например, можно выделить следующие формы, предложенные исламской практикой государственного строительства:

- султанат,
- эмират,
- имамат,
- халифат.

К указанным формам также относят и исламскую республику как особую форму правления, в основе которой лежит западная модель государственного строя, базирующаяся на принципе разделения властей. Исламская республика больше напоминает смешанный тип республики в континентальной классификации. Данная форма является самой молодой для исламского мира и существует лишь в нескольких государствах: Исламская Республика Иран, Исламская Республика Мавритания, Исламская Республика Пакистан, Исламская Республика Афганистан (до сентября 2021 г.).

Понятие формы государства в исламской юриспруденции до сих пор находится в процессе разработки, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, авторы которых сильно расходятся во мнениях, предлагая свои варианты унифицированной классификации типов исламских государств [7; 8].

Если обратиться к исламским правоведам, то обозначенная проблематика становится еще сложнее. Так, например, аятолла Хомейни дает очень обтекаемое определение исламскому правлению, отграничивая его от конституционной монархии и республиканского строя [9, с. 39]. Другой крупный иранский правовед и политический деятель Муртаза Мутаххари (1920–1979) писал: «Сегодня эта ошибка повторяется очень часто, и когда говорят, что имамат понимается как правление, тогда вопрос правления в действительности входит в число второстепенных и является одним из незначительных ответвлений вопроса имамата» [10, с. 128]. Сказанное лишний раз подтверждает, что в фикхе форма правления и форма государственного режима теснейшем образом переплетены.

Еще в 1984 г. советский юрист Э.С. Онан отметил, что «в вопросе о форме государства исламская политическая концепция предоставляет широкую свободу выбора при непременном условии, однако, чтобы любая форма правления укладывалась в рамки шариата» [11, с. 107]. Понятие «исламская форма государства» (или «форма исламского государства») во многом является собирательным. Э.Э. Ахвердиев указывает: «Политическая форма государства показывает,

при помощи каких доктринальных основ действует правитель, на какие законы опирается власть, то есть в какой-то степени это аналог формы правления, но включает в себя и доктринальные аспекты правления» [6, с. 263].

Таким образом, вопрос о форме исламского государства и, в частности, о форме правления, на настоящий момент время разработан только на уровне концепции или ряда разрозненных теорий.

Проблема халифата в трудах Мусы Бигиева

Исторически первой формой исламского государства являлся халифат.

Исследованию последнего как формы исламского государства татарский богослов, философ и юрист Муса Бигиев (1874–1949) уделил в своих трудах большое внимание. Особый интерес в этом отношении вызывают три его работы:

– книга «Маленькие мысли по большим вопросам», изданная в Санкт-Петербурге в 1914 г. [12], в которой самый большой раздел был посвящен изучению проблемы халифата;

– работа «Воззвание о религиозных, литературных, политических вопросах и мероприятиях для исламских народов», вышедшая в 1923 г. в Берлине [13], в которой ставятся вопросы возрождения халифата в будущем;

– «Критика шиитских воззрений», изданная в Каире в конце 1935 г. [14], в которой автор разбирает шиитскую концепцию халифата-имамата.

В отношении последней работы следует дать дополнительные разъяснения, так как она имела среди шиитов определенный резонанс [15, с. 106–107].

Других работ, аналогичных «Ответам на вопросы Джаруллы (Бигиева)», записанным Габдулхусейном Шарафутдин ал-Мавсуви [16], не имеется.

Проблему халифата в фикхе Муса Бигиев обозначил как «самую большую и самую сложную» и даже назвал ее «пугающе серьезной, крайне важной и самой главной проблемой» [12, с. 240–241]. И в этом отношении он был, безусловно, прав. Проблема халифата тревожит умы мусульман четырнадцать веков подряд, но так и не получила четкого юридического обоснования, с которым бы согласилось подавляющее большинство мусульманских и западных юристов.

Кроме того, проблему халифата М. Бигиев считал одной из ключевых в вопросе разделения мусульман на суннитов и шиитов. «Виновниками» же возникновения обозначенной проблемы являлись представители каламических мазхабов, которые своими диспутами лишь усугубили разногласия между указанными группами. Приведем слова татарского ученого: «Давайте зададимся вопросом: что бы произошло, если бы каламические мазхабы, которые, выведши деяния из состава веры, превратили ее в пустое убеждение и голые слова, вывели бы из состава веры и свою бесполезную методологию, рассматриваемую ими примитивную проблематику, суннитско-шиитские разногласия, выстроенные на столкновениях вокруг проблемы халифата и фанатизме по поводу принадлежности к тому или иному течению? Полагаю, мир ислама, как минимум, не разделился бы на кровно враждующие мазхабы и проклинающие друг друга группировки. Исламское убеждение, по меньшей мере, было бы чистым от бесполезных вещей, не имеющих никакого отношения к религии. Лик ислама не краснел бы из-за шиитских насмешек и суннитских безумств» [17, с. 196].

С течением времени проблема халифата только усугублялась, фундаментальных теорий для ее решения разработано не было, а имеющиеся были несостоятельны. Формировалось лишь ее философское содержание, которое практически обходило юридические вопросы. Факихи столетиями занимались в основном тем, что обосновывали легитимность власти халифа. В итоге к XX в. так и не было выработано четких теоретико-юридических концепций для решения проблемы увядающего на глазах османского халифата. Исламские юристы не смогли обеспечить в правовом смысле его существование в будущем, в условиях системы широкого народного представительства.

Л.Р. Сюкияйнен отмечает: «В священной книге ислама Коране и Сунне Пророка Мухаммеда, выраженной в хадисах (преданиях о его поступках и высказываниях), имеется крайне мало положений, касающихся назначения и структуры публичной власти. Заслуга в разработке теории исламского государства принадлежит исламской правовой науке (фикху), которая на основе немногочисленных предписаний священных источников сумела сформулировать принципы организации и функционирования исламской власти. В результате этих усилий появилась концепция халифата как исламского государства» [18, с. 186]. При этом халифат рассматривался в двух взаимосвязанных аспектах: как сущность исламской власти и как специфическая форма правления [19, с. 8]. Однако с учетом сказанного концепция халифата и ее практическая реализация сильно разошлись.

В современной континентальной юриспруденции халифат обозначают либо как теократическое государство [20], либо как форму правления [1, с. 1179]. И то, и другое – ошибочные мнения. Халифат не есть форма правления, так как последнее понятие слишком узко для того, чтобы его применить к халифату. Последний, как было показано выше, является типом исламского государства. В целом же халифат – это экстраординарная форма исламского государства. Можно назвать халифат и империей, объединяющей под своим началом все мусульманские народы или их подавляющее большинство.

Халифат не является теократическим государством, потому что в последнем государственная власть принадлежит церковной иерархии. В исламе же нет никакой иерархии духовенства, нет посвящения в духовный сан, как в целом и самого понятия «духовенство», так как мусульманское общество гомогенно: «Все духовные лица в исламе формально независимы, равны и подчиняются только воле Аллаха. А шииты – еще и сокрытому имаму» [21, с. 79].

Муса Бигиев отрицал теократический характер исламского государства, указывая: «И правление Ислама, и государство Ислама не были никогда теократическими в своей основе» [14, с. 51]. Примечательно и то, что ученый вообще не допускал возможности существования в мире теократических государств, в том числе и христианских.

Дословно «теократия» переводится с греческого как «власть бога» (*theos* – «бог» и *kratos* – «власть»). Исходя из этого, М. Бигиев подчеркивал, что существование теократических государств невозможно, потому что человеку в принципе не дано узнать волю Бога. Он критиковал не только западных юристов за то, что они относили исламские государства к теократии, но и мусульманских

юристов, являющихся сторонниками обозначенной теории, объясняя их позицию «склонностью и любовью к подражанию» [14, с. 50].

В свою очередь, Муса Бигиев, отталкиваясь от сущности форм государства и форм правления, представил свою классификацию государственных систем, указав, что:

- 1) в демократической системе руководство делами производится волей нации;
- 2) в аристократической системе руководство делами производится волей аристократии;
- 3) в монархической системе руководство делами производится волей тирана через абсолютную власть [14, с. 50].

Подчеркнем, что демократия для М. Бигиева не выступала в качестве неотъемлемого критерия правового государства. Главное, писал ученый, чтобы правительство служило умме (обществу): воспитывало умму в ее религии, этике, развивало экономику, управляло делами уммы для ее выгоды, безопасности, процветания ее положения и благосостояния ее жизни. При названных условиях государство становится «пророческим» (государством Пророка), управление именуется «иманом» (вера в истинность ислама), политика «небесной» (основанной на праве и справедливости), а правительство «религиозным» (богобоязненным). И в таком случае, как считал М. Бигиев, неважно, было ли правительство монархическим, или демократическим, или аристократическим, или парламентской республикой, основанной на конституции [14, с. 47]. В любом случае исламское государство является общественным и цивилизованным, то есть светским, а не теократическим [14, с. 51]. Критерии исламского государства были заимствованы Мусой Бигиевым из эпохи Праведного халифата (632–661). Предложенная им классификация вряд ли удовлетворила бы западных ученых, но для характеристики исламского государства она вполне подходит.

Другим доказательством того, что исламское государство не является теократическим, как отмечал Муса Бигиев, является процесс правотворчества. Согласно континентальной западной юриспруденции, теологическая теория признает божественный характер происхождения государства и права, то есть они – творение Бога, созданное с целью регулирования поведения людей [22, с. 128]. В исламе отрицается возможность создания правовых норм от имени Аллаха. Согласно исламской правовой доктрине, в Коране сосредоточены лишь правовые принципы, а вовсе не все исламское право, тогда как весь последующий правообразовательный процесс носит характер условного подзаконного нормотворчества. Единственным законодателем является Аллах.

Подвергая критике континентальное понимание исламского государства и права, М. Бигиев разъяснял: «Не было ни в каком государстве из исламских государств правительства, утверждающего правление по воле Аллаха. И если принял какое-то решение исламский судья в каком-то случае, или совершил какой-то иджитхад и издал какую-то фетву муджтахид, не является ни один из них утверждающим знание по воле Аллаха, как и не является утверждающим знание по решению Аллаха. Ведь каждый из них принял решение по своему знанию посредством того, к чему привел его иджитхад» [14, с. 51].

Право в исламском мире появляется вследствие иджитхада, то есть через «усердствование» богослова-правоведа (или их собрания) в постижении богословско-правового комплекса, системы правовых принципов, аргументов, методов и приемов для решения правовой проблемы. Только после обретения мусульманским правоведом должного уровня знаний он становится авторитетом (муджтахидом), способным выносить решения по конкретным правовым вопросам [4, с. 91]. В свою очередь, орган правоприменения, например мусульманский судья, осуществляя правосудие, обращается не непосредственно к Корану или Сунне, которые он не может и не должен толковать, а к трудам, написанным в разные годы авторитетными богословами-правоведами (или их собраниями) и содержащим такое толкование. По мнению Мусы Бигиева, процесс правообразования служил дополнительным подтверждением того, что происхождение исламского государства и права не носит божественного характера.

Правовая природа халифата формировалась довольно долго. «Терминологическое значение слово *халиф* приобрело после избрания Абу Бакра главой (амиром) общины. Второго халифа, Умара, сначала называли халифом халифа посланника Аллаха, но затем это громоздкое обращение было заменено первоначальной формой или титулом амир ал-му'минин (“повелитель верующих”))» [7, с. 39]. Халифат, фактически возникнув одновременно с исламом, представлял собой новую форму политической организации мусульманского общества. На начальном этапе в складывающемся дуализме светской и духовной власти существовал уникальный баланс: «Халиф в глазах ранних мусульман не был носителем Божественного откровения, а лишь “повелителем верующих”, призванным заботиться о соблюдении установлений Корана и заветов Мухаммада» [7, с. 40].

Муса Бигиев дал следующее сущностное определение халифата, указав, что «это верховная и единая для всего мусульманского сообщества светская политическая власть (рийаса)» [12, с. 240]. Нельзя не обратить внимание на то, что ученый определял халифат именно как светскую власть.

Праведный халифат в воззрениях М. Бигиева являлся идеальной формой исламского государства, а потому он выделил его характерные черты, в котором умма (общество):

- 1) была независима и самостоятельная;
- 2) имела религию и конституцию: Коран и Сунну;
- 3) имела землю, которой она владела и на которой жила;
- 4) имела силу, исполняющую ее поручения и следящую за порядком;
- 5) имела армию, жертвующую своим духом и душой [14, с. 48].

Несмотря на то, что Праведным халифатом принято считать правление четырех первых халифов (Абу Бакра – 632–634 гг.; Умара ибн аль-Хаттаба – 634–644 гг.; Усмана ибн Аффана – 644–656 гг.; Али ибн Абу Талиба – 656–661 гг.), Муса Бигиев тем не менее только первые два периода характеризовал как государства, отвечающие всем вышеуказанным критериям. В частности, он писал: «Не было в истории Ислама после Пророка правления, правящего с именем Ислама и со справедливостью, кроме правления двух шейхов: ас-Сиддика (“праведный” – прозвище Абу Бакра. – Д. З.) и аль-Фарука (“отличающий истину от заблуждения” – прозвище Умара. – Д. З.)» [14, с. 45]. М. Бигиев указал, что в период прав-

ления Усмана ибн Аффана началась некоторая стагнация халифата. Например, при назначении на посты он нередко допускал кумовство: «Третий халиф Усман отличился тем, что назначал на важные посты только курайшитских аристократов, больше доверяя им как членам своего клана и подводя под это догматическое обоснование. ...Его убийство во многом объясняется недовольством других арабских группировок, не принадлежавших к клану Умаййядов и отстраненных от властной кормушки» [23, с. 37]. Но в то же время М. Бигиев признавал заслуги названного правителя, заключавшиеся в письменной кодификации Корана, проведенной под руководством Зейда ибн Сабита аль-Ансари (615–665 гг.).

Исходя из вышеописанных критериев, которые были присущи Праведному халифату, ученый заключил, что и в дальнейшем власть, провозглашающая себя халифатом, должна служить интересам:

- религии (ислам),
- государства (даула),
- народа (миллят),
- отчизны (ватан).

Также государственная власть в халифате должна опираться на:

- силу (кувва),
- могущество (шаука),
- компетентность (ахлийа) [12, с. 243].

Приведенные критерии легли в основу теории халифата, которую выдвинул Муса Бигиев. Татарский правовед искренне полагал, что подобное понимание идеи халифата будет способствовать ее практическому воплощению в XX в. как лучшей формы исламского государства.

Заключение

Говоря о форме исламского государства, следует иметь в виду, что это собирательное понятие. В фикхе формы правления, режима и территориального устройства настолько взаимосвязаны, что разграничить их фактически невозможно, а потому понятие «форма государства» монолитно и многообразно.

Исламская юриспруденция оперирует собственной классификацией формы государств, подразделяя их на светские и духовные. В фикхе теория формы государства разрабатывалась в течение довольно длительного времени, однако ее нельзя назвать окончательно сформированной.

Разные авторы выдвигают свои теории для решения вопроса о развитии формы исламского государства. В то же время существовавшие его формы (султанат и эмират) в значительной степени представляют собой восточные типы монархий. Однако для описания халифата критерии, применявшиеся по отношению к монархическому государству, не пригодны. В XX в. появилась еще одна форма исламского государства – исламская республика, исторические корни которой можно найти в VII в. Именно такая форма в большей степени соответствует характеристикам халифата.

Одним из крупных исследователей мусульманского мира, который занимался изучением вопроса о форме исламского государства, стал Муса Бигиев. Его работы были посвящены сложнейшей проблеме – халифату. В процессе науч-

ных изысканий теоретик проследил его историческую эволюцию и доказал, что халифат как форма исламского государства никогда не являлся теократией. Для Мусы Бигиева халифат выступал в качестве идеальной формы мусульманского государства. При этом критериям идеального халифата соответствовал только Праведный халифат, существовавший в 632–661 гг. Именно подобная модель должна была быть принята в качестве основополагающей для дальнейшего общественно-политического устройства мусульманской уммы.

Как указывает А.Г. Хайрутдинов, на сегодняшний день некоторые труды Мусы Бигиева все еще недоступны исследователям, в том числе и работа «Низаму-ль-хилафати-ль-исламияти-р-рашида аль-йаума фи усур ат-тамаддун» («Система праведного исламского халифата сегодня в эпоху цивилизации»), изданная в Бхопале (Индия) в 1946 г. [24, с. 616].

В заключение подчеркнем, что Муса Бигиев, считая проблему халифата крайне сложной, призывал и других юристов мусульманского мира продолжить ее исследование. В этом ключе он писал: «Было бы хорошо, если бы проблема халифата была исследована и фундаментальным образом решена непредвзятым и компетентным исламским автором» [12, с. 256]. Таким образом, ученый признавал важность плюрализма идейных воззрений по отношению к проблеме халифата.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. ix, [1], 1267 с.
2. Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Основы советского государственного строительства и права. М.: Изд-во ВПШ и АНО при ЦК КПСС, 1961. 541 с.
3. Основы советского государственного строительства и права / [Д.А. Керимов, М.Р. Шабанов, С.Э. Жилинский и др.]. М.: Мысль, 1979. 636 с.
4. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
5. Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 116 с.
6. Ахвердиев Э.Э. Концепция халифата как мусульманской формы правления // Вестн. КГУ. 2016. № 3. С. 263–266.
7. Рахманов А.Р., Рузиев Р.Ж., Рахманов А.Р. Исламское право. Уфа, 2010. 370 с.
8. Ислам в мировой политике в начале XXI века / [А.М. Ахунов, В.А. Ахмадуллин, Р.И. Беккин и др.]; под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО, 2016. 346 с.
9. аль-Хомейни Рухолла Мусави. Исламское правление. Алматы: Атамұра, 1993. 141 с.
10. Мутаххари М. Имамат и руководство / Отв. ред., пер. С. Сулаймонов. Тегеран: ал-Хода, 2007. 128 с.
11. Онан Э.С. Ислам и конституционное строительство в странах Востока // Мусульманское право (структура и основные институты). М.: ИПАН, 1984. С. 105–120.
12. Бигиев М.Д. Маленькие мысли по большим вопросам // Бигиев М.Д. Избранные труды / Муса Джаруллах Бигиев; Сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 207–330.

13. *Бигиев М.Д.* Воззвание к мусульманским нациям о религиозных, моральных, социальных и политических проблемах и действиях // Бигиев М.Д. Избранные труды: в 2 т. / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. Т. 2. С. 45–126.
14. *Бигиев М.Я.* Критика шиитских воззрений. Аль-вашиа фи нахд акаид аш-шиа (Челнок для раскрутки пряжи воззрений шиа) / Ответ. за выпуск Валиулла хазрат Ягъкуб; пер. с араб. С.А. Шагавиева. Казань: Иман, 2002. 159 с.
15. *Шагавиев Д.А.* Муса Джарулла Биги как защитник суннизма // II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления: материалы II Междунар. науч.-образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), Ш.Р. Кашаф (отв. ред.) и др.]. М.: Медина, 2016. С. 100–108.
16. *ал-Мавсуви Габдулхусейн Шарафутдин.* Ответы на вопросы Джаруллы (Бигиева) / Пер. с арабск. Р.К. Адыгамова; ответ. ред. Ягъкуб Валиулла. Казань: Иман, 2006. 97 с.
17. *Бигиев М.* Вера // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. Вып. 2. = Islamic Thought: Tradition and Modernity. Religious-Philosophical Yearbook. № 2 / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (гл. ред.), С.Ю. Бородай (отв. ред.) и др.]. М.: Медина, 2017. С. 185–201.
18. *Сюкияйнен Л.Р.* Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате // Право. Журнал ВШЭ. 2016. № 3. С. 185–205.
<https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.3.185.205>.
19. *Сюкияйнен Л.Р.* Исламское государство: правовые основы и современная практика. СПб., 2016. 112 с.
20. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова [и др.]. М.: Инфра-М, 2001. 790 с.
21. *Воронин С.А.* Ислам, национализм и власть. Индонезия, Ливия, Иран (Политическое лидерство в исламском мире в свете теории «третьего пути»). М.: Лабиринт, 2009. 495 с.
22. *Петров И.В.* Теологическая теория происхождения государства и права и разнообразие ее воплощений // Междунар. журн. экспериментального образования. 2015. № 5-1. С. 128–131.
23. *Яхьяев М.Я.* Политические истоки и причины разногласий и расколов в исламской умме // Исламоведение. 2017. № 4. С. 32–42.
24. *Хайрутдинов А.Г.* В поисках наследия Мусы Бигиева: доступное и искомое // Minbar. Islamic Stud. 2018. Т. 11, № 3. С. 608–618.
<https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-608-618>.

Поступила в редакцию 20.06.2024

Принята к публикации 19.09.2024

Зайнутдинов Динар Рафаилович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева

ул. Московская, д. 42, г. Казань, 420111, Россия

E-mail: knight_1988@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.72-83

Musa Bigiev's Perspective on the Form of the Islamic State

D.R. Zaynutdinov

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, 420111 Russia

E-mail: knight_1988@mail.ru

Received June 20, 2024; Accepted September 19, 2024

Abstract

This article examines the form of the Islamic state, comparing it with the classification accepted in continental jurisprudence and drawing parallels with secular and theocratic state models. It emphasizes that Islamic jurisprudence (fiqh) does not recognize certain structural elements, such as government, territorial organization, and political regime. Instead, the above elements represent a single category, with the caliphate as the ultimate state form. Musa Bigiev (1874–1949), a prominent Tatar theologian, philosopher, and lawyer, extensively studied the caliphate as a form of the Islamic state. His scholarly works focus on the Sunni and Shia concepts of the caliphate, the general principles of governance, as well as other critical aspects determining the essence of the Islamic state. Based on a comprehensive analysis of Musa Bigiev's thoughts, the need to define the exact form of the Islamic state is demonstrated and justified.

Keywords: form of state, secular state, theocratic state, fiqh, Islamic state, caliphate, Musa Bigiev

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Law]. Topornin B.N. (Ed.). Moscow, Yurist", 2001, ix, 1, 1267 p. (In Russian)
2. Higher Party School under the Central Committee of the CPSU. *Osnovy sovetskogo gosudarstvennogo stroitel'stva i prava* [Foundations of the Soviet State and Legal System]. Moscow, Izd. VPSH i ANO pri TsK KPSS, 1961. 541 p. (In Russian)
3. Kerimov D.A., Shabanov M.R., Zhilinskii S.E., et al. *Osnovy sovetskogo gosudarstvennogo stroitel'stva i prava* [Foundations of the Soviet State and Legal System]. Moscow, Mysl', 1979. 636 p. (In Russian)
4. *Islam: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka, 1991. 315 p. (In Russian)
5. Faizov G.B. *Islam i gosudarstvo: edinstvo, protivoborstvo, konvergentsiya* [Islam and the State: Unity, Confrontation, and Convergence]. Ufa, Izd. BGPU, 2010. 116 p. (In Russian)
6. Akhverdiev E.E. The concept of the caliphate as a Muslim form of governance. *Vestnik KGU*, 2016, no. 3, pp. 263–266. (In Russian)
7. Rakhmanov A.R., Ruziev R.Zh., Rakhmanov A.R. *Islamskoe pravo* [Islamic Law]. Ufa, 2010. 370 p. (In Russian)
8. Akhunov A.M., Akhmadullin V.A., Bekkin R.I., et al. *Islam v mirovoi politike v nachale XXI veka* [Islam in World Politics During the Early 21st Century]. Efimova L.M., Sapronova M.A. (Eds.). Moscow, MGIMO, 2016. 346 p. (In Russian)
9. Ruhollah Musavi Khomeini. *Islamskoe pravlenie* [Islamic Rule]. Almaty, Atamura, 1993. 141 p. (In Russian)

10. Motahhari M. *Imamat i rukovodstvo* [Imamate and Leadership]. Sulaimonov S. (Ed., Trans.). Tehran, Alhoda, 2007. 128 p. (In Russian)
11. Onan E.S. Islam and constitutional development in Eastern countries. In: *Musul'manskoe pravo (struktura i osnovnye instituty)* [Muslim Law (Structure and Basic Institutions)]. Moscow, IGPAN, 1984, pp. 105–120. (In Russian)
12. Bigiev M. Small thoughts on big questions. In: Bigiev M.D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Khairutdinova A. (Trans.). Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2014, pp. 207–330. (In Russian)
13. Bigiev M.D. Appeal to Muslim nations on religious, moral, social, and political problems and actions. In: Bigiev M.D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Khairutdinova A. (Trans.). Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2006, pp. 45–126. (In Russian)
14. Bigiev M.Ya. *Kritika shiitskikh vozzrenii Al'-vashia fi nakd akaid ash-shia (Chelnok dlya raskrutki pryazhi vozzrenii shia)* [Criticism of the Shia Doctrines. Al-Washi'a fi naqd aka'id ash-shi'a (The Shuttle Carrying the Weft Yarn of the Shia Beliefs)]. Shagaviev S.A. (Trans.). Kazan, Iman, 2002. 159 p. (In Russian)
15. Shagaviev D.A. Musa Jarullah Bigiev as a defender of Sunnism. *II Bigievskie chteniya – 2015. Musul'manskaya mysl' v XXI veke: edinstvo traditsii i obnoveniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-obrazovatel'noi konf., g. Sankt-Peterburg, 17–20 maya 2015 g.* [Proc. II Bigiev Lectures – 2015. Muslim Thought in the 21st Century: Unity of Tradition and Renewal: Proc. II Int. Sci. and Educ. Conf., St. Petersburg, May 17–20, 2015]. Mukhetdinov D.V., Kashaf Sh.R., et al. (Eds.). Moscow, Medina, 2016, pp. 100–108. (In Russian)
16. al-Mawsuwi Gabdulhussein Sharafutdin. *Otveti na voprosy Dzharully (Bigieva)* [Answers to the Questions of Jarullah (Bigiev)]. Adygamov R.K. (Trans.), Yakupov V. (Ed.). Kazan, Iman, 2006. 97 p. (In Russian)
17. Bigiev M. Faith. In: *Islamskaya mysl': traditsiya i sovremennost'. Religiozno-filosofskii ezhegodnik* [Islamic Thought: Tradition and Modernity. Religio-Philosophical Yearbook]. Vol. 2. Mukhetdinov D.V., Borodai S.Yu., et al. (Eds.). Moscow, Medina, 2017, pp. 185–201. (In Russian)
18. Syukiyaynen L. The Islamic legal thought on the Islamic state and caliphate. *Pravo. Zhurnal VShE*, 2016, no. 3, pp. 185–205. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.3.185.205>. (In Russian)
19. Syukiyaynen L. *Islamskoe gosudarstvo: pravovye osnovy i sovremennaya praktika* [Islamic State: Legal Principles and Modern Practices]. St. Petersburg, 2016. 112 p. (In Russian)
20. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A., et al. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [The Great Dictionary of Law]. Moscow, Infra-M, 2001. 790 p. (In Russian)
21. Voronin S.A. *Islam, natsionalizm i vlast'. Indoneziya, Liviya, Iran (Politicheskoe liderstvo v islamskom mire v svete teorii "tret'ego puti")* [Islam, Nationalism, and Power: Indonesia, Libya, and Iran (Political Leadership in the Islamic World from the Perspective of the “Third Way” Theory)]. Moscow, Labirint, 2009. 495 p. (In Russian)
22. Petrov I.V. The theological theory of state and law: Origins and various interpretations. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Eksperimental'nogo Obrazovaniya*, 2015, no. 5-1, pp. 128–131. (In Russian)
23. Yakhyaev M.Ya. Political origins and causes of divisions and splits in the Islamic ummah. *Islamovedenie*, 2017, no. 4, pp. 32–42. (In Russian)
24. Khairutdinov A.G. Unveiling Musa Bigiev's legacy: What we have and seek. *Minbar. Islamic Studies*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 608–618. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-3-608-618>. 10.31162/2618-9569-2018-11-3-608-618. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Зайнутдинов Д.Р. Взгляды Мусы Бигиева на форму исламского государства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 72–83. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.72-83>. ⟩

⟨ **For citation:** Zaynutdinov D.R. Musa Bigiev's perspective on the form of the Islamic state. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 72–83. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.72-83>. (In Russian) ⟩

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.84-96

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Н.В. Самсонов^{1,2}, В.В. Русских^{1,3}

*¹Ростовский филиал Российской таможенной академии,
г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия*

*²Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия*

*³Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, 344003, Россия*

Аннотация

В настоящей статье проанализирован отечественный опыт и опыт Республики Казахстан по нормативному закреплению системы источников права. На сегодняшний день определение перечня используемых в Российской Федерации источников (форм) права представляется довольно сложной процедурой, вызывает оживленную дискуссию, что само по себе является парадоксальным обстоятельством, поскольку правоприменитель не должен пребывать в сомнении относительно того, в какой «упаковке» содержатся нормы права. Отмечается, что нормативное закрепление системы источников права даст четкие ориентиры при поиске нормы права, подлежащей применению в конкретном деле, упростит принятие решений в случае юридических коллизий. Представляется целесообразным использовать опыт Республики Казахстан в части нормативной фиксации исчерпывающего перечня источников национального права, творчески его интерпретировав и развив.

Ключевые слова: источники права, формы права, иерархия источников права, нормативный правовой акт, принципы права, нормативный правовой договор, правовой обычай

Одной из еще не до конца изжитых проблем отечественного сравнительного правоведения (да и не только, думается, отечественного) является своего рода «европоцентризм» или «американоцентризм» – ориентация при поиске вариантов решения проблем национального права прежде всего на юридический опыт государств Западной Европы и США. При этом правовая реальность государств других регионов планеты (особенно «молодых» стран) часто игнорируется, не воспринимается как заслуживающая пристального внимания, рассматривается как глубоко вторичная, представляющая собой лишь копию (более или менее удачную) какой-то западной модели. Такой стереотип воз-

ник, разумеется, отнюдь не на пустом месте: действительно, правовые системы «новых» государств обычно формировались под сильным влиянием западных образцов, что выразилось в многочисленных заимствованиях устоявшихся правовых решений. В то же время подобный подход обедняет, упрощает наблюдаемую правовую действительность, приводит к определенной зашоренности, лишает законодателя, знакомящегося с результатами научных исследований, возможности оценить все многообразие вариантов решения какой-то юридической проблемы, имеющих в мире.

В настоящий момент в законодательстве ряда государств, ставших независимыми относительно недавно, можно найти немало интересных положений. Многие из них уже избавились от инфантильно-бездумного восприятия западных юридических моделей в качестве безупречных конструкций, перешли ко взвешенному подходу, сочетающему учет как передового мирового опыта, так и национальных особенностей. Законодательство таких государств часто соответствует самым последним требованиям юридической техники, вбирает в себя и проверенные временем, и передовые наработки, чего нельзя иногда сказать о многих базовых нормативных правовых актах «классических» правовых систем, так как некоторые из них из-за их возраста впору причислять к «памятникам права». Не стоит забывать, что юридический опыт, например, стран СНГ может оказаться для нас особенно полезным, учитывая «генетическую связь» наших правовых систем, схожесть проблем, возникающих перед нашими государствами. Современное законодательство государств-участников СНГ по многим направлениям гармонизировано, чему способствует, в частности, деятельность Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ по созданию модельных законодательных актов и рекомендаций. В рамках Евразийского экономического союза происходят процессы, которые можно назвать правовой унификацией (по крайней мере в части регулирования отдельных видов общественных отношений – в сфере таможенного дела, например). Указанные обстоятельства позволяют нам оценить степень эффективности тех или иных нововведений государств – участников СНГ в условиях, максимально приближенных к параметрам отечественной правовой системы.

Если преодолеть своего рода «юридический снобизм», то может оказаться, что какие-то «находки» наших соседей будут очень полезными для нас, принимая во внимание то обстоятельство, что подобные заимствования, скорее всего, быстро и безболезненно «приживутся» в отечественной правовой системе.

Одним из таких любопытных решений, на которые стоит, как представляется, обратить внимание, является закрепление перечня признаваемых источников права в обновленной в 2022 г. Конституции Республики Казахстан 1995 г. (КРК). В ч. 1 ст. 4 Конституции Казахстана указывается, что «действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Суда и Верховного Суда Республики». Не будем оценивать, насколько этот список совпадает с реально существующим (например, в нем нет правового обычая). Внимание стоит обратить на сам факт закрепления в основном законе государства реестра форм права.

Сама идея о нормативной фиксации перечня источников права видится вполне здоровой и перспективной. Таким образом можно решить сразу несколько проблем. Во-первых, появляется абсолютная четкость, кристальная ясность для правоприменителя в вопросе о том, в какой «оболочке» могут находиться нормы права, где он будет их искать. Во-вторых, перечисление возможных форм права можно (и нужно) снабдить указанием на их соотношение по юридической силе на случай коллизии между ними.

В настоящий момент определение перечня используемых в Российской Федерации источников (форм) права не представляется простым занятием и вызывает оживленную дискуссию [1, с. 93–105], что само по себе является парадоксальным обстоятельством с учетом того, что правоприменитель не должен пребывать в сомнении относительно того, в какой «упаковке» содержатся нормы права.

Не вызывает споров отнесение к российской системе форм права трех источников: нормативного правового акта, нормативного правового договора и правового обычая. Упомянутые «контейнеры» для норм права предусмотрены в российском законодательстве, но, в отличие от казахстанской модели, в нормативных правовых актах разного уровня.

Некоторые источники права закреплены в законодательстве России прямо и недвусмысленно. Например, так обстоит дело с нормативным правовым актом – основным для нашей правовой системы источником права. В нормах российской Конституции 1993 г. (КРФ) мы можем найти указание, разумеется, на саму Конституцию, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства России. Упомянуты в Конституции России и нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В то же время о существовании закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации мы узнаем из акта, обладающего меньшей, чем сама Конституция, юридической силой – Федерального закона от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (ФЗ № 33).

В Конституции, федеральных законах мы не найдем положений, касающихся нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Их вид, структура, требования к содержанию, порядок принятия и вступления в силу регламентируются подзаконными актами, причем разной юридической силы (от указов Президента России до ведомственных нормативных правовых актов). В этой связи стоит обратить внимание на положения Конституции Азербайджанской Республики (КАР), устанавливающие систему нормативных правовых актов этого государства. В ч. 1 ст. 148 Конституции Азербайджанской Республики закрепляется комплекс нормативных правовых актов, составляющих систему национального законодательства, причем в статье используется такой прием юридической техники, как перечень (акты выстроены в пронумерованный список: конституция, акты, принятые на референдуме, законы и т. д.). Очевидно, что порядок расположения актов в списке определяется их юридической силой, впрочем, авторы основного закона в ст. 149 посчитали нужным специально определить соотношение перечисленных документов.

Нормативные правовые договоры тоже упоминаются в российском законодательстве как источник права. Такая разновидность договора нормативного содержания, как международный договор, указывается в ч. 4 ст. 15 Конституции России. Упоминаются в Конституции России и внутригосударственные нормативные договоры. Нужно иметь в виду, что речь в нормах Конституции идет о разных внутригосударственных договорах. Так, в ч. 4 ст. 11 Конституции Российской Федерации говорится о договорах о разграничении предметов ведения и полномочий (интересно, что в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ФЗ № 414) они сейчас именуются чуть иначе – «договоры о разграничении полномочий»; мы видим несоответствие используемых в Конституции и отраслевом законодательстве терминов); в ст. 66 Конституции России ведется речь о договорах между органами власти автономных округов с органами государственной власти края или области, в состав которых они входят (такой договор можно рассматривать как частный случай договора о разграничении полномочий, а можно и как особый вид внутригосударственного нормативного договора); в ст. 78 Конституции России упоминаются соглашения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче полномочий.

К числу «бесспорных» источников большинства отраслей российского права принято относить и правовой обычай. При этом никакого упоминания в Конституции России о правовом обычае найти не удастся. Чтобы определить возможность опоры на обычай как источник права мы вынуждены обращаться к нескольким нормативным правовым актам более низкой юридической силы. Например, к ст. 5 или п. 1 ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) (ГК РФ). Отсылку к обычаям содержат, например, ч. 3 ст. 70, ч. 2 ст. 129, ч. 2 ст. 285, ч. 1 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) (КТМ РФ); ч. 1 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) (ГПК РФ); ч. 1 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) (АПК РФ).

Определенное неудобство состоит в том, что актов, содержащих положения, санкционирующие обычаи, несколько. Нам приходится самостоятельно определять, нормы каких отраслей права могут находиться в оболочке правового обычая, а какие – нет. Таким образом создается почва для споров. Например, существует ли конституционный обычай в рамках российской правовой системы? Что представляет собой судебный обычай? [2, с. 261–280]. При закреплении системы источников права все спорные вопросы, касающиеся «ареала» распространения правового обычая в России, могли бы тоже быть детально проработаны.

К числу дискуссионных источников российского права относятся принципы права. Все правоведы отмечают их важнейшее ориентирующее значение для законодателя и правоприменителя, рассматривая их как своего рода «каркас» системы нормативных установлений государства. Однако в отношении

вопроса о том, могут ли они выступать в качестве источника права, нет единства во мнениях.

С одной стороны, опору судьи исключительно на принципы осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогию права) допускает ч. 5 ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.), а также ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.). В ч. 4 ст. 15 Конституции России отмечается, что общепризнанные принципы международного права являются частью правовой системы России (в то же время являться составной частью правовой системы и выступать в качестве источника права – все же не тождественные состояния). Иными словами, вроде бы соблюдается самый надежный критерий выделения источника права – использование его как основы для судебного решения. С другой стороны, если принцип закреплен в нормативном правовом акте, то источником права здесь выступает именно нормативный правовой акт, содержащий норму-принцип.

По мнению ряда исследователей, у принципов права отсутствует собственная «телесность». Так, К.В. Ведяхина отмечает, что принципы права собственной формы выражения лишены, они обладают формой того акта, составной частью которого являются [3, с. 20]. Н.В. Самсонов указывает, что сами по себе принципы международного права в качестве источников права рассматривать не нужно – источником права являются внешние формы, в которых они закреплены [4, с. 20]. Другие авторы допускают мысль о том, что принципы права, которыми руководствуется правоприменитель, вовсе не обязательно должны найти свое отражение в нормах действующего законодательства. Так, например, Л.С. Явич утверждал, что некоторые принципы права могут какое-то время функционировать в судебной практике и правовых обычаях, не будучи выраженными в законодательстве [5, с. 149–150]. Фактическую роль источника права признает за принципами права А.В. Смирнова [6, с. 7].

Оживленные споры вызывает вопрос о существовании таких источников российского права, как юридический прецедент или судебная практика. Одни ученые утверждают, что юридический прецедент давно «проник» в нашу правовую систему и вполне в ней «обжился». Например, Б.С. Эбзеев рассматривал решения Конституционного Суда в качестве источника права, формирующего прецеденты, имеющие нормативно-регулирующее значение [7, с. 7–12]. А.Л. Бурков указывает на существование источников административного права России, которые носят «правоприменительно-правотворческий характер» [8, с. 8]. Н.В. Самсонов рассматривает постановления Конституционного Суда Российской Федерации как особый вид источников права, не относящийся к судебным прецедентам [9, с. 8]. Другие авторы категорически отрицают саму возможность создания судами норм права. Противником наделения судей правотворческими функциями является, например, В.С. Нерсисянц, полагающий, что подобная деятельность противоречит самой природе суда [10, с. 28].

Не пытаясь оценить аргументы каждой из сторон, можно отметить, что закрепление в законодательстве перечня источников права с легкостью разрешит и этот вопрос, не оставив недомолвок, двусмысленности (вроде той, что некое

правовое положение, сформулированное высшим судебным органом, формально не обязательно, но на практике воспринимается как руководство к действию).

Таки образом, можно констатировать, что сам по себе список форм российского права вызывает споры. Обилие и «разновекторность» точек зрения сбивают правоприменителя с толку, лишают его четких ориентиров. При этом те источники права, что принадлежат к числу «бесспорных», закрепляются в нормативных правовых актах различного уровня (к слову, возникает вопрос: может ли существование какого-то источника права «задаваться» подзаконным нормативным правовым актом, например указом Президента России?). Далеко не всегда очевидным выглядит соотношение различных источников права.

Побочным эффектом указания в законодательстве исчерпывающего списка форм права станет прекращение бесконечных споров в научной среде по некоторым проблемам, приобретающих иногда форму своего рода “holy war”.

Итак, представляется целесообразным, опираясь на опыт наших соседей в части закрепления перечня источников права, реализовать подобное решение и в нашей правовой системе.

Это можно сделать тремя путями. Во-первых, способом, похожим на казахстанский вариант, – указав в Конституции России все допустимые в правовой системе «вместилища» для правовых норм. Да, существуют некоторые препятствия технического плана: по своему значению подобная норма должна находиться в главе первой Конституции России, но внесена туда быть не может из-за невозможности изменения этой главы. Однако авторы поправок к Конституции России 2020 г. уже довольно изящно преодолевали подобные затруднения, отыскивая в третьей главе Конституции России «подходящие» позиции для норм, чье «штатное» место по логике вещей – в первой или второй главах Конституции (например, положения, содержащиеся в ст. 67.1 или в п. «ж.1» ч. 1 ст. 72, ч. 5 и 6 ст. 75). Иными словами, эта проблема – решаемая.

Как один из вариантов «расселения» норм права, устанавливающих элементы российской системы источников права, можно назвать ст. 71, 72 и 73 Конституции России. Установление после перечня вопросов, относящихся к исключительному ведению Российской Федерации, совместному ведению Российской Федерации и ведению субъектов Российской Федерации, четкого набора форм права, в которых могут закрепляться нормы, регулирующие эти вопросы, кажется вполне логичным. Еще один «кандидат» на размещение реестра источников права – ст. 76 Конституции России. В конце концов, можно добавить в главу третью Конституции России новую статью, полностью посвященную системе источников права (например, под номером 76.1).

Второй вариант – обойтись без поправок к Конституции России, приведя такой реестр источников права в специальном законе. Уже давно обсуждается необходимость принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах», несколько вариантов законопроекта было подготовлено. На федеральном уровне отсутствие такого закона приводит к существованию неопределенности в ряде вопросов. Например, могут ли являться распоряжения Президента России нормативными правовыми актами с учетом того, что распоряжения Правительства России в соответствии с Федеральным конституционным законом от 6 ноября

2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ФКЗ № 4) норм права содержать не могут (ч. 2 ст. 5 ФКЗ)? Какова юридическая природа поручений Президента России? Могут ли все-таки указы Президента России издаваться по вопросам, требующим законодательного регулирования, в отсутствие федерального закона – для восполнения пробела в праве? Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П (Пост. КС № 11-П) содержит правовую позицию о том, что при соблюдении ряда условий такая практика не противоречит Конституции России, но тогда в законе следует установить четкие параметры допустимости подобного подзаконного нормотворчества.

Нет полной ясности и в системе нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Так, вызывает вопросы формулировка п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (ред. от 19 февраля 2024 г.) (ППРФ № 1009): «Нормативные правовые акты издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации». Что имеется в виду под «законодательством»? Допустимо ли издавать нормативные правовые акты других видов, установленных подзаконными актами – нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти? Например, Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвержденные Приказом МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 (ред. от 1 августа 2022 г.), предусматривают, в частности, издание таких видов нормативных правовых актов, как уставы и наставления (п. 10 Положения) (ПМВДРФ № 484). Являются ли все пять видов актов равными по юридической силе? Могут ли инструкции, положения и правила издаваться сами по себе, а не в виде приложений к приказам и постановлениям? Так, скажем, п. 5 Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, утвержденных Приказом Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222 (ПМЮРФ № 222), устанавливает, что «правила, инструкции и положения, утвержденные приказом или постановлением, не являются самостоятельными видами актов».

Федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» мог бы унифицировать и систему нормативных правовых актов ее субъектов. В настоящее время во многих субъектах Российской Федерации действуют законы, устанавливающие систему региональных нормативных правовых актов, но единого стандарта здесь нет.

Размышляя о специальном законе, регламентирующем виды российских нормативных правовых актов, можно представить себе и более широкую сферу его регулирования: в таком законе можно было бы зафиксировать все используемые в России источники права и, что немаловажно, закрепить их соотношение с друг с другом по юридической силе.

Наконец, можно комбинировать оба указанных выше приема: закрепить перечень форм права в Конституции, который будет детализироваться в специальном законе.

Преимущество закрепления системы источников в нормах основного закона — стабильность форм права. Еще большую «прочность» этому элементу несущих конструкций правовой системы, разумеется, сообщает нахождение такого перечня в «защищенном» от изменений разделе конституции государства, но в наших условиях необходимость фиксации реестра источников права едва ли может служить основанием для принятия новой конституции.

Как представляется, следует пойти дальше и указать место каждого источника на иерархической лестнице.

Нельзя, разумеется, утверждать, что сейчас выбор в ситуации противоречия между нормами, находящимися в разных источниках права, сделать невозможно, но в некоторых случаях для этого придется приложить некоторые усилия. В настоящий момент коллизионные нормы, позволяющие установить соотношение различных источников права в тех или иных ситуациях, «разбросаны» по всему законодательству, а в некоторых случаях правоприменитель вынужден в ситуации юридической коллизии обращаться и к актам судебных органов. Так, например, соотношение норм федерального закона и ратифицированного Российской Федерацией международного договора нам становится известным из ч. 4 ст. 15 Конституции России. Но в ней ничего прямо не говорится о соотношении норм самой Конституции с положениями международного договора, что дает повод предполагать, что сама Конституция России, являясь по своей природе законом, тоже должна соответствовать международным договорам. А ведь это важнейший вопрос, базовый, от которого зависит то, как вообще выглядит вся конструкция правовой системы. Разрешить его поможет обращение, например, к Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (Пост. КС № 12-П). Правовая позиция Конституционного Суда России в данном случае недвусмысленна: международные договоры не выше Конституции России по юридической силе и даже не равны ей. В то же время юридическая природа содержащихся в постановлениях Конституционного Суда России правовых позиций сама по себе является предметом споров.

Конституция Российской Федерации прямо не обозначает юридическую силу внутригосударственных нормативных договоров. Для того чтобы определить соотношение федерального закона и договора о разграничении полномочий, придется обратиться к ч. 8 ст. 50 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 15 мая 2024 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ФЗ № 414), который уравнивает юридическую силу федерального закона и договора о разграничении полномочий. Из положений, содержащихся в ст. 51 указанного закона, можно сделать вывод, что соглашения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации о передаче полномочий имеют юридическую силу подзаконного нормативного правового акта (правда, в законе не сказано какого). Но, поскольку они должны утверждать-

ся постановлением Правительства России, можно сделать вывод, что их юридическая сила равна силе постановлений Правительства Российской Федерации. Однако четко этот момент в законе не прописан, что теоретически может привести к ситуации спора о приоритете того или иного источника права.

Неоднозначным можно считать вопрос о соотношении правового обычая с иными источниками права. Необходимо констатировать единодушие ученых относительно иерархии норм, содержащихся в правовом обычае и нормативном правовом акте, – правовой обычай рассматривается как субсидиарный источник права (в дополнение к закону); обычаи, противоречащие закону, не применяются (п. 2 ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации). В случае противоречия какого-то обыкновения закону мы, строго говоря, не можем говорить о существовании правового обычая, поскольку придание обычаю свойства нормы права осуществляется путем санкционирования государством. Предполагается, что возможность опираться на обычай при регулировании некоторых общественных отношений законодатель допускает только в отношении правил, соответствующих положениям действующего законодательства. В то же время ст. 9 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) (КООН) разрешает использование сторонами договора любого обычая, в отношении которого они договорились, а при отсутствии договоренности предполагается применение к договору широко известного в мировой торговле обычая. Может ли какое-то неписаное правило, используемое в международных торговых отношениях, теоретически противоречить федеральному закону? Является ли разрешение опираться на обычай, предоставленное международным договором, более «высоким» уровнем санкционирования обычая, чем разрешение, данное федеральным законом?

Указание в Конституции России или в специальном федеральном законе места каждого из источников права на иерархической лестнице значительно упростит принятие решений в случае юридических коллизий. Правоприменитель, в распоряжении которого будут все коллизионные нормы, собранные в одном месте, будет вооружен четкими инструкциями относительно того, какой выбор надлежит делать в случае противоречия различных источников права. Число правоприменительных ошибок, связанных с вынесением решения с опорой на «неправильный» источник, будет стремиться к возможному минимуму.

Таким образом, представляется целесообразным перенять опыт Республики Казахстан в части нормативной фиксации исчерпывающего перечня источников национального права, творчески его интерпретировав и развив. Это, несомненно, окажет благотворный эффект на самые разные аспекты механизма правового регулирования в России.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

КРФ – Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г., с изм. от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2020. № 27. Ст. 4196.

- КООН – Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11 апр. 1980 г.) // Вестн. Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1994. № 1.
- КРК – Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., с изм. от 1 янв. 2023 г.) // Вед. Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.
- КАР – Конституция Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution>, свободный.
- ФКЗ № 4 – Федеральный конституционный закон от 6 нояб. 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
- ФЗ № 33 – Федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- КТМ РФ – Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
- АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
- ФЗ № 414 – Федеральный закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
- ПППРФ № 1009 – Постановление Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009 (ред. от 19 февр. 2024 г.) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. С. 389.
- ПМВДРФ № 484 – Приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 (ред. от 1 авг. 2022 г.) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102102954&intelsearch=%CF%F0%E8%EA%E0%E7+%CC%C2%C4+%D0%D4+%B9+484>, свободный.
- ПМЮРФ № 222 – Приказ Минюста России от 31 авг. 2023 г. № 222 «Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309010043>, свободный.
- Пост. КС № 11-П – Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апр. 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. N 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
- Пост. КС № 12-П – Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

Литература

1. *Голубцов В.Г., Валеев Д.Х.* Современная дискуссия об источниках гражданского процессуального права // *Ex Jure*. 2022. № 2. С. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>.
2. *Самсонов Н.В.* К вопросу о судебных обычаях и обыкновениях // *Вестн. гражданского процесса*. 2020. Т. 10, № 3. С. 261–280. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-261-280>.
3. *Ведяхина К.В.* Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 255 с.
4. *Самсонов Н.В.* Система источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 622 с.
5. *Явич Л.С.* Сущность права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 207 с.
6. *Смирнова А.В.* Принципы права в системе источников современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 24 с.
7. *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // *Государство и право*. 1998. № 5. С. 5–12.
8. *Бурков А.Л.* Акты судебного нормоконтроля как источник административного права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 35 с.
9. *Самсонов Н.В.* Акты конституционного правосудия как источники российского гражданского процессуального права // *Право. Журнал ВШЭ*. 2023. Т. 16. № 1. С. 70–93. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.1.70.93>.
10. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 560 с.

Поступила в редакцию 15.09.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Самсонов Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета¹, доцент кафедры процессуального права²

¹ Ростовский филиал Российской таможенной академии
пр. Буденновский, д. 20, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия

² Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
ул. Пушкинская, д. 70, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия
E-mail: samsonov@yandex.ru

Русских Валерий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин¹, доцент кафедры теории и истории государства и права²

¹ Ростовский филиал Российской таможенной академии
пр. Буденновский, д. 20, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия

² Донской государственный технический университет
ул. Гагарина, д. 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Россия
E-mail: valeriirus@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 84–96

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.84-96

**Defining the List of Sources of Law within a Normative Framework
as a Strategy for Strengthening Certain Aspects of Russia's Legal System**N.V. Samsonov^{a,b*}, V.V. Russkikh^{a,c**}^aRostov Branch of Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, 344002 Russia^bSouth Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, 344002 Russia^cDon State Technical University, Rostov-on-Don, 344003 Russia

E-mail: *samsonov@yandex.ru, **valeriirus@gmail.com

Received September 15, 2024; Accepted November 20, 2024

Abstract

This article outlines the practices of Russia and the Republic of Kazakhstan concerning the development of a normative framework that defines the system of sources of law. In Russia, the effort to create a clear and explicit list of sources (forms) of law has been a longstanding and widely discussed issue, which is, however, a paradox, as law enforcers should know the “format” or framework in which legal norms are articulated and have no doubt about it. The results of the study demonstrate that establishing a robust normative framework for defining the system of sources of law would offer clear guidance when determining legal norms applicable in specific cases and would streamline the decision-making process in situations of legal conflicts. Additionally, it could be advantageous to draw on the experience of the Republic of Kazakhstan in normatively defining a complete list of sources of national laws, provided that its approach is thoughtfully interpreted and creatively adjusted.

Keywords: sources of law, forms of law, hierarchy of sources of law, normative legal act, principles of law, normative legal contract, legal custom

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. Some recent debates on the sources of civil procedure. *Ex Jure*, 2022, no. 2, pp. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>. 10.17072/2619-0648-2022-2-93-105. (In Russian)
2. Samsonov N.V. On judicial customs and judicial habits. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 261–280. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-261-280>. (In Russian)
3. Vedyakhina K.V. Basic moral ethical and sociopolitical principles of Russian law. *Cand. Law Diss.* Volgograd, 2001. 255 p. (In Russian)
4. Samsonov N.V. The system of sources (forms) of civil procedure in the Russian Federation. *Doct. Law Diss.* Moscow, 2021. 622 p. (In Russian)
5. Yavich L.S. *Sushchnost' prava* [The Essence of Law]. Leningrad, Izd. LGU, 1985. 207 p. (In Russian)
6. Smirnova A.V. The principles of law in the system of modern Russian law sources. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Moscow, 2020. 24 p. (In Russian)
7. Ebzeev B.S. Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: Theoretical and practical issues. *Gosudarstvo i Pravo*, 1998, no. 5, pp. 5–12. (In Russian)

8. Burkov A.L. Review of the constitutionality of legal norms as a source of administrative law. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Tyumen, 2005. 35 p. (In Russian)
9. Samsonov N.V. Acts of constitutional justice as sources of Russian civil procedural law. *Pravo. Zhurnal VShE*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 70–93. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.1.70.93>. (In Russian)
10. Nersesyants V.S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow, Norma, NITs INFRA-M, 2015. 560 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Самсонов Н.В., Русских В.В. Нормативное закрепление перечня источников права как способ совершенствования отдельных аспектов российской правовой системы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 84–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.84-96>. ⟩

⟨ **For citation:** Samsonov N.V., Russkikh V.V. Defining the list of sources of law within a normative framework as a strategy for strengthening certain aspects of Russia's legal system. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 84–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.84-96>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА (СУРРОГАТА) ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Н.В. Архиреев

Арбитражный суд Республики Башкортостан, г. Уфа, 450076, Россия

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, 450076, г. Уфа, Россия

Аннотация

Вследствие распространения Интернета, возрастающего уровня цифровизации всех сфер деятельности человека, активного развития технологий искусственного интеллекта проблема цифровых двойников (англ. digital twin) приобретает сегодня особую актуальность. В правовой науке пока еще не выработаны подходы к вопросу о регулировании их использования. Исходя из этого в статье рассмотрены вопросы правового положения нового для российского права понятия «цифровой двойник», дана оценка степени его влияния на складывающиеся правоотношения, определены правовые проблемы и риски, которые могут возникнуть в связи с использованием цифровых двойников людей. Предложено законодательно закрепить понятие «цифровой двойник (суррогат)», цифровые права человека; определить пределы действий цифрового двойника, основанного на искусственном интеллекте; уровень доступа различных служб; правовые последствия действий, совершенных цифровыми двойниками в виртуальном мире; способы защиты цифровых двойников.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой двойник, цифровой суррогат, искусственный интеллект, правовое положение, правовое регулирование, персональные данные, права человека

Понятие «цифровой двойник» существует относительно недавно. Сама идея названного феномена появилась в 80-х годах прошлого века, однако уровень научной мысли и технологий не позволяли реализовать ее на практике. Принято считать, что концепцию цифрового двойника придумал Майкл Гривз из Мичиганского университета США в 2002 г. [1]. Позже, в 2010 г., Джон Викарс описал предназначение цифрового двойника. В презентации НАСА (июнь, 2023 г.) Д. Викарс указывает, что конечная цель цифрового двойника – создавать, тестировать, собирать и эксплуатировать оборудование в виртуальной среде [2]. В упомянутой презентации приводится несколько определений термина «цифровой двойник». В частности, корпорация IBM определяет его как виртуальное представление объекта или системы, которое охватывает весь его жизненный цикл, обновляется на основе реальных данных и использует моделирование, машинное обучение и рассуждения для помощи в принятии решений [2].

Понятие «цифровой двойник» для России не новое. Известны цифровые двойники изделий (ГОСТ Р 57700.37-2021), документов (паспорт гражданина РФ, водительское удостоверение, ПТС, свидетельство о регистрации по месту жительства), цифровой двойник окружающей среды [3], цифровой двойник суда [4]. Объединяет эти понятия то, что в виртуальном мире создается цифровая модель объекта, существующего в реальном мире, а затем с такой моделью можно делать все что угодно. В отношении вещей и технологий это удешевляет процесс модернизации, создания новых продуктов, апробации, так как нет необходимости создавать дорогостоящую физическую модель. Что касается информации, она становится более доступна. Плюсы подобных цифровых двойников очевидны.

В науке активно обсуждается появление цифровой копии личности человека, обозначается это явление разными терминами: цифровой профиль, цифровая копия, цифровая личность, цифровой двойник, цифровой близнец, цифровой клон, цифровой дубликат – либо слово «цифровой» заменяется в терминах на «виртуальный». Например, В.В. Иванов и Д.И. Зуев, исследуя соотношение понятий «цифровой двойник» и «цифровая личность» для целей правового регулирования правоотношений в киберпространстве, предлагают использовать термин «цифровой двойник личности», под которым понимают цифровое отражение реальной личности в интернет-пространстве в виде аккаунта в социальной сети и других интернет-ресурсах, позволяющих создавать персонифицированные и уникальные виртуальные профили, от имени и посредством которых реальное физическое лицо может взаимодействовать с киберпространством, другими его участниками и оставлять в нем различные электронные следы. При этом авторы отмечают, что такая цифровая личность не может рассматриваться как самостоятельный субъект, поскольку не обладает и не может обладать собственной волей (во всяком случае, на сегодняшний день), она выступает инструментом, с помощью которого реальное лицо взаимодействует с киберпространством [5].

О.В. Сухова дает общее, универсальное определение цифрового двойника: это виртуальная копия физического объекта, которая может отслеживать его в режиме реального времени. Благодаря удобству подключения к нему и быстрой обработке данных цифровой двойник способен отражать физический объект, синхронизировать с ним данные, моделировать его процессы и приводить его в действие [6, с. 18].

В некотором смысле синонимом термина «цифровой двойник» будет являться «цифровой суррогат» исходя из того, что суррогат – это продукт или предмет, лишь отчасти являющийся заменой натурального [7]. В любом случае суть остается той же – в результате оцифровки человека появляется его цифровой образ, который может обладать разным функционалом, различными возможностями, иметь неодинаковое наполнение.

Опираясь на вышеуказанное определение IBM, можно сказать, что цифровой двойник (суррогат) человека – это его виртуальное представление (образ, копия), которое отображает всю его жизнь, постоянно обновляется на основе реальных данных и используется человеком и иными субъектами правоотношений в различных целях. Ученые активно занимаются оцифровкой головного мозга человека, создаются программы симуляции его работы, целью которых

является разработка технологий сканирования и картирования головного мозга, позволяющих перенести сознание человека в другое, в том числе искусственно созданное, тело с первоначальным переносом памяти сознания на какое-то иное вычислительное устройство (так называемые технологии загрузки или переноса сознания) [8].

Но даже с учетом современного уровня технологий почти у каждого человека уже сейчас в некотором смысле есть свой цифровой двойник. Это могут быть аккаунты в социальных сетях, различные личные кабинеты (на маркетплейсах, сайтах поставщиков коммунальных ресурсов, в медицинских учреждениях, сайте «Госуслуги» и т. д.). Люди размещают в различных приложениях и на сайтах всю или почти всю информацию о себе: дату и место рождения, данные своих официальных документов, их скан-копии, свои фотографии, банковские счета, биометрию, места пребывания, увлечения и интересы, информацию о своих родственниках и друзьях и др. При этом журналисты Российской газеты обратили внимание на то, что все больше людей по всему миру интересуются созданием своих «цифровых клонов» – аватаров человека в метавселенной, которые помогают ему в реальном мире. Отмечается, что компания Delphi из Великобритании предлагает продукты на базе собственного искусственного интеллекта (ИИ), который использует видео- и звукозаписи, PDF-файлы, изображения и другой контент для создания клона, на 100 % похожего на человека. ИИ-клоны, которых специалисты создают всего за час, способны имитировать мимику, эмоции, манеру ведения диалога и даже логику «хозяина»¹, поэтому при желании о человеке, благодаря современным технологиям, можно узнать все (чем, кстати, активно пользуются кредитные учреждения, страховые организации и некоторые работодатели).

Как пишут исследователи, «уже в роддоме информация о рождении ребенка попадет в “океан данных”, где возникнет его “цифровой двойник”. Далее “цифровой двойник” будет “обрастать” все новыми и новыми данными. Человек, идентифицируясь в государственной платформе, с помощью своего “цифрового двойника” будет взаимодействовать с цифровой экосистемой и получать от нее цифровые сервисы в соответствии со своими потребностями. А на основе данных о “цифровом двойнике” гражданина, собираемых по многим аспектам (здоровье, образование, психологические особенности и т. п.), возрастет возможность построения индивидуальных траекторий развития личности» [9].

Е.М. Егорова обращает внимание на тот факт, что одним из наиболее обсуждаемых вопросов становится введение цифровых профилей личности, цифровых паспортов здоровья, электронных паспортов, но основными проблемами при этом являются обеспечение кибербезопасности и высокой защиты в информационных системах, интеграция с криптокабинетами МФЦ. Также она отмечает, что инструменты и технологии цифровой идентификации должны разрабатываться с учетом прав человека, свободы личности и передвижения, защиты персональных данных, морально-этических принципов. Цифровые технологии

¹ Гуреева Ю.А. В мире набирает популярность услуга по созданию «цифровых клонов» людей. URL: <https://rg.ru/2024/05/07/v-mire-nabiraet-populiarnost-usluga-po-sozdaniyu-cifrovyyh-klonov-liudej.html>, свободный.

дают новые средства для поддержки, защиты и осуществления прав человека, но они также могут использоваться для подавления, ограничения или нарушения этих прав [10].

Отдельно следует остановиться на оцифровывании организма как наиболее «чувствительной» части жизни человека. В августе 2023 г. научный руководитель Национального центра физики и математики (НЦФМ), академик РАН А.М. Сергеев говорил о том, что через десять лет в России при условии развития вычислительных технологий мы уже сможем увидеть цифровой двойник человека, использование которого будет давать нам полезные результаты, который будет советовать, какие меры предпринимать в условиях определенных воздействий, чтобы биологические часы всех наших органов шли синхронно. Создание цифровых двойников, цифровое моделирование полного жизненного цикла объектов или процессов становятся необходимым компонентом при разработке устройств и организации производства. Цифровые двойники позволяют моделировать работу объекта, обеспечивать мониторинг и сопровождение его полного жизненного цикла для оптимизации его работы, предупреждения и выявления аномалий. Развитие цифровых систем мониторинга неживых устройств может послужить базой для того, чтобы перейти к созданию цифровых двойников живых систем².

Получается, что если всю разрозненную информацию о человеке соединить в одном месте, то практически все сведения о его жизни с момента рождения (его интересы, состояние здоровья, деловые и родственные связи, перемещения по миру и многое другое) будут доступны в виртуальном мире. В итоге мы получим цифрового двойника, представляющего огромную ценность не только для конкретного человека. Подобная информация будет интересна всем государственным органам – от правоохранительных до здравоохранительных, кредитным организациям и бизнесу в целом. По выражению Зигмунда Фрейда, есть лишь одна валюта ценнее золота – это информация.

Сейчас цифровой двойник при соответствующих настройках может быть помощником человека в виртуальном мире и делать практически все:

- 1) совершать покупки в онлайн-магазинах;
- 2) оплачивать счета и штрафы;
- 2) оформлять и переоформлять документы;
- 3) контролировать бытовую технику;
- 4) отслеживать состояние здоровья человека;
- 5) давать рекомендации по питанию и образу жизни, в том числе контролировать режим отдыха;
- 6) отслеживать состояние домашних животных;
- 7) подбирать новости, различный контент и многое другое.

С учетом изложенного необходимо дать правовую оценку обозначенному понятию и возможным изменениям существующих правоотношений, указать правовые проблемы и риски, которые могут возникнуть в связи с использова-

² Ученые сообщили, что к 2035 году в России может появиться цифровой двойник человека. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/18601377?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru, свободный.

нием цифровых двойников людей, определить степень правовой защиты цифрового двойника. Мы разделяем мнение В.М. Елина, о том, что при рассмотрении цифрового двойника как нового объекта общественных отношений требуется выработка принципиально новых подходов к правовому регулированию данной сферы [11].

Ответы на поставленные вопросы зависят от множества факторов и в частности:

- от степени соответствия цифрового двойника реальному человеку;
- от возможности и частоты обновления двойника;
- от уровня заполненности профиля человека;
- от предназначения цифрового двойника (широкий профиль, медицинский, игровой и т. д.);
- от компетенции и полномочий двойника (объема прав и обязанностей, которые дал человек своему двойнику);
- от того, кто управляет двойником и наличия возможности его корректировать;
- от того, кто является оператором (хранителем) цифрового двойника (государственные или частные организации);
- от правового статуса цифрового двойника (является ли он официальным и признанным государством);
- от наличия возможности иметь несколько цифровых двойников;
- от наличия возможности распоряжаться своим цифровым двойником.

Цифровой двойник должен быть где-то размещен, к нему должен быть доступ и т. д. Значит, необходимо создать некое виртуальное пространство. В настоящее время это обеспечивается путем регистрации пользователя в определенной информационной системе, создания учетной записи и личного кабинета³. Единственное найденное нами легальное определение личного кабинета находится в ст. 11.2 Налогового кодекса РФ: личный кабинет налогоплательщика – информационный ресурс, который размещен на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и ведение которого осуществляется указанным органом в установленном им порядке. Личный кабинет налогоплательщика может быть использован для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей. Кроме того, его могут использовать также налоговые органы и лица, получившие доступ к личному кабинету налогоплательщика, для реализации ими прав и обязанностей в случаях, установленных законом (НК РФ), то есть личный кабинет – это информационный ресурс, который может быть использован для реализации физическим лицом своих прав и обязанностей.

Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, двойник – это человек, имеющий полное сходство с другим [7].

В соответствии со ст. 19 Гражданского кодекса РФ гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию

³ Здесь и далее понятия «учетная запись», «личный кабинет», «аккаунт» применяются как синонимы, хотя, безусловно, они имеют определенные различия.

и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая (ГК РФ I). В случаях и в порядке, предусмотренных законом, может использоваться псевдоним (вымышленное имя). Таких случаев не много, одним из них является право автора использовать или разрешать использование своего произведения под вымышленным именем (ст. 1265 ГК РФ IV).

Следовательно, информация о человеке в личном кабинете должна быть максимально полной, достоверной и актуальной, содержать все его персональные данные, в частности сведения об имени. Поскольку в жизни человека происходят различные изменения, в том числе юридического характера, то и цифровой двойник должен в соответствии с ними трансформироваться, то есть должен обладать такими качествами, как динамичность и изменяемость, быть всегда актуальным.

Следовательно, все то в виртуальном мире, что не является действительным отражением реального человека, не может считаться цифровым двойником. Это значительно сужает рассматриваемое понятие, так как различные игровые аккаунты с придуманными именами не могут считаться двойниками.

Таким образом, если какая-либо учетная запись создана с использованием недостоверных данных, то цифровым двойником она признаваться не может. Учетная запись должна быть кем-то проверена и верифицирована. Представляется, что цифровых двойников у человека может быть множество, но от того, где они созданы, зависит объем правомочий. Конечно, когда все государственные и частные системы будут взаимодействовать и в определенном смысле дополнять друг друга, создавая глобальную экосистему, то потребность во множественности цифровых двойников отпадет.

От степени заполнения аккаунта зависит объем прав, которые человек может реализовать в виртуальном мире. К примеру, сейчас указание данных водительского удостоверения на сайте «Госуслуги» или в онлайн-приложениях банков позволяет получать информацию о штрафах и, соответственно, их оплачивать, в том числе в автоматическом режиме. Загрузка данных биометрии также дает большие возможности, заменяя необходимость предоставления документов в подлинниках и т. д.

Сейчас люди вынуждены регистрироваться на различных платформах, информация о человеке обрабатывается самими разными организациями. Поэтому, по нашему мнению, некоторое время будут существовать цифровые двойники разного профиля. По большому счету это не цифровые двойники, а их элементы. Так, данные пациента в региональной информационно-аналитической медицинской системе «ПроМед» являются медицинской частью цифрового двойника человека.

Тенденции последних лет показывают нацеленность нашего государства на объединение всех систем и баз данных, как государственных, так и частных, о чем свидетельствует, к примеру, постоянное расширение функционала сайта «Госуслуги».

Человечество активно создает метавселенную, с учетом этого может возникнуть ряд проблем, связанных с использованием цифрового двойника. На данном этапе развития цифровых технологий главной сложностью будет являться обеспечение защиты цифрового двойника от вмешательства. На чер-

ном рынке появляются различные базы данных, которыми сразу же пользуются мошенники. Если злоумышленники получают доступ к цифровому двойнику, то они получают и возможность управлять жизнью человека в прямом смысле этого слова: он может лишиться имущества, на него могут быть оформлены кредиты, в конце концов, его могут просто «обнулить» и цифровая личность перестанет существовать. Можно привести массу примеров мошеннических действий, когда при определенных обстоятельствах в соответствующие базы вносятся записи о смерти человека и люди вынуждены через суд доказывать, что они живы, что они являются теми, кем являются, и эта процедура весьма сложна [12]. Поэтому одним из самых сложных остается вопрос обеспечения сохранности персональных данных. Как известно, то, что однажды попало в виртуальный мир, остается там навсегда. Зачастую люди сами раскрывают информацию о себе, передавая конфиденциальные данные посторонним людям. Поэтому необходимо будет найти баланс между защищенностью цифровых двойников и их активностью в виртуальном мире, а также, возможно, определить для них границы дозволенного поведения.

Одним из способов обезопасить цифрового двойника является активное внедрение и усовершенствование механизмов цифровой идентификации человека.

В этом смысле заслуживают поддержки предложения Е.М. Егоровой:

- о выработке правовых норм, направленных на повышение эффективности систем цифровой идентификации;
- о создании единой базы данных для точной идентификации граждан;
- о введении двухфакторной и в последующем биометрической идентификации;
- об использовании разных вариантов подтверждения личности в Интернете;
- об использовании цифровой идентификации для регулирования правоотношений между различными субъектами [10].

Представляется, что цифрового двойника человека необходимо защищать так же, как и самого человека. В целом следует говорить об обеспечении надежности мест хранения цифровых двойников с точки зрения технической безопасности, создания резервных копий.

Особую настороженность вызывает возможное использование при создании и использовании цифрового двойника искусственного интеллекта, в частности генеративного. Как известно, сильный искусственный интеллект обладает таким свойством, как самостоятельность. При этом генеративный искусственный интеллект в результате компиляции сам создает контент (тексты, изображения, музыку). С учетом дальнейшего развития генеративного искусственного интеллекта появляются риски подмены человека на его виртуальную копию, которая будет действовать самостоятельно, причем люди и их цифровые двойники могут не понимать, что происходит взаимодействие с генеративной моделью цифрового двойника другого человека. Это порождает огромный пласт правовых проблем, серьезность которых обуславливается уровнем «уполномоченности» цифрового суррогата, то есть объемом «прав и обязанностей», который дал человек своему двойнику.

Возникает риск того, что человек просто не сможет существовать без своего цифрового двойника, то есть попадет в зависимость от него. Цифровому двой-

нику не требуется ничего, кроме виртуального мира. Его можно настроить так, что человек будет жить своей жизнью, а двойник – своей, развиваясь при этом по своим неведомым его «оригиналу» сценариям.

Одним из рисков является то, что человек будет проживать свою жизнь в виртуальном мире, обращая мало внимания на реальный мир, то есть произойдет замена одного другим, что вызовет большие социальные проблемы. Следует согласиться с В.И. Тищенко в том, что современные информационные технологии обеспечивают индивида множеством легкодоступных средств для «конструирования» собственного образа, имиджа, биографии, идентичности. Сформированная в результате процессов виртуального «конструирования» личность наделяется атрибутами, которые далеко не всегда совпадают с реальными и представляют, по сути дела, всего лишь набор символов. Таким образом, у пользователя Интернета, участника виртуального сообщества, социальной сети в целом может появиться иллюзия того, что «возникающая» личность может вовсе не нуждаться в физическом теле [13, с. 56].

Следующий вопрос – это прочность юридической связи человека со своим цифровым двойником, ведь технически сдать двойника в аренду несложно, достаточно предоставить сведения об учетных записях и пароль. Не исключено, что такой возможностью воспользуются злоумышленники, так как сейчас это происходит с образованием юридического лица через подставных лиц. Сложно предположить, какие последствия упомянутое явление может иметь для «хозяина» двойника и фактического пользователя. Представляется, что у человека должен быть один цифровой двойник, признанный государством, доступ к которому должен быть только у самого человека и уполномоченных органов и организаций. Конечно, существование цифровых двойников будет вызывать критику в том числе из-за доступности их данных и из-за того, что могут быть нарушены такие фундаментальные права человека, как неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну.

Еще одним важным вопросом являются судьба и правовой статус цифрового двойника после смерти человека. Как верно отмечает А.А. Григорян, смерть пользователя не влечет за собой автоматического удаления его аккаунтов [14].

Должны появиться четкие правила доступа к такому цифровому двойнику наследников умершего, нотариуса; необходимо определить, какие сведения могут использоваться, уточнить порядок их архивирования и хранения и т. д. Цифровые данные умершего человека могут представлять ценность не только для родственников и друзей умершего с точки зрения памяти о нем, но и с точки зрения определения наследственных болезней, статистического анализа и много другого.

Развитие искусственного интеллекта, информационных технологий, появление цифровых двойников формируют в правовой науке целый пласт вопросов, касающихся защиты человека, его прав и свобод в виртуальном мире. Ученые-правоведы активно обсуждают появление, реализацию и защиту различных цифровых прав человека: права на доступ к сети Интернет и к цифровой информации, информационным платформам и технологиям, права на забвение, права на «цифровое бессмертие» и «цифровую смерть», права на кон-

фиденциальность, анонимность, обезличенность оцифрованной персональной информации, права на защиту частной жизни цифровой личности и персональных данных и др. Перечисленные вопросы неразрывно связаны с цифровыми двойниками людей, однако цифровые права человека не являются предметом настоящего исследования.

Несмотря на описанные выше и во многом обоснованные опасения, цифровые двойники будут развиваться, совершенствоваться и станут неотъемлемой частью жизни человека, и именно они будут связующим звеном между реальным и виртуальным мирами. Существование цифрового двойника принесет пользу не только конкретному человеку (не будут нужны бумажные документы, а оформление и переоформление электронных либо вообще не потребуется, либо будет происходить в автоматическом режиме и т. д.), но и обществу, поскольку государство благодаря этой информации сможет вести более выверенную социальную политику. После смерти человека его цифровой двойник станет архивным, доступ к нему появится у нотариуса, а все наследственные вопросы будут решаться быстрее.

Возможность доступа судов к цифровым двойникам также кардинально повлияет на судопроизводство в вопросах извещения, проведения судебных заседаний (использование очков виртуальной реальности, создание виртуальных залов), исполнимости судебных актов, при рассмотрении отдельных категорий споров, в частности дел о несостоятельности (банкротстве) и др.

Подводя итог данному исследованию, можно сделать вывод о том, что цифровые двойники – это реальность и их активное массовое применение вызовет много правовых проблем. Прежде всего необходимо сделать эту технологию безопасной. С учетом вышесказанного следует законодательно закрепить понятие «цифровой двойник (суррогат)», цифровые права человека; определить пределы действий цифрового двойника, основанного на искусственном интеллекте; уровень доступа различных служб; правовые последствия действий, совершенных цифровыми двойниками в виртуальном мире; способы защиты цифровых двойников.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 30 сент. 2024 г.) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
- ГК РФ I – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г., с изм. от 31 окт. 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- ГОСТ Р 57700.37-2021 – ГОСТ Р 57700.37-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 16 сент. 2021 г. № 979-ст). М.: ФГБУ «РСТ», 2021. 15 с.
- ГК РФ IV – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

Литература

1. *Grieves M.* Digital twin: Manufacturing excellence through virtual factory replication. White Paper. Ver. 1. 2014. P. 1–7.
2. *Vickers J.* Digital twin evolution and institutionalization // Proc. Digital Twin Consortium Q2 Member Meeting. Orlando, FL, 2023. 17 p. <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20230008294/downloads/%20Digital%20Twin%20Consortium%202023%20Meeting%20vickers%20revd%20final.pdf>, свободный.
3. *Заславская Н.М.* Особенности разграничения полномочий в сфере охраны окружающей среды между федеральными и региональными органами исполнительной власти на современном этапе // Экологическое право. 2023. № 4. С. 21–28. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2023-4-21-28>.
4. *Чижов М.В., Бурдина Е.В.* Организационно-правовые модели судебной деятельности в условиях платформизации правосудия: опыт России и других стран БРИКС // Журн. рос. права. 2023. Т. 27, № 10. С. 116–129. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.119>.
5. *Иванов В.В., Зуев Д.И.* Цифровой двойник и цифровая личность: понятие, соотношение, значение в процессе совершения киберпреступлений и в праве в целом // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 138–144. <https://doi.org/10.33184/p.ravgos-2022.4.19>.
6. *Сушкова О.В.* Гражданско-правовой режим цифровых двойников: тенденции и перспективы развития // Гражданское право. 2024. № 1. С. 18–22.
7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.
8. *Bamford S.* A framework for approaches to transfer of a mind's substrate // Int. J. Mach. Conscious. 2012. V. 4, No 23. P. 23–34. <https://doi.org/10.1142/S1793843012400021>.
9. *Петров М.В., Буров В.В., Шклярук М.С., Шаров А.В.* Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018. 52 с.
10. *Егорова М.А.* Проблема цифровой идентификации личности в российской федерации и европейском союзе // Вестн. Ун-та им. О.Е. Кутафина. 2022. № 1 (89). С. 12–29. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.89.1.017-029>.
11. *Елин В.М.* Технология цифрового двойника. Понятие и особенности подхода к организационно-правовому обеспечению комплексной безопасности // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». 2020. Т. 20, № 3. С. 68–75. <https://doi.org/10.14529/law200310>.
12. *Боннер А.Т.* Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009. 831 с.
13. *Тищенко В.И.* Феномен «цифрового двойника» // Sci. Eur. 2021. № 85-3. С. 51–59.
14. *Григорян А.А.* Виртуальное имущество и цифровая личность: правовые аспекты регулирования в киберпространстве // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 23–29.

Поступила в редакцию 10.10.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Архипереев Николай Викторович, кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Республики Башкортостан¹, доцент кафедры гражданского права²

¹ Арбитражный суд Республики Башкортостан
ул. Гоголя, д. 18, г. Уфа, 450076, Россия

² Уфимский университет науки и технологий
ул. Заки Валиди, д. 32, г. Уфа, 450076, Россия
E-mail: nick.mr@rambler.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108

Defining the Legal Status of an Individual's Digital Twin (Surrogate)*N.V. Arkhiereev**Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa, 450076 Russia**Ufa University of Science and Technology, Ufa, 450076 Russia*E-mail: *nick.mr@rambler.ru*

Received October 10, 2024; Accepted December 10, 2024

Abstract

With the rapid expansion of the internet, the extensive digitalization of all aspects of modern society, and the accelerated adoption of artificial intelligence technologies, the concept of digital twins has become increasingly relevant. However, modern legal science still needs to bridge the gap in regulating digital twins and establish clear approaches to their use. In this article, the legal status of digital twins, a concept new to Russian law, was examined. The potential impact of digital twins on legal relations was estimated. The major legal problems and risks resulting from the use of digital twins of humans were identified and discussed. It was proposed to legally define the concept of a digital twin (surrogate) and digital human rights, set legal boundaries for the actions of an AI-driven digital twin, adjust access levels for various services, delineate the legal implications of actions taken by digital twins in virtual environments, and outline clear and effective methods to protect digital twins.

Keywords: digitalization, digital twin, digital surrogate, artificial intelligence, legal status, legal regulation, personal data, human rights

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Grieves M. Digital twin: Manufacturing excellence through virtual factory replication. White Paper, Ver. 1, 2014, pp. 1–7.
2. Vickers J. Digital twin evolution and institutionalization. *Proc. Digital Twin Consortium Q2 Member Meeting*. Orlando, FL, 2023. URL: <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20230008294/downloads/20Digital%20Twin%20Consortium%202023%20Meeting%20vickers%20revd%20final.pdf>.
3. Zaslavskaya N.M. Current delineation of environmental protection responsibilities between federal and regional authorities. *Ekologicheskoe Pravo*, 2023, no. 4, pp. 21–28. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2023-4-21-28>.
4. Chizhov M.V., Burdina E.V. Organizational and legal models of judicial activity in the conditions of justice platformization: Insights from Russia and other BRICS countries. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2023, vol. 27, no. 10, pp. 116–129. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.119>. (In Russian)
5. Ivanov V.V., Zuev D.I. Digital twin and digital identity: Concept, correlation, meaning for cyber-crimes and law in general. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2022, no. 4 (70), pp. 138–144. https://doi.org/10.33184/p_ravgos-2022.4.19. (In Russian)
6. Sushkova O.V. Civil law regime of digital twins: Trends and future prospects. *Grazhdanskoe Pravo*, 2024, no. 1, pp. 18–22. (In Russian)
7. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russ. Yazyk, 1989. 750 p. (In Russian)

8. Bamford S. A framework for approaches to transfer of a mind's substrate. *International Journal of Machine Consciousness*, 2012, vol. 4, no. 23, pp. 23–34. <https://doi.org/10.1142/S1793843012400021>.
9. Petrov M.V., Burov V.V., Shklyaruk M.S., Sharov A.V. *Gosudarstvo kak platforma. (Kiber) gosudarstvo dlya tsifrovoi ekonomiki. Tsifrovaya transformatsiya* [The State as a Platform. The (Cyber)state for the Digital Economy. Digital Transformation]. Moscow, Tsentr Strateg. Razrab., 2018. 52 p. (In Russian)
10. Egorova M.A. The problem of digital identity verification in the Russian Federation and the European Union. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2022, no. 1 (89), pp. 12–29. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.89.1.017-029>. (In Russian)
11. Elin V.M. Digital twin technology. Concept and features of the approach to organizational and legal support for integrated security. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Pravo"*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 68–75. <https://doi.org/10.14529/law200310>. (In Russian)
12. Bonner A.T. *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse* [Problems with Establishing Truth in Civil Procedure]. St. Petersburg, Yur. Kniga, 2009. 831 p. (In Russian)
13. Tishchenko V.I. "Digital twin" phenomenon. *Sciences of Europe*, 2021, no. 85-3, pp. 51–59. (In Russian)
14. Grigoryan A.A. Virtual property and digital identity: Legal aspects of regulation in cyberspace. *IS. Avtorskoe Pravo i Smezhnye Prava*, 2024, no. 4, pp. 23–29. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Архипереев Н.В. Проблемы правового статуса цифрового двойника (суррогата) физического лица // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 97–108. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.97-108>. ⟩

⟨ **For citation:** Arkhiereev N.V. Defining the legal status of an individual's digital twin (surrogate). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 97–108. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.97-108>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.731.12

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.109-121

ТЕСТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ИНВЕСТОРОВ НА ПРИМЕРЕ ОПЦИОНОВ

А.В. Пилинцов¹, К.Е. Дейнега²

*¹Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, 620000, Россия*

²Челябинский государственный университет, г. Челябинск, 454001, Россия

Аннотация

В настоящей статье исследованы вопросы эффективности тестирования как способа защиты неквалифицированных инвесторов на рынке ценных бумаг на примере тестов по опционам. Отмечается, что стремительное развитие цифровых технологий оказывает влияние на все сферы общественной жизни, в том числе на экономические отношения, связанные с регулированием рынка ценных бумаг. Оптимизация и автоматизация процессов торговли акциями и иными финансовыми инструментами привлекли в биржевую торговлю большое количество людей. При этом не вызывает сомнения тот факт, что их финансовая грамотность может находиться на низком уровне, что сопряжено для них с определенными рисками. В связи с необходимостью разработки особых способов и средств защиты неквалифицированных инвесторов со стороны государства рассмотрен способ защиты неквалифицированных инвесторов на примере проведения тестов по допуску к опционной торговле.

Ключевые слова: опционы, неквалифицированные инвесторы, розничные инвесторы, биржа, сбережения, финансовый кризис, Банк России, кризис

В настоящее время все более актуальным становится феномен неквалифицированного инвестора на российском рынке ценных бумаг. Так, согласно Обзору ключевых показателей брокеров за IV квартал 2023 г., суммарная стоимость активов физических лиц – резидентов выросла до 9.2 трлн рублей. Общее количество тех, кто на сегодняшний день имеет счета у брокеров, составляет 39 млн человек (I).

Безусловно, такое количество граждан и их денежных средств нуждается в надлежащей правовой защите со стороны государства. Важность защиты неквалифицированных инвесторов подчеркивается на уровне Президента Российской Федерации. Так, в рамках одного из своих выступлений В.В. Путин указал: «Необходимо защитить интересы людей, которые вкладывают свои деньги в рынок ценных бумаг, но при этом не являются профессиональными инвесторами. Нужно позаботиться о снижении их рисков. Нам не хватало только “второго издания” обманутых дольщиков. На это прошу обратить самое серьезное внимание» (II).

Защита неквалифицированных инвесторов необходима для стабильного развития рынка ценных бумаг. Ведь отсутствие безопасности в данном секторе экономики в кризисные периоды приводит к оттоку розничных инвесторов и, как следствие, к падению экономики на всех ее уровнях. Например, в Российской Федерации за третий квартал 2021 г. стоимость активов физических лиц составляла 7.2 трлн рублей, а уже во втором квартале 2022 г. данный показатель оказался равен 5.4 трлн рублей (III).

Указанный факт стал во многом следствием введения санкций в отношении Российской Федерации. В условиях масштабных политических изменений в мире резко начала меняться и ситуация на рынке. Неквалифицированный инвестор к данным событиям оказался не готов, в результате чего понес убытки. Как следствие, доверие розничного инвестора к рынку ценных бумаг снизилось.

Стоит отметить, что проблема сохранения доверия неквалифицированного инвестора к рынку ценных бумаг является актуальной не только для России, но и для зарубежных стран. В частности, профессор Гарварда Н. Молони указывает, что после кризиса 2008 г. в Европе не удавалось восстановить обозначенный параметр на протяжении более чем 10 лет [1, р. 7–8].

Вообще, проблему подверженности неквалифицированного инвестора панике вследствие его финансовой неграмотности можно отнести к категории вечных. Об этом в XIX в. писал Л.И. Петражицкий, указывая на то, что инвестор на бирже подобен легкомысленному игроку в казино, который не понимает истинной сути игры. Также ученый отмечал, что самого инвестора могут вводить в заблуждение путем показа рекламы [2, с. 108].

Вместе с тем необходимо упомянуть о том, что повышенные стандарты защиты прав неквалифицированных инвесторов продиктованы экономическим характером его деятельности. В частности, ученые-экономисты, анализируя сущность инвестирования, писали, что необходимо разграничивать финансовые инвестиции и инвестиции экономические. Финансовые инвестиции представляют собой покупку любых активов для получения финансовой прибыли, в то время как экономические инвестиции – деньги, которые тратятся на покупку предприятия, инструментов, складов и прочих вновь созданных капитальных товаров, то есть таких ценностей, которые можно использовать в производстве каких-либо иных благ. Тем самым инвестирование на рынке ценных бумаг со стороны обывателя представляет собой сбережение своих активов, подобное внесению денежных средств в банк под проценты [3, с. 590; 4, с. 206].

Нужно оговорить, что законодатели различных стран, осознавая импульсивность неквалифицированного инвестора, на протяжении всей истории законодательства о регулировании рынка ценных бумаг стремились установить ограничения, которые позволили бы защитить инвесторов. В качестве примера можно привести Англию XVII в. (речь идет о различного рода «мыльных пузырях», а также иных случаях, когда инвесторы теряли свои деньги вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств). Однако Англия в данном плане не является исключением. Так, например, в XIX в. произошло ужесточение законодательства о допуске компаний на фондовые биржи Австрии и Германии после скандальных процессов по сильному падению цен на хлеб и кофе, а также растрат банками ценных бумаг [5].

Выстраивание благоприятного климата для розничного инвестора выгодно и для государства. Так, А.С. Селивановский отмечает, что в государстве с развитой рыночной экономикой невозможно обойтись без рынка ценных бумаг для решения вопроса о пенсиях, поскольку иные финансовые инструменты не позволяют накопить достаточной пенсии. В частности, проценты по банковским депозитам ниже уровня инфляции. Также ученый указывает на тот факт, что на сегодняшний день сложилась негативная судебная практика по отношению к розничным инвесторам, которые по своей природе отождествляются с предпринимателями, а не с потребителями [6].

Принимая во внимание все вышесказанное, органы законодательной власти и Банк России предприняли ряд мер, направленных на защиту неквалифицированных инвесторов. В частности, в 2007 г. в отечественном законодательстве было введено разделение на квалифицированных и неквалифицированных инвесторов (IV).

Дефиниции квалифицированного и неквалифицированного инвестора отсутствуют в законодательстве. В ст. 7.1. Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» квалифицированные инвесторы перечислены списочно. Однако можно заключить, что квалифицированный инвестор – лицо, которому разрешено осуществлять операции на рынке ценных бумаг в отношении высокорисковых активов [7]. Все те, кто не получил статус квалифицированного инвестора, по умолчанию являются неквалифицированными. Для того чтобы получить статус квалифицированного инвестора, физическому лицу нужно соответствовать одному из критериев, которые установлены законодательством: например, иметь аттестат специалиста финансового рынка от Банка России или общую стоимость активов в размере 6 млн рублей. Как видно из описанного, получить статус квалифицированного инвестора – задача не из самых простых.

В целях сохранения интереса к рынку бумаг со стороны обывателей и защиты их прав законодателем с 1 октября 2021 г. было введено специальное тестирование. Неквалифицированный инвестор с октября 2021 г. может пройти тест, который позволит ему осуществлять операции в отношении высокорисковых активов без получения статуса квалифицированного инвестора (V).

Возникает вопрос: достаточна ли такая мера для защиты прав неквалифицированных инвесторов? Не является ли это полумерой, которая в итоге не позволит сохранить интерес розничного инвестора и защитить его от совершения необдуманных сделок, которые приведут к его финансовому краху?

Для ответа на поставленные вопросы представляется необходимым проанализировать тесты, которые предлагаются инвесторам. Однако с учетом того, что каждая группа инструментов предполагает свое тестирование, а объем статьи ограничен, мы остановимся на анализе теста в отношении опционов как одного из самых популярных и сложных инструментов на рынке ценных бумаг.

Перед изучением теста для допуска неквалифицированных инвесторов к торговле опционами необходимо в целом разобраться, что представляют из себя опционы.

На современных фондовых биржах торгуются активы, которые подразделяются на базисные (базовые) и производные (деривативы). Группу базисных

(базовых) активов образуют реальные биржевые товары, которые либо поставляются, либо служат в качестве основы для расчета исполнения по срочной сделке. Также к базисным (базовым) активам относятся ценные бумаги, валюта, различные показатели и статистические данные, обстоятельства, относительно которых неизвестно, наступят они или нет.

Деривативы определяются как биржевые контракты, предметом которых являются один или несколько базисных (базовых) активов. К числу наиболее распространенных видов деривативов принято относить форварды, фьючерсы и опционы. Указанные производные финансовые инструменты, как правило, используются в трех стратегиях: 1) арбитраж активов; 2) спекулятивная торговля; 3) хеджирование (страхование) рисков изменения курсовой разницы.

Вместе с тем форварды и фьючерсы – это контракты, оформляющие обязанность приобрести или продать заранее установленный базовый актив к определенному периоду времени. Ключевой особенностью данных финансовых инструментов является то, что они обязательны к исполнению обеими сторонами сделки.

Именно в указанном аспекте форвард и фьючерс противопоставляются опциону. Опцион как дериватив представляет собой биржевую сделку (контракт), при заключении которой у одной стороны возникает право покупки или продажи базового актива по определенной в соглашении цене и в установленный временной период. При этом для опционного контракта базовым может являться любой актив, в том числе – дериватив. Так, М.В. Пинегина указывает: «В практике большинства стран опционные контракты заключаются на фьючерсные контракты, товары, акции, индексы, процентные ценные бумаги и валюту» [8, с. 7].

Биржевой оборот однородных товаров, который был сформирован в различных государствах уже к XVII в., включал множественные однотипные операции по приему-передаче вещей, денежных средств и иных ценностей. Также к указанному времени торговля уже носила выраженный транснациональный характер, в связи с чем периоды по исполнению торговых сделок увеличивались весьма значительно.

По обозначенным причинам еще во второй половине XVI в. в Антверпене активно развивалась в том числе и торговля опционами. Востребованность такого рода сделок была обусловлена практикой торговли «до прибытия» – с характерным существенным временным разрывом между заключением и исполнением договора. Изначально интерес участников сделок определялся стремлением минимизировать риски, связанные с доставкой товаров морским путем. Однако довольно быстро распространилась практика, при которой предметом торговли стали выступать сами опционные контракты, что вызвало рост не только товарных, но и финансовых рынков.

Формирование торговли опционными контрактами в Амстердаме и Лондоне в начале XVII в. было подчинено иным обстоятельствам, связанным с миграцией биржевых торговцев, их капиталов, а также их опыта и знаний.

Приблизительно в то же время такая опционная торговля распространяется в США, а уже к середине XVIII в. она носит там устойчивый характер. При этом, в отличие от Амстердама и Лондона, опционные контракты заключаются и исполняются в целях урегулирования торговли с условием будущей поставки товаров.

В России биржевая опционная торговля берет свое начало в XVIII в., а уже к середине XIX в. характеризуется развитой системой срочных контрактов, в число которых входили условные, а также сделки с премией [9, с. 57].

Таким образом, распространение опционной торговли во всех мировых экономических центрах во многом обусловлено тем, что заключение подобных сделок было возможно в отношении любых видов имущества и имущественных прав.

Описанный подход был положен в основу формирования современного российского рынка биржевой торговли, где практика применения деривативов возникает уже в 90-е годы XX в. Первоначально такого рода сделки связывались с валютными активами. Так, 21 октября 1992 г. на Московской товарной бирже происходят первые торги с применением фьючерсных контрактов. Далее аналогичные сделки начинают заключаться на Тюменско-Московской бирже «Гермес», фьючерсной бирже «Планета». Как отмечает В.Е. Лебедев, объемы торгов валютными контрактами увеличивались высокими темпами [10, с. 69].

Указом Президента Российской Федерации от 4 ноября 1994 г. № 2063 «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации» к публичному размещению были допущены опционы на ценные бумаги, варранты на ценные бумаги (VI). Таким образом, данным актом был легализован оборот опционов на российском рынке ценных бумаг.

Последующее развитие срочной биржевой торговли связано с распространением опционных сделок с облигациями государственного сберегательного займа. В.П. Бикеева указывает, что расцвет такой торговли приходится на период с 9 ноября 1995 г. по первую половину 1997 г. Тогда же происходит формирование отдельных нормативных положений по срочной биржевой торговле [11, с. 72]. Так, еще в 1996 г. ГКАП РФ (VII), разъясняя положения действовавшего на тот момент Закона Российской Федерации «О товарных биржах и биржевой торговле», определил опционные сделки как «сделки, связанные с уступкой прав на будущую передачу прав и обязанностей в отношении биржевого товара или контракта на поставку биржевого товара» [12].

Возможность заключения опционов на производные финансовые инструменты была предусмотрена в Положении о видах производных финансовых инструментов, а также содержится в Указании Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У: «Опционным договором признается договор, предусматривающий обязанность стороны договора в случае предъявления требования другой стороной заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом и составляющий базисный актив» (VIII, IX).

Более того, вышеуказанным нормативным актом были сформированы дополнительные критерии для опционных сделок. Так, считались допустимыми и подлежащими правовому регулированию такие опционы, для которых было характерно наличие одной из следующих обязанностей:

- 1) обязанность стороны договора в случае предъявления требования другой стороной заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом и составляющий базисный актив;
- 2) обязанность стороны договора на условиях, определенных при его заключении, в случае предъявления требования другой стороной купить или продать

базисный актив, в том числе путем заключения стороной (сторонами) и (или) лицом (лицами), в интересах которого (которых) был заключен опционный договор, договора купли-продажи ценных бумаг, договора купли-продажи иностранной валюты или договора поставки товара.

Таким образом, указанные нормативные акты закрепили возможность для участников биржевого оборота заключать как опционные договоры, так и опционы на заключение договоров. Необходимо отметить, что подразделение на названные подвиды было положено в основу правовых норм, закрепленных в действующем Гражданском кодексе РФ (статьи 429.3, 429.2 соответственно).

По поводу вышеизложенного В.В. Витрянский высказал мнение о том, что формирование правового регулирования финансовых деривативов по модели опционных сделок неминуемо приведет к возникновению коллизий и нарушению иерархии правовых норм. В качестве варианта решения указанной проблемы ученым высказывается идея о создании отдельного блока правового регулирования в рамках части второй ГК РФ, полностью посвященной производным финансовым инструментам: «Речь идет не только об опционах, но и о фьючерсных, форвардных договорах, а также о своп-договорах, применение которых в основном ограничено сферой фондовых рынков и биржевой торговли» [13, с. 210].

Таким образом, нормативное регулирование в части определения предмета биржевых опционов носит устойчивый характер: заключение опционных контрактов считается допустимым в отношении любых возможных базисных (базовых) активов, в том числе в отношении иных производных финансовых инструментов.

В вопросе определения правовой сущности биржевого опциона в отечественном законодательстве, напротив, наблюдаются определенные изменения подходов к пониманию указанной категории.

Так, ГКАП РФ толковал опцион в качестве определенного имущественного права на тот или иной базисный (базовый) актив. Данный финансовый инструмент не являлся ценной бумагой, не отвечал критериям срочных сделок, что исключало возможность применять к нему соответствующие нормы.

Однако, Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» содержит дефиницию опциона эмитента, который представляет собой разновидность эмиссионной ценной бумаги, закрепляющей право ее владельца на покупку в предусмотренный в ней срок и (или) при наступлении указанных в ней обстоятельств определенного количества акций эмитента такого опциона по определенной в опционе эмитента цене (IV).

Подобное определение правовой природы опциона в качестве ценной бумаги подвергается критике в научных кругах. В частности, В.В. Витрянский указывает, что использование термина «опцион» в дефиниции опциона эмитента создает проблему подмены и смешения различных правовых явлений, так как бездокументарная эмиссионная именная ценная бумага является самостоятельной гражданско-правовой категорией и никак не соотносится со специальными договорными конструкциями, к которым относятся опционные сделки [13, с. 249].

Изданные в 2010 г. и 2015 г. соответственно «Положение о видах производных финансовых инструментов» и Указание Банка России «О видах произво-

дных финансовых инструментов», напротив, установили, что опцион представляет собой договор, предусматривающий совершение сторонами определенных действий в отношении базисного (базового) актива.

Также, согласно положениям налогового законодательства, опцион как финансовый инструмент в настоящее время представляет собой разновидность срочных сделок, на него распространяется соответствующее правовое регулирование.

М.Е. Толстухин в своем исследовании проводит анализ правовой природы опционных сделок в рамках биржевой деятельности, в результате чего приходит к выводу о договорной природе опционов. При этом автор считает, что подобные контракты носят самостоятельный характер, их включение в состав договоров купли-продажи или предварительного договора не является целесообразным [14, с. 662].

Механизм осуществления опционного контракта сводится к тому, что один контрагент приобретает и становится держателем, а второй – продает и предоставляет право выбора: исполнить условия опциона или отказаться от его исполнения. За такое предоставление права покупатель выплачивает опционную премию.

Наличие в конструкции дериватива опции права выбора, а также возможность заключить контракт в отношении любого допустимого базисного (базового) актива делают данный производный финансовый инструмент гибким, позволяют стабилизировать риски ценовых колебаний на базовые активы. Ввиду этого опционные контракты были широко распространены на всем протяжении исторического развития.

Однако необходимо отметить, что в течение длительного времени опционные контракты применялись исключительно в спекулятивных целях, что приводило к росту уровня спекуляции, отождествлению опционов с пари и азартными играми, опционный контракт был оторван от базовых активов, какое-либо обеспечение отсутствовало. Экономические успехи торговли опционами, возможность быстрого заработка, низкий порог входа – все это вызывало большой приток непрофессиональных участников, готовых вложить все свои средства без учета неблагоприятных экономических последствий.

Обозначенные проблемы, которые были характерны для торговли опционами во всех биржевых центрах, неминуемо приводили к перегреву рынков и последующему экономическому упадку, непрофессиональные участники теряли вложенные средства и разорялись. Как следствие, у инвесторов формировалось негативное восприятие целесообразности торговли опционами, которые воспринимались как мошеннические сделки.

Например, А.Ф. Федоров отмечал: «...имеет вид азартной игры, развивающей низменные страсти человека, отвлекающей капиталы от производительного назначения и подчас побуждающей, для выгодной ее развязки, прибегать, в целях повышения или понижения курса на бумаги, к не вполне благовидным приемам (“биржевым маневрам”), неблагоприятно отражающихся на кредите как частных лиц и учреждений, так иногда и всей страны» [15, с. 183].

А.Н. Юнусова указывает, что, несмотря на удобство опционов, у обывателей сформировалось негативное отношение к ним вследствие того, что подобные

сделки использовались биржевыми спекулянтами для манипулирования рынком ценных бумаг: «Несмотря на явные преимущества срочной торговли акциями, в обществе сложилось к ней отрицательное отношение. Отмечалось, что она значительно ухудшает товарный и денежный рынки, губительным образом влияет на положение земледелия, промышленного производства, выступает, в сущности, как оборот фиктивных, неопределенных товаров, число которых может безгранично расти, и даже оказывает вредное влияние на нравственность. К срочным сделкам относились как к инструменту биржевых спекуляций, влекущему резкие колебания курса и финансовые крахи, а также орудию для биржевого ажиотажа, способствовавшего манипулированию ценами. Негативное отношение к срочной сделке было основано на непонимании механизма срочной торговли и нестабильном положении» [16].

Рассмотрев саму природу и структуру опционов, необходимо перейти к анализу теста, который предназначен для инвесторов. Стоит отметить, что сама идея тестирования розничных инвесторов не является новой, она была заимствована из зарубежных правовых порядков. Так, например, в актах Европейского союза положения о тестировании розничных инвесторов содержатся в двух директивах Markets in Financial Instruments Directive (MiFID, MIFID-2). Согласно ст. 19 MiFID, брокер или иной профессиональный участник рынка ценных бумаг перед консультацией инвестора должен получить сведения о знаниях и опыте своего клиента. При этом клиент может не предоставлять данную информацию, что, в свою очередь, не подразумевает для него каких-либо ограничений по операциям на фондовом рынке. Профессиональный участник просто высылает своему клиенту предупреждение о возможных экономических рисках, но не может отказать в исполнении того или иного поручения со стороны розничного инвестора (X).

Что касается тестирования в отечественном законодательстве, то необходимо указать на его более строгую реализацию. В частности, розничный инвестор может осуществлять операции с тем или иным финансовым инструментом лишь после того, как пройдет соответствующий тест. У отечественного неквалифицированного инвестора отсутствует возможность для отказа от прохождения тестирования и одновременной работы со сложными финансовыми инструментами, в отличие от европейских «коллег». Сам тест состоит из двух блоков вопросов. Первый блок – «Самооценка» – включает вопросы о наличии у инвестора опыта в отношении того или иного инструмента. По информации, представленной Банком России, ответы на вопросы из блока «Самооценка» не влияют на итоговый результат теста, то есть брокер принимает решение о предоставлении возможности инвестору пользоваться тем или иным финансовым инструментом вне зависимости от того, каким образом ответит инвестор на вопросы представленного блока. Сами вопросы должны помочь инвестору оценить свою готовность к совершению сделок с теми или иными финансовыми инструментами [11] (XI; XII).

Возникает вопрос о целесообразности наличия такого блока вопросов в тестировании. Если цель теста – произвести отсев финансово неграмотных инвесторов, не допустив таковых до высокорисковых инструментов, но ответы при

этом никак не влияют на итоговый допуск или недопуск, то для чего их задавать инвесторам?

Второй блок – «Знание» – включает четыре вопроса об особенностях инструментов, к которым инвестор хочет получить допуск. В 2022 г. Центральный Банк России обновил Базовый стандарт защиты прав и интересов получателей финансовых услуг, в котором представлены вопросы для тестирования инвесторов, разделенные на три категории сложности. Что касается опционов, то это следующие вопросы: 1) «Если Вы купили опцион на покупку акций, Вы...» – первая категория сложности; 2) «Если Вы продали поставочный опцион на покупку акций, Вы...» – первая категория сложности; 3) «Вы продали опцион на покупку акций. Ваши потенциальные убытки...» – вторая категория сложности; 4) «Вы купили опцион на продажу акций. Ваши потенциальные убытки (без учета уплачиваемых комиссий)...» – вторая категория сложности [17].

В научной литературе в отношении подобного теста высказывается критика. Так, Д.И. Яковлев и Н.Б. Островская указывают на то, что тестирование проводится брокерами и управляющими – заинтересованными лицами, которым выгодного, чтобы допуск для совершения сделок с различного рода финансовыми инструментами получало максимальное количество инвесторов. Также не установлена ответственность за неправомерный допуск инвестора к высокорисковым финансовым инструментам [17]. Тем самым, по мнению ученых, тестирование в существующем ныне формате представляет собой де-факто формальную процедуру, а не реальный механизм, который способен оградить неграмотного инвестора от высокорисковых активов.

Помимо обозначенных выше недостатков стоит отметить и ряд других:

- во-первых, вопросы, касающиеся конкретных финансовых инструментов, не равноценны с точки зрения сложности (например, в отношении опционов максимальная сложность вопросов – вторая категория, в то время как для фьючерсов имеются и вопросы третьей категории сложности);

- во-вторых, неравномерно количество вопросов, касающихся разных финансовых инструментов (например, в случае опционов есть вопрос о поставочных опционах, но отсутствует вопрос о расчетных опционах и т. д.);

- в-третьих, не сформулированы ответы на поставленные вопросы, что, по сути, дает брокерам возможность делать это самим; поэтому может возникнуть ситуация, когда через одного брокера сдать тест легче, нежели через другого.

Таким образом, имеющаяся на сегодняшний момент мера защиты неквалифицированных инвесторов (тестирование) нуждается в доработке. В частности, представляется правильным предоставить проведение тестирования независимым институтам общества или государства. Также в тесте необходимо предусмотреть равное количество одинаковых по уровню сложности вопросов в отношении каждого из финансовых инструментов. Изложенное позволит сделать более объективным процесс допуска неквалифицированных инвесторов к сделкам с высокорисковыми инструментами на рынке ценных бумаг.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I. Обзор ключевых показателей брокеров за IV квартал 2023 года // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/48976/review_broker_Q4_2023.pdf, свободный.
- II. Путин призвал защитить играющих на бирже россиян. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/01/putininvest/?ysclid=luk7m10svf503151624>, свободный.
- III. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/, свободный.
- IV. Федеральный закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
- V. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 306-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О рынке ценных бумаг” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (Часть I). Ст. 5065.
- VI. Указ Президента РФ от 4 ноября 1994 г. № 2063 «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // Рос. газета. 1994. 10 нояб. (№ 217).
- VII. Письмо ГКАП РФ от 30 июля 1996 г. № 16-151/АК «О форвардных, фьючерсных и опционных биржевых сделках» // Экспресс-Закон. 1996. № 38.
- VIII. Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 4 марта 2010 г. № 10-13/пз-н «Об утверждении Положения о видах производных финансовых инструментов» // Рос. газета. 2010. 23 апр. (№ 87).
- IX. Указание Банка России от 16 февр. 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Вестн. Банка России. 2015. 31 мар. (№ 28).
- X. Directive 2004/39/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on markets in financial instruments amending Council Directives 85/611/EEC and 93/6/EEC and Directive 2000/12/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 93/22/EEC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/39/oj>, свободный.
- XI. Банк России утвердил порядок тестирования неквалифицированных инвесторов // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=11144>, свободный.
- XII. Протокол № КФНП-49 от 29 дек. 2022 г. «Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих брокеров» (в новой редакции) // СПС КонсультантПлюс.

Литература

1. *Moloney N.* EU financial market governance and the retail investor: Reflections at an inflection point // *Yearb. Eur. Law*. 2018. V. 37. P. 251–304. <https://doi.org/10.1093/yel/yeey012>.
2. *Петражицкий Л.И.* Акционерная компания: акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве: по поводу предстоящей реформы акционерного права: экономическое исследование. СПб.: Тип. М-ва финансов (В. Киршбаума), 1898. 220 с.
3. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л., Флинн Ш.М.* Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 2018. [XXVIII], 1027 с.
4. *Самуэльсон П.* Экономика. М.: МГП «Алгон» ВНИИСИ, 1993. Т. 1. 331, [2] с..
5. *Стилликс О.* Фондовые бирже в Германии // *Банковая энциклопедия: в 2 т. / Под общ. ред. Л.Н. Яснопольского.* Киев: Тип. 2-й артели, 1916. Т. 2: Биржа: история и со-

- врем. организация фондовых бирж на Западе и в России. Биржевые сделки. Биржи и война. С. 125–151.
6. Румак В. Розничный инвестор мало чем отличается от потребителей банковских продуктов, но защищен гораздо хуже них: интервью с А.С. Селивановским // Закон. 2021. № 10. С. 8–19.
 7. Любченко М.И. Механизм тестирования розничных инвесторов: плюсы и минусы // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 11. С. 190–194.
 8. Пинегина М.В. Форвард или опцион // Право, экономика и управление: теория и практика: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 2 дек. 2021 г.) / Гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары: Среда, 2021. С. 134–144.
 9. Гуляев А.М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и Проекта гражданского уложения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. XIV, 638 с.
 10. Лебедев В.Е. История развития опционов в России и за рубежом // Аграрное и земельное право. 2012. № 6 (90). С. 65–71
 11. Бикеева В.П. Развитие производных финансовых инструментов в России и за рубежом: исторический аспект // Законодательство и экономика. 2006. № 9. С. 70–76.
 12. Изгарова А.И., Рогова Е.М., Бахарева О.В. Взаимосвязь информации о ESG-инвестициях и доходности акций: кейс крупных российских компаний // Управленец. 2023. Т. 14, № 3. С. 17–29. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-3-2>.
 13. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. 527 с.
 14. Толстухин М.Е. Фьючерс и опцион как объекты фондового рынка // Объекты гражданского оборота: сборник статей. Сер. Анализ современного права / Отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 231–250
 15. Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса: «Слав.» тип. Е. Хрисогелос, 1911. [2], X, II, 896 с.
 16. Юнусова А.Н. Становление правового института опционного договора в России: историко-правовой аспект // Учен. зап. КФУ им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2017. Т. 3 (69), № 2. С. 179–189.
 17. Яковлев Д.И., Островская Н.Б. Защита прав и законных интересов неквалифицированных инвесторов Банком России в условиях высокой волатильности фондового рынка: тенденции и перспективы // Финансовое право. 2023. № 5. С. 11–13. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2023-5-11-13>.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Пилинцов Андрей Викторович, ассистент кафедры гражданского права

Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, 620000, Россия

E-mail: pilikos98@gmail.com

Дейнега Константин Евгеньевич, аспирант кафедры гражданского права и процесса

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, д. 129, г. Челябинск, 454001, Россия

E-mail: konstantin.deynega@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.109-121

**Testing as a Way to Protect the Rights of Non-Qualified Investors
through a Case Study of Options**A.V. Pilintsov^{a*}, K.E. Deinega^{b**}^aUral State University of Economics, Yekaterinburg, 620000 Russia^bChelyabinsk State University, Chelyabinsk, 454001 RussiaE-mail: ^{*}*pilikos98@gmail.com*, ^{**}*konstantin.deynega@gmail.com*

Received February 20, 2024; Accepted April 19, 2024

Abstract

This article examines the effectiveness of testing to protect the rights and legitimate interests of non-qualified investors in the stock market based on the analysis of tests related to options trading. The rapid advance of digital technologies has reshaped all areas of public life, including economic relations governing exchange-traded funds. The automation of trading processes for stocks, bonds, options, and other financial instruments has attracted an increasing number of participants to the stock market. However, the low levels of financial literacy among them raise concerns. To mitigate potential risks, the state must develop and implement special mechanisms, methods, and protective measures (both legal and educational) that would enable non-qualified investors to fully exercise their rights and safeguard their legitimate interests, empowering them to navigate the stock market effectively and confidently, without fearing adverse consequences such as financial losses, debt, or bankruptcy due to legal and economic illiteracy. The obtained results show that the organization of testing for granting access to options trading is an effective solution to the problem of protecting non-qualified investors in the stock market.

Keywords: options, non-qualified investors, retail investors, stock exchange, savings, financial crisis, Bank of Russia, crisis

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Moloney N. EU financial market governance and the retail investor: Reflections at an inflection point. *Yearbook of European Law*, 2018, vol. 37, pp. 251–304. <https://doi.org/10.1093/yel/yey012>.
2. Petražýcki L. *Aksionernaya kompaniya: aksionernye zloupotrebleniya i rol' aksionernykh kompanii v narodnom khozyaistve: po povodu predsotyashchei reformy aksionernogo prava: ekonomicheskoe issledovanie* [Joint-Stock Company: Shareholder Abuses and the Role of Joint-Stock Companies in the National Economy: On the Upcoming Corporate Law Reform: An Economic Study]. St. Petersburg, Tip. Minist. Finans. (V. Kirschbaum), 1898. 220 p. (In Russian)
3. McConnell C.P., Brue S.L., Flynn S.M. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika* [Economics: Principles, Problems and Policies]. Moscow, INFRA-M, 2018. xxviii, 1027 p. (In Russian)
4. Samuelson P. *Ekonomika* [Economics]. Vol. 1. Moscow, MGP “Algon”, VNIISI, 1992. 331, 2 p. (In Russian)
5. Stillich O. Stock exchanges in Germany. In: Ysnopolsky L.N. (Ed.) *Baknovaya entsiklopediya* [Banking Encyclopedia]. Vol. 2: Stock exchange. The history and current organization of stock exchanges in the west and Russia. Stock transactions. Stock exchanges and war. Kyiv, Tip. 2-i Arteli, 1916, pp. 121–151. (In Russian)

6. Rumak V. A retail investor is similar to a consumer of banking products but is much less protected: An interview with A.S. Selivanovskii. *Zakon*, 2021, no. 10, pp. 8–19. (In Russian)
7. Lyubchenko M.I. The mechanism for testing retail investors: Pros and cons. *Voprosy Ustoichivogo Razvitiya Obshchestva*, 2021, no. 11, pp. 190–194. (In Russian)
8. Pinegina M.V. Forward contracts or options. *Pravo, ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika: sbornik materialov Vseros. nauch-prakt. konf. (Cheboksary, 2 dek. 2021 g.)* [Law, Economics, and Management: Theory and Practice: Proc. All-Russ. Sci.-Pract. Conf. (Cheboksary, December 2, 2021)]. Fomin E.V. (Ed.). Cheboksary, Sreda, 2021, pp. 134–144. (In Russian)
9. Gulyaev A.M. *Russkoe grazhdanskoe pravo: obzor deistvuyushchego zakonodatel'stva, kassatsionnoi praktiki Prav. senata i Proekta grazhdanskogo ulozheniya* [Russian Civil Law: An Overview of the Current Legislation, Cassation Practices of the Governing Senate, and the Draft Civil Code]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1913. xiv, 638 p. (In Russian)
10. Lebedev V.E. The history of options in Russia and abroad. *Agrarnoe i Zemel'noe Pravo*, 2012, no. 6 (90), pp. 65–71. (In Russian)
11. Bikeeva V.P. Development of financial derivatives in Russia and abroad: A historical overview. *Zakonodatel'stvo i Ekonomika*, 2006, no. 9, pp. 70–76. (In Russian)
12. Izgarova A.I., Rogova E.M., Bakhareva O.V. The link between ESG investment and stock returns: A case study of Russia's large companies. *Upravlenets*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 17–29. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-3-2>. (In Russian)
13. Vitryanskii V.V. *Reforma rossiiskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi* [The Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results]. Moscow, Statut, 2018. 527 p. (In Russian)
14. Tolstukhin M.E. Futures and options as key objects of the stock market. In: *Ob"ekty grazhdanskogo oborota: sbornik statei* [Objects of Civil Turnover: A Collection of Articles]. Ser.: Analysis of Modern Law. Rozhkova M.A. (Ed.). Moscow, Statut, 2007, pp. 231–250. (In Russian)
15. Fedorov A.F. *Torgovoe pravo* [Trade Law]. Odessa, "Slav." Tip. E. Khrisogelos, 1911. 2, x, ii, 896 p. (In Russian)
16. Yusupova A.N. The development of a legal institution for option contracts in Russia: A historical and legal analysis. *Uchenye Zapiski KFU imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie Nauki*, 2017, vol. 3 (69), no. 2, pp. 179–189. (In Russian)
17. Yakovlev D.I., Ostrovskaya N.B. Protecting the rights and legitimate interests of non-qualified investors by the Bank of Russia amid the high volatility of the stock market: Trends and future prospects. *Finansovoe Pravo*, 2023, no. 5, pp. 11–13. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2023-5-11-13>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Пилинцов А.В., Дейнега К.Е. Тестирование как способ защиты прав неквалифицированных инвесторов на примере опционов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 109–121. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.109-121>. ⟩

⟨ **For citation:** Pilintsov A.V., Deinega K.E. Testing as a way to protect the rights of non-qualified investors through a case study of options. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 109–121. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.109-121>. (In Russian) ⟩

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

А.А. Шутова

*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова,
г. Казань, 420111, Россия*

Аннотация

В настоящем исследовании впервые проведен критический юридический анализ новой нормы об ответственности за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения. Выявлены недостатки и противоречия в конструировании ст. 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, предложены пути решения отдельных проблем, связанных с правоприменением данной нормы. Разработаны теоретические предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства и практики применения в сфере незаконного оборота компьютерной информации, содержащей персональные данные несовершеннолетних лиц, специальные категории персональных данных и (или) биометрические персональные данные. Выявлены проблемы, которые могут возникнуть в процессе квалификации деяний, сопряженных с трансграничной передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные, и (или) трансграничным перемещением носителей информации, содержащих персональные данные. Основные предложения в публикации могут быть использованы для модернизации уголовно-правовой охраны персональных данных, дальнейшего развития отечественной доктрины уголовного права об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: биометрические персональные данные, персональные данные несовершеннолетних, преступления в сфере компьютерной информации, трансграничная передача персональных данных, утечка персональных данных, цифровые преступления

1. Введение

Новеллой уголовного законодательства являются изменения, обусловленные принятием Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (ФЗ № 421), вступающего в силу 11 декабря 2024 г. Уголовный кодекс Российской Федерации

(УК РФ) дополнен новой ст. 272¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные, путем осуществления компьютерной атаки, а также внесены соответствующие изменения в ст. 137 и 272 УК РФ, связанные с принятием нового уголовно-правового запрета.

Начнем с небольшого экскурса, позволяющего определить обусловленность принятия подобных изменений. Так, 4 декабря 2023 г. проект федерального закона (законопроект № 502113-8¹) о внесении изменений в УК РФ был внесен в Государственную думу Российской Федерации сенаторами А.А. Турчаком, А.А. Клишасом, И.В. Руковишниковым и депутатами Государственной думы А.Е. Хинштейном, И.А. Панькиной, Д.Ф. Вяткиным и А.И. Немкиным, являющимися субъектами законотворческой инициативы. Несомненно, указанные должностные лица активно лоббируют принятие законов в свете форсированной цифровизации и применяемых цифровых технологий, в том числе в противоправных целях. На законопроект поступили официальные отзывы о недостатках от Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

В пояснительной записке указывается, что особо значимыми являются проблемы защиты персональных данных вследствие участившихся случаев неправомерного доступа к ним, распространения и использования в преступных целях, в том числе мошенничеств, что повлияло в совокупности на криминализацию. Приведены сведения об случаях утечки персональных данных и их последствиях. Уточняется, что чаще «утекают» базы данных, содержащие записи о конкретных людях и являющиеся компьютерной информацией.

По результатам проведенной существенной доработки новая редакция ст. 272¹ УК РФ представлена в ином виде, отличном от ее первоначальной редакции, на что поступил официальный отзыв Правительства Российской Федерации о поддержке проекта закона.

Однако, как представляется, с учетом новизны представленного уголовно-правового запрета, наличия в нем множества оценочных категорий, отсутствия разъяснений о квалификации подобных уголовно наказуемых деяний, исследование состава преступления в целях облегчения процесса правоприменения и совершенствования является весьма перспективным и важным направлением.

2. Объект преступного посягательства

Законодатель, расположив названную норму в главе 28 УК РФ, определяет родовым объектом преступления общественные отношения, охраняющие общественный порядок и общественную безопасность. По мнению Е.С. Смольянинова, определение родовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации отношений общественной безопасности спорно [1, с. 118–119]. Полагаем, что 28 глава УК РФ, содержащая уголовно-правовые запреты совершения уголовно наказуемых деяний в сфере компьютерной информации,

¹ Законопроект № 502113-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8>, свободный.

в целом должна быть выделена в самостоятельные раздел и главу уголовного закона России [2, с. 662–663].

Включение ст. 272–274² УК РФ в раздел IX Особенной части УК РФ позволяет определить объект рассматриваемых преступлений. При этом непосредственный объект является частью родового объекта, в связи с чем возникает вопрос о том, как в случае причинения вреда конституционным правам конкретной личности будет страдать (или поставлена под угрозу) общественная безопасность. Так, достаточно нередки случаи неправомерного доступа к компьютерной информации для дальнейшего распространения порнографических материалов², которые квалифицируются по совокупности составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 272 и ст. 242 УК РФ. В другом аналогичном случае, как установило следствие, обвиняемый в период с мая по август 2021 г. в процессе общения в одной из социальных сетей с 14-летней и 15-летней жительницами Сарапульского района предложил им направить свои фотоизображения в обнаженном виде. Получив фотоизображения, он распространил их в информационно-телекоммуникационной сети Интернет своим знакомым. Кроме того, обвиняемый направил 31-летней местной жительнице изображение порнографического характера, полученное в сети Интернет³. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что своими действиями виновные посягают на общественную безопасность и на неприкосновенность частной жизни лица. Поэтому злоумышленника обвиняют в совершении двух эпизодов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ.

Поэтому уголовно наказуемые деяния, перечисленные в 28 главе УК РФ, необходимо выделить в самостоятельный раздел и главу Особенной части УК РФ, сформулировав название как «Преступления против цифровой безопасности».

Интересно и вызывает дискуссию законодательное решение о расположении нормы об ответственности за «незаконный оборот» персональных данных именно в 28 главе, а не в 19 главе УК РФ. Случаи утечки персональных данных, в частности баз данных, причиняют вред предприятиям и компаниям, конкурентоспособность которых зависит от деловой репутации организации (частные предприятия), страдают и сами граждане, которые могут стать жертвами мошенничества, лишиться денежных средств или испортить, к примеру, кредитную историю. Поэтому совершение уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, не всегда непосредственно посягает на общественную безопасность, а может затрагивать и личные интересы, и непосредственно безопасность самого человека, а также отношения в сфере экономической деятельности, когда может быть, к примеру, подорвана деловая репутация юридических лиц, что также, как мы полагаем, подтверждает нашу позицию о выделении 28 главы УК РФ в самостоятельный раздел и главу Особенной части УК РФ.

² По факту показа порно в Москве возбуждено уголовное дело. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2010/5703d8f19a7947733180ddd6>, свободный.

³ В г. Сарапуле завершено расследование уголовных дел по обвинению 18-летнего местного жителя в нарушении неприкосновенности частной жизни и распространении порнографических материалов. URL: <https://udm.sledcom.ru/news/item/1705838/>, свободный.

2.1. Предмет преступного посягательства. Однако исследование объекта преступления невозможно без определения предмета преступного посягательства, являющегося обязательным признаком состава. Предмет преступления – не просто охраняемая законом компьютерная информация, а информация, содержащая персональные данные.

Однако согласно ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ФЗ № 152) обработка персональных данных может осуществляться без использования «средств вычислительной техники». Следовательно, законодатель выделяет в специальный предмет только персональные данные, обрабатываемые с помощью цифровых технологий, и именно они подлежат уголовно-правовой охране. В свою очередь, документарные данные не подлежат уголовно-правовой охране по данной статье, или же должен применяться иной состав преступления. Уголовно-правовой охране подлежит своеобразная «цифровая база данных», которая представляет собой разновидность охраняемой законом компьютерной информации, хотя это всего лишь форма их предоставления (цифровой или документированный вид), а ценностью является именно специфический предмет – персональные данные. К примеру, коммерческая тайна, вызывающая определенный интерес у злоумышленника, также может быть представлена в виде базы данных, однако законодатель посчитал, что ее неправомерное собирание, распространение и использование в первую очередь посягают на общественные отношения в сфере нормальной экономической деятельности субъектов (ст. 183 УК РФ).

Несомненно, действие уголовно-правовой нормы направлено в первую очередь на злоумышленников – хакеров, которые совершают компьютерные атаки на информационные системы персональных данных с целью «неправомерной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных» (ч. 12 ст. 19 Федерального закона № 152-ФЗ).

Таким образом, исследование объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, позволяет сделать выводы о том, что:

1) имеется потребность в выделении преступлений в сфере компьютерной информации в самостоятельный раздел УК РФ;

2) персональные данные граждан, обрабатываемые с помощью цифровых технологий (в законе – средств вычислительной техники), представляют собой информационную систему (базу персональных данных), поэтому можно допустить (исходя из формы ее предоставления) расположение данного уголовно-правового запрета именно в 28 главе УК РФ;

3) необходимо продумать и установить режим уголовно-правовой охраны персональных данных, не обрабатываемых с использованием цифровых технологий («документированных»), если имеется социальная потребность в этом.

2.2. «Документированные» персональные данные как предмет преступлений. Говоря о «документированных персональных данных», стоит уточнить, что их неправомерное собирание или распространение можно квалифицировать по ст. 137 УК РФ. Однако на данный момент остается недостаточно ясным следующее: являются ли сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну, персональными данными, по каким критериям их следует

между собой разграничивать [3, с. 11–12]. Критикой представленной легальной позиции занимается И.Г. Ильин [4, с. 126].

Указанная проблема обусловлена тем, что законодательное определение понятия «персональные данные» является чрезмерно абстрактным, позволяющее относить к таковым «любые сведения» (по мнению субъекта). Кроме того, конкретного перечня сведений, относимых к персональным, в законе не выделено [5, с. 333]. Согласно ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, «сведения, составляющие личную и семейную тайну, могут быть отнесены к персональным данным лица». В разъяснении Верховного Суда Российской Федерации не определено, какой перечень сведений следует относить к личной и семейной тайне, не сформулировано их отличие от персональных данных, а следовательно, отсутствуют и критерии отграничения уголовной ответственности от административной.

В связи с уязвимостью персональных данных необходимо установить уголовную ответственность за незаконную обработку иных персональных данных, причинившую существенный вред правам и законным интересам лица, внеся соответствующие изменения в ст. 137 УК РФ. Соответственно, предмет преступления, предусмотренный ст. 137 УК РФ, расширится. При этом следует закрепить более строгий вид и размер наказания за незаконное распространение подобных сведений по сравнению с их незаконным сбором и обработкой.

3. Объективная сторона состава преступления

Далее перейдем к рассмотрению объективной стороны состава преступления, которую образуют деяния в виде незаконного использования и (или) передачи (распространения, предоставления, доступа), сбора и (или) хранения компьютерной информации, содержащей персональные данные.

Возникают вопросы по поводу юридической техники конструирования уголовно-правового запрета, требуется несколько раз внимательно прочитать норму, чтоб понять ее смысл и состав по законодательной конструкции; к тому же статья так перегружена оценочными категориями, что это, безусловно, делает ее сложной для процесса правоприменения. Скорее всего, уголовно-правовая норма вызовет проблемы квалификации в судебно-следственной практике.

Для начала остановимся более подробно на рассмотрении альтернативных действий, совершение каждого из которых достаточно для привлечения к уголовной ответственности. Учитывая то, что диспозиция представленной нормы является бланкетной, неизбежно возникнет необходимость изучения ее во взаимосвязи с Федеральным законом № 152-ФЗ.

Начнем с того, что компьютерная информация, содержащая персональные данные, должна быть получена **незаконным путем** (путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным способом). Указанные действия схожи с деянием, образующим объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 272 УК РФ. Так, согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» (далее – постановление Пленума), под неправомерным доступом понимается «получение или использование такой информации без согласия обладателя информации» (Пост. № 37). «Неправомерный доступ» составляют деяния в виде получения или использования информации. На наш взгляд, проблемным вопросом является такое понятие, как «использование», в контексте неправомерного доступа, предусмотренного ст. 272 УК РФ. Состав преступления требует наступления негативных общественно опасных последствий в виде блокирования, копирования, модификации и уничтожения этих сведений. В контексте неправомерного доступа говорить об использовании сведений уже не совсем корректно. Использование – это следующий этап после завладения информацией (получения информации), то есть необходимо вначале завладеть ею, а потом использовать ее, иначе нарушается последовательность технологических этапов жизненного цикла цифровой (в контексте действующей редакции УК РФ – компьютерной) информации. Полагаем, что наличие приведенной законодательной неточности подтверждается и разъяснением суда, в п. 5 которого приведены примеры «получения» сведений, а не «использования». Поэтому нам представляется, что словосочетание «или использование» нужно исключить из постановления Пленума.

Также стоит уточнить, что упомянутый акт толкования применяется только для ст. 272 УК РФ, несмотря на использование в ст. 272¹ и 274¹ УК РФ категории «неправомерный доступ». Кроме того, в ч. 2 ст. 274¹ УК РФ в отличие от ст. 272 УК РФ указываются способы осуществления неправомерного доступа. Законодатель в конструкции нормы использует фразу «в том числе», оставляя перечень действий, образующих «неправомерный доступ» открытым.

В свою очередь, в ч. 1 ст. 272¹ УК РФ указывается, что информация может быть получена «путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем». Словосочетание «незаконным путем» оставляет перечень действий по неправомерному доступу к информации открытым. Возникает вопрос, можно ли расширительно толковать норму и, к примеру, относить сюда подкуп лиц, которые могут предоставить указанные данные? Представляется, что все-таки с учетом расположения представленной нормы в 28 главе УК РФ законодатель полагал, что любая форма неправомерного доступа будет связана с посягательством на общественные отношения, охраняющие компьютерную безопасность, поэтому фраза «иным незаконным способом», которая позволяет расширительно толковать упомянутые действия, видится нам в контексте представленной статьи несколько неуместной.

Полагаем, что указание на характер неправомерного получения подобных сведений и описание его способов усложняет процесс квалификации. Для упрощения понимания нормы права и ее использования вполне достаточно фразы «неправомерный доступ», который можно раскрыть в разъяснении высшей судебной инстанции применительно к ст. 272 и 272¹ УК РФ, исключив из него словосочетание «или использование».

Далее рассмотрим, что следует понимать под деяниями в виде незаконного использования и (или) передачи (распространения, предоставления, доступа), сбора и (или) хранения.

Естественно, Федеральный закон № 152-ФЗ регламентирует только законную деятельность по обработке персональных данных, которая подразумевает такие действия, как использование, сбор, передача, хранение персональных данных. Понятие «передача» раскрывается через три действия, которые также имеют разное легальное наполнение. Если распространение связано с раскрытием персональных данных неопределенному кругу лиц, то предоставление – это раскрытие персональных данных определенному лицу или кругу лиц. Определение понятия «доступ» отсутствует, однако системное толкование закона позволяет говорить, что он имеется в виду тогда, когда мы рассматриваем действия оператора, на которого в связи с получением доступа к информации возлагаются определенные обязанности (к примеру, не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных). Понятие «хранение» также не содержится в законе, однако опять же из системного толкования понимаем, что есть требования к хранению (форма хранения), а также срок хранения, который может быть установлен законом, договором. Сбор персональных данных также связан с действиями оператора (ст. 18 Федерального закона). Однако возникает вопрос – насколько корректно использовать терминологию, применяемую в целях регулирования общественных отношений, связанных с обработкой персональных данных (то есть осуществлением законной деятельности субъектов), для конструирования уголовно-правовых запретов (то есть по отношению к незаконной деятельности)? Разве злоумышленники осуществляют сбор персональных данных, как операторы? Кроме того, мы уже упоминали, что необходимо вначале завладеть информацией, а потом ее использовать, это уже следующий этап жизни цифровой информации, который, как представляется, должен быть выражен в последствиях, к примеру, вместе с теми, которые указаны в ч. 1 ст. 272 УК РФ или иным образом.

Кроме того, представляется некорректным в тексте уголовно-правовой нормы проводить отличие между такими деяниями, как «предоставление» и «распространение». Для правоприменителя, вероятно, нет особой разницы в том, распространяет злоумышленник указанные сведения определенному кругу лиц или неопределенному, а важен факт их передачи. В деяниях, связанных с распространением (разглашением) охраняемой законом информации, важна их передача хотя бы одному человеку. Так, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под распространением сведений о частной жизни лица понимается «сообщение (разглашении) их одному или нескольким лицам...» (Пост. № 46). В связи с этим нам представляется возможным использовать в контексте данной нормы вместо словосочетания «передача (распространение, предоставление, доступ)» термин «распространение».

Также хотелось бы рассмотреть одно из альтернативных действий, характеризующих объективную сторону состава преступления, – сбор. Использовать данное слово в конструкции нормы также некорректно в связи с тем, что под неправомерным доступом к компьютерной информации понимается ее получение.

Тогда непонятно отличие сбора от получения. Неверно применительно к «духу» уголовно-правовой нормы отождествлять указанные понятия. Именно поэтому ее «получение» включает в себя «сбор». Кроме того, есть и так называемый жизненный цикл оборота цифровой информации, первым этапом которой является ее получение, что по содержанию аналогично «сбору».

Возникает вопрос о том, насколько общественно опасным считается «хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные», если при этом нет цели их распространить или, к примеру, продать.

В результате исследования представляется, что к деяниям, представляющим общественную опасность, в контексте представленного уголовно-правового запрета относятся распространение и использование подобных сведений. Однако также необходимо оценить, не будет ли использование указанных сведений являться в большей степени общественно опасным по сравнению с их распространением.

Полагаем, что одним из аргументов, подтверждающих нашу точку зрения, являются положения, отраженные в ч. 12 ст. 19 Федерального закона № 152-ФЗ, о том, что в результате компьютерной атаки на информационные системы наступают последствия в виде неправомерной передачи данных.

Стоит отметить, что ранее противоправные действия в виде незаконного оборота персональных данных подлежали уголовно-правовой оценке; нельзя сказать, что был правовой пробел и лица не подлежали ответственности. До появления ст. 274¹ в УК РФ подобные действия подлежали квалификации по ч. 4 ст. 272 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы сроком до 7 лет. Согласно же новелле, обозначенные действия влекут за собой максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 4 лет. Однако уголовный закон был дополнен ст. 274¹ УК РФ в целях дифференциации ответственности, а также для усиления в связи с тем, что норма является специальной по отношению к общей (ст. 272 УК РФ). Представляется, что детальный анализ санкций проведен не был.

Кроме того, остановимся на фразе диспозиции ч. 1 ст. 274¹ УК РФ – «за исключением деяний, совершенных в отношении компьютерной информации, содержащей персональные данные, предусмотренные частью второй настоящей статьи». По нашему мнению, в ч. 2 указана фраза «те же деяния», которой достаточно для правильного применения и проведения дифференциации между ч. 1 и 2, содержащей указание на специальный предмет. Поэтому фраза в ч. 1 нам представляется лишней, утяжеляющей норму и усложняющей ее понимание и толкование, хотя такой законодательный прием используется в УК РФ.

Полагаем, что указанная фраза в целом использована в конструкции норм для облегчения работы правоприменителей. Однако при этом возникает вопрос о правилах, которые используют для разрешения конкуренции между составами преступлений. В уголовно-правовой доктрине общепризнанным является подход, согласно которому «при конкуренции основного и квалифицированного состава преступления квалификация производится по статье (части статьи) УК РФ, предусматривающей квалифицированный состав» [6]. Законодатель использует подобный подход, полагаем, что он в целом «загромождает» норму, и так являющуюся значительной по объему, а правоприменителю все равно нужно будет

ознакомиться с текстом уголовно-правовой нормы и ее примечаниями. В связи с вышеизложенным мы считаем, что наличие подобной фразы в тексте ч. 1 статьи является избыточным.

В ч. 4 рассматриваемой статьи усилена ответственность за передачу баз данных с персональными данными иностранным гражданам, иностранным организациям или иностранным государственным структурам, а также злоумышленникам, которые вывозят такую компьютерную информацию из Российской Федерации на носителях. В прим. 2 к статье содержится определение понятия «трансграничное перемещение носителей информации», несмотря на то что в ч. 4 эта фраза имеет несколько иное звучание: «трансграничное перемещение носителей информации, содержащих персональные данные», и нам представляется не совсем верным использовать столь разный терминологический аппарат. В прим. 2 к статье употреблена конструкция «машиночитаемый носитель информации (в том числе магнитный и электронный), на который осуществлены запись и хранение такой информации». Полагаем, что в примечании нет смысла пояснять, что на указанный носитель информации осуществлены «запись и хранение информации», и указывать виды носителей (магнитный и электронный). Кроме того, и сформулированное определение видится не совсем удачным, так как категория «носитель информации» раскрывается через категорию «машиночитаемый носитель информации», что свидетельствует об неоправданной тавтологии, которая затрудняет ориентацию в нормативном материале, создавая сложности с пониманием смысла законодательных установлений [7]. Аналогичное умозаключение относится и к словосочетанию «в настоящей статье», дважды упоминаемое в определении. В законодательстве устоявшимся является термин «электронный носитель информации», используемый в ст. 164¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, под которым понимается «объект, предназначенный для записи, хранения и воспроизведения цифровой информации» (УПК РФ). Поэтому «запись» и «хранение» определяют его функциональное предназначение, в связи с чем нет необходимости в указании на них в примечании к статье.

Возникает также вопрос – в чем будет выражаться та самая трансграничная передача информации в связи с тем, что данные могут быть переданы с помощью сети Интернет и при этом используются иностранные сервисы почты или хранилища данных.

В ч. 6 содержится самостоятельный состав преступления, устанавливающий ответственность за так называемое создание и администрирование сайта в сети Интернет, предназначенного для незаконного оборота персональными данными.

Полагаем, что использование словосочетания «программы для электронно-вычислительных машин» уже давно устарело, и в том числе для уголовно-правовой науки и законодательства. В 2011 г. законодатель исключил его из текста закона – это связано с тем, что в современном мире с развитием и появлением цифровых технологий используется и обращается уже цифровая, а не компьютерная информация. В этом же году в УК РФ появился термин «компьютерная информация» и его определение в прим. 1 к ст. 272 УК РФ. Однако в конце 2024 г.

в тексте уголовного закона России вновь упомянут термин «электронно-вычислительные машины», что представляется нам неудачным решением.

Помимо повышенной общественной опасности содеянного имеется и ее социальная обусловленность, выраженная в характере распространения подобных деяний. Действительно, существует необходимость в разработке самостоятельной запретительной нормы, однако мы считаем, что она должна быть выделена в отдельный состав преступления. Аргументом вышеназванной позиции является то, что указанные деяния являются новыми для уголовного закона, они не подлежали ранее уголовно-правовой оценке, создание подобных сайтов связано с новыми общественными отношениями и новыми субъектами, поэтому установление ответственности видится нам своевременным и отвечающим новым тенденциям.

4. Заключение

В результате исследования можно заключить, что введение уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных необходимо, однако выбранная и реализованная законодателем уголовно-правовая модель не будет обладать превентивным характером, а, скорее, наоборот, вызовет еще больше проблем в процессе правоприменения. В связи с изложенным предлагается следующее.

1. Ст. 272 УК РФ дополнить таким квалифицирующим признаком, как совершение тех же деяний в отношении персональных данных.

Обоснование предложения: в результате компьютерной атаки происходит завладение компьютерной информацией, содержащей персональные данные. При этом автоматически происходит и завладение иной цифровой информацией. В массиве обращающейся цифровой информации выбрать именно персональные данные злоумышленнику, вероятно, будет весьма проблематично, именно поэтому отнесение предмета преступления в новой норме к «охраняемой законом компьютерной информации», защищаемой ст. 272 УК РФ, представляется нам более уместным.

Предмет преступления, предусмотренный ст. 272¹ УК РФ, в целом соответствует двум основным критериям:

во-первых, информация является охраняемой законом;

во-вторых, она должна быть представлена в виде цифровых данных.

Полагаем, что потенциала ст. 272 УК РФ более чем достаточно для уголовно-правовой охраны персональных данных в цифровой форме.

Персональные данные – такая же цифровая информация, что свидетельствует о том, что новые отношения не формируются при посягательстве на них и на опосредованные ими общественные отношения. Новые сущности не образуются, поэтому потенциала действующих уголовно-правовых запретов более чем достаточно.

2. В ст. 272¹ УК РФ:

а) изменить наименование на «Неправомерное распространение и использование компьютерной информации, содержащей персональные данные»;

б) сформулировать ч. 1 как «неправомерное распространение компьютерной информации, содержащей персональные данные»;

в) установить повышенную ответственность за неправомерное использование компьютерной информации, содержащей персональные данные.

3. Ответственность за запрет, установленный ч. 6 ст. 272¹ УК РФ, установить в отдельном уголовно-правовом запрете – в ст. 272² УК РФ.

Благодарности. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
- ФЗ № 152 – Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
- ФЗ № 421 – Федеральный закон от 30 нояб. 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Рос. газета. 2024. № 278.
- Пост. № 46 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Рос. газета. 2019. № 1.
- Пост. № 37 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // Рос. газета. 2022. № 294.

Литература

1. *Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.* Цифровая криминология. М.: Акад. управления МВД России, 2021. 242 с.
2. *Russkevich E.A.* Violating the rules of centralized management of technical means of countering the threats to information security // *J. Digital Technol. Law*. 2023. V. 1, No 3. P. 650–672. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.28>.
3. *Бегишев И.Р., Кирпичников Д.В.* Проблемные вопросы уголовно-правовой охраны персональных данных // *Уголовная юстиция*. 2020. № 15. С. 11–16. <https://doi.org/10.17223/23088451/15/3>.
4. *Ильин И.Г.* Персональные данные в системах искусственного интеллекта: технология обработки естественного языка // *J. Digital Technol. Law*. 2024. Т. 2, № 1. С. 123–140. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>.

5. *Шутова А.А.* Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2015. № 4 (32). С. 332–335.
6. *Рясов А.И.* Некоторые особенности квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 2. С. 66–69.
7. *Кожокарь И.П.* Лингвистические дефекты нормативно-правового регулирования // Юридическая наука. 2019. № 8. С. 3–7.

Поступила в редакцию 17.12.2024

Принята к публикации 21.12.2024

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

ул. Московская д. 42, г. Казань, 420111, Россия

E-mail: shutova1993@inbox.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 122–134

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.122-134

Novelties in Russian Criminal Law on Liability for Personal Data Breaches

A.A. Shutova

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, 420111 Russia

E-mail: shutova1993@inbox.ru

Received December 17, 2024; Accepted December 21, 2024

Abstract

This article presents the results of the first critical legal analysis of a novel provision in Russian criminal law that penalizes anyone who engages in the illegal use, transfer, collection, or storage of computer information containing personal data, as well as in the creation and management of information assets designed for the unauthorized storage and distribution of such data. The major flaws and contradictions in Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation were exposed, and potential solutions of certain problems associated with its enforcement were proposed. Theoretical recommendations were developed to strengthen the legislative measures targeting breaches of computer information containing personal data of minors, special categories of personal data, or biometric personal data. Some challenges that may arise when categorizing acts involving the cross-border transfer of computer information containing personal data and the cross-border flow of computer information carriers holding personal data were identified. The findings contribute to improving the criminal law framework for safeguarding personal data and advancing the Russian criminal law doctrine on liability for cybercrimes.

Keywords: biometric personal data, personal data of minors, crimes involving computer information, cross-border transfer of personal data, personal data breach, cybercrimes

Acknowledgments. This study was funded by the grant from the Tatarstan Academy of Sciences for early-career PhD holders (postdoctoral researchers) aimed to support them in writing doctoral dissertations, performing research work, and fulfilling professional responsibilities within scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan as part of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and technological development of the Republic of Tatarstan”.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S. *Tsifrovaya kriminologiya* [Digital Criminology] Moscow, Akad. Upr. MVD Ross., 2021. 242 p. (In Russian)
2. Russkevich E.A. Violation of the rules of centralized management of technical means of counter-acting threats to information security. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 3, pp. 650–672. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.28>.
3. Begishev I.R., Kirpichnikov D.V. Problems with protecting personal data in criminal law. *Ugolovnaya Yustitsiya*, 2020, no. 15, pp. 11–16. <https://doi.org/10.17223/23088451/15/3>. (In Russian)
4. Ilin I.G. Personal data in artificial intelligence systems: Natural language processing technology. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 123–140. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.7>.
5. Shutova A.A. Social conditionality rules on the existence of criminal liability for the infringement of personal data. *Yuridicheskaya Nauka i Praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii*, 2015, no. 4 (32), pp. 332–335. (In Russian)
6. Ryasov A.I. Some features of crime qualification in the case of competing criminal law norms. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*, 2013, no. 2, pp. 66–69. (In Russian)
7. Kozhokar' I.P. Linguistic defects of legal regulation. *Yuridicheskaya Nauka*, 2019, no. 8, pp. 3–7. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Шутова А.А. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 122–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.122-134>. ⟩

⟨ **For citation:** Shutova A.A. Novelties in Russian criminal law on liability for personal data breaches. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 122–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.122-134>. (In Russian) ⟩

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1/8

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.135-144

КОНЦЕПТ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМА

Дао Ман Хунг

Вьетнамский национальный университет, г. Ханой, 10000, Вьетнам

Аннотация

В ключевых задачах государственной политики, изложенных в Постановлении XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама от 2021 г., особое внимание уделяется концепту «безопасность человека». Правящая партия Вьетнама отмечает, что эффективность обеспечения национальной безопасности во многом зависит от государственных мер, направленных на повышение уровня личной защищенности граждан. В настоящей статье анализируется содержание понятия «безопасность человека» и прослеживается его связь с понятием «национальная безопасность», а также обозначены основные шаги, которые необходимо предпринять Вьетнаму для обеспечения безопасности человека с учетом семи компонентов, составляющих содержание обозначенного понятия: экономической безопасности, продовольственной безопасности, безопасности здоровья, экологической безопасности, личной безопасности, общественной безопасности и политической безопасности.

Ключевые слова: безопасность человека, обеспечение безопасности человека во Вьетнаме

В «Отчете по человеческому развитию» ООН за 1994 г. говорится: «Можно сказать, что безопасность человека включает в себя два основных аспекта. Во-первых, это означает защиту от таких угроз, как голод, болезни и преследования. Во-вторых, это означает предотвращение внезапных и резких нарушений повседневного образа жизни...»¹ [1, р. 23]. В приведенном отчете подчеркивается, что можно выделить семь компонентов, составляющих содержание понятия «безопасность человека»: экономическую безопасность, продовольственную безопасность, безопасность здоровья, экологическую безопасность, личную безопасность, общественную безопасность и политическую безопасность.

Появление концепции «безопасности человека» привело к важным изменениям в восприятии понятия «безопасность» во многих странах. Согласно традиционному пониманию, упомянутый термин обозначает прежде всего национальную безопасность, при этом нация является субъектом, который нуждается в

¹ Здесь и далее перевод на русский язык наш. – Д. М. Х.

защите. Согласно новому пониманию идеи «безопасности», главным ее субъектом становятся люди, и именно они нуждаются в защите в первую очередь.

Во Вьетнаме подход в соответствии с семью компонентами человеческой безопасности, выделенными ООН, известен уже давно – он принимается во внимание как в руководящих принципах и политической линии Коммунистической партии, так и в государственной политике и законах Социалистической Республики Вьетнам: люди определяются как цель, движущая сила инноваций и творческий субъект социального развития; люди находятся в фокусе развития политики, посредством чего реализуется взаимосвязь между экономическим ростом, прогрессом и социальной справедливостью. Непосредственно в документах XII съезда Коммунистической партии Вьетнама, проведенного в 2016 г., «безопасность человека» была определена как одна из ключевых задач управления социальным развитием (Задача 5: «Социальное развитие, обеспечение социальной защищенности и безопасности человека») [2, р. 434].

В Постановлении XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама в формулировке Задачи 7 ориентации развития страны до 2030 г. четко сказано: «Необходимо решительно и настойчиво защищать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Отечества; защищать партию, государство, народ и социалистический режим; поддерживать политическую безопасность, обеспечивать порядок, социальную безопасность, безопасность человека, экономическую безопасность, кибербезопасность, строить упорядоченное и дисциплинированное общество; активно предотвращать риски войны и конфликтов на раннем этапе; необходимы раннее выявление и своевременное устранение неблагоприятных факторов, особенно факторов риска, вызывающих мутации; активизировать борьбу за раскрытие заговоров и диверсионной деятельности враждебных сил» [3, р. 331].

Что касается связи между безопасностью человека и национальной безопасностью, то во Вьетнаме она следующим образом определяется в Задаче 4 из списка ключевых задач Постановления XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама: «Следует пробуждать стремление к развитию процветающей и счастливой страны; продвигать культурные ценности и силу вьетнамского народа в деле строительства и защиты Отечества и международной интеграции; иметь конкретную политическую программу по развитию культуры этнических меньшинств; реализовывать социальную политику, обеспечивать социальную безопасность, безопасность человека; реформировать управление социальным развитием, стремиться к прогрессу, социальной справедливости, повышать качество жизни и индекс счастья вьетнамского народа» [3, р. 202].

В вышеуказанных направлениях и ключевых задачах подчеркивается значимость безопасности человека, демонстрируются новые перспективы в обеспечении национальной безопасности и ее новое осмысление. Отмечается, что безопасность человека находится в тесной связи с другими компонентами безопасности, а также соотнесена с историческим моментом, обществом и окружающей средой. Безопасность человека стала важным фактором и условием реализации социальной безопасности и глобальной безопасности. Ее нужно

рассматривать как часть национальной безопасности: порядок и дисциплина обеспечивают безопасную окружающую среду и жизнь для всех людей, благодаря чему укрепляются их доверие к Коммунистической партии Вьетнама, социалистическому государственному режиму Вьетнама и вера в возможность мирной жизни.

Практика показывает, что наличие общества, членам которого гарантированы порядок и безопасность, является важнейшим показателем качества жизни и уровня счастья людей. Постоянное пребывание в политически нестабильном обществе, где присутствуют угрозы терроризма, конфликтов и беспорядков, даже при высоком уровне жизни граждан, влияет на психологическое и физическое здоровье людей. Напротив, безопасное общество не только устраняет риски, угрожающие жизни и здоровью, но и обеспечивает нормальную жизнь и благополучие для каждого гражданина.

Именно обеспечение безопасности человека делает национальную безопасность стабильной, а страну – устойчивой и гармоничной. Безопасность человека неотделима от национальной безопасности, и обеспечение безопасности человека является в то же время обеспечением национальной безопасности. Однако хотелось бы высказать свои возражения по поводу предложений ставить безопасность человека выше национальной безопасности, авторы которых апеллируют к правам человека и принципам демократии («права человека выше, чем суверенитет», «права человека без границ») и подразумевают, что национальный суверенитет не является неприкосновенным, совершая действия, нарушающие безопасность других стран. С нашей точки зрения это, по сути, акт использования вопроса безопасности человека для саботажа, ставящего под угрозу национальную безопасность. Поэтому забота о безопасности человека должна прежде всего обеспечивать суверенитет и национальную безопасность всего мирового сообщества.

Что необходимо сделать Вьетнаму для обеспечения безопасности человека в ближайшее время? В современных условиях, когда глобализация под влиянием научно-технической революции развивается быстрыми темпами, все страны участвуют в процессе международной интеграции, и она становится необходимостью. Однако упомянутый процесс создает для каждой страны как возможности, так и проблемы и требует от государств особой заботы о независимости, суверенитете и безопасности граждан своей страны. Поэтому обеспечение безопасности человека в процессе международной интеграции является сегодня одним из важнейших вопросов для Вьетнама.

Вьетнам ставит во главу угла человеческий фактор и безопасность человека, определяя, что защита безопасности человека является одновременно целью, к которой нужно стремиться, и движущей силой для обеспечения социально-политической стабильности: «Необходимо создать политические механизмы для укрепления духа преданности стране у всего вьетнамского народа; максимизировать человеческий фактор; человек признается центром, субъектом, главным ресурсом и целью развития. Нужно содействовать тесной связи и гармонии между традиционными и современными ценностями, всестороннему и синхронному

развитию всех культурных сфер, разнообразной и полноценной культурной жизни, продвижению ценностей нации, чтобы культура действительно могла быть духовной основой, внутренним ресурсом и движущей силой социально-экономического развития и международной интеграции» [3, р. 47].

Повышение степени безопасности и защищенности является одним из важнейших факторов благополучной жизни людей, поэтому защита национальной безопасности также означает защиту жизни людей. На Национальной конференции по исследованию, изучению, осмыслению и распространению резолюции XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама от 28 марта 2021 г. министр общественной безопасности подтвердил: «Безопасность человека – это состояние, при котором люди могут жить стабильно, без угрозы насилия. Защита безопасности человека означает обеспечение и полную реализацию прав человека и основных прав граждан, как это предусмотрено Конституцией 2013 г., которая гарантирует, что все люди могут жить благополучно, свободно и счастливо в упорядоченной, спокойной, безопасной и здоровой социальной среде» [4, р. 2].

В целях реализации вышеуказанных целей и направлений развития были сформулированы базовые позиции, которые требуют глубокого осмысления для их практического воплощения; одна из них такова: «Требуется обеспечить соблюдение высших национальных и этнических интересов на основе основных принципов Устава ООН и международного права, равенства, сотрудничества и взаимной выгоды; продолжать быстро и устойчиво развивать страну; реализовывать задачи, в фокусе которых находится экономическое и социальное развитие. Партийное строительство является ключевым моментом; духовной основой является культурное развитие; особую значимость имеет постоянное обеспечение национальной обороны и безопасности» [3, р. 324].

Чтобы эффективно защищать безопасность человека во Вьетнаме, необходимо прежде всего преодолеть проблемы, касающиеся семи вышеперечисленных компонентов безопасности человека (экономическая безопасность, продовольственная безопасность, безопасность здравоохранения, экологическая безопасность, личная безопасность, общественная безопасность и политическая безопасность).

Что касается экономической безопасности, то число людей, которые заняты лишь частично и не имеют постоянной работы, по-прежнему велико. Политика в области заработной платы реформируется медленно, поэтому у большинства государственных служащих и рабочих крайне невысокие зарплаты, которые подчас не обеспечивают минимальный уровень жизни; качество рабочих мест по-прежнему не соответствует современным требованиям, доля работников, не имеющих постоянной работы или не трудоустроенных официально, по-прежнему высока, отсутствуют меры защиты законных прав работников в этой сфере. В результате «сокращение многомерной бедности не является устойчивым процессом, и не существует эффективного решения проблемы неравенства доходов, урегулирования социальных противоречий и конфликтов» [3, р. 85].

Вопросы продовольственной безопасности также еще не до конца решены: по-прежнему существует много людей, особенно в отдаленных и труднодоступ-

ных районах, коммунах, которые не обеспечены в достаточной мере едой, необходимой для поддержания здоровья и полноценного существования, что, безусловно, влияет на качество их жизни в других сферах.

Что касается безопасности здоровья, «качество медицинских услуг, особенно в отдаленных районах и районах проживания этнических меньшинств, по-прежнему остается крайне низким» [3, р. 87]. Все еще существует большая разница в возможностях доступа к базовым медицинским услугам между регионами. Инфраструктура и медицинское оборудование в некоторых местах отсутствуют или не соответствуют стандартам. Профилактическая медицина все еще не развита, преодоление перегрузки больниц идет медленно. Государственное управление частной медицинской деятельностью, вопросами лекарств, гигиены и безопасности пищевых продуктов по-прежнему остается слабым.

В области экологической безопасности ситуация с загрязнением окружающей среды постепенно улучшается, хотя «по-прежнему происходят экологические инциденты, вызывающие серьезные последствия, механизмы их предотвращения и реагирования на нарушения недостаточны. Адаптация к изменению климата в некоторых аспектах все еще остается слабой. Качество планирования и оценки ресурсов по-прежнему низкое, тенденция к получению прибыли и немедленных выгод от эксплуатации ресурсов постепенно преодолевается, а структура использования энергии медленно трансформируется в сторону экономии и увеличения темпов использования возобновляемых источников энергии. Качество окружающей среды в некоторых местах продолжает ухудшаться» [3, р. 89]. Последствия загрязнения окружающей среды преодолеваются медленно; качество прогнозов и ресурсов, позволяющих предотвратить стихийные бедствия и своевременно реагировать на изменение климата, не соответствует требованиям; наводнения в некоторых крупных городах остаются большой проблемой.

Ситуация с личной и социальной безопасностью, поддержанием общественного порядка в некоторых областях все еще остается сложной. Мероприятий по обеспечению информационной и сетевой безопасности проводится недостаточно. В культурной среде все еще имеют место нездоровые и инородные проявления, противоречащие позитивным обычаям и традициям; социальное зло и некоторые виды преступности имеют тенденцию к росту; «многие факторы, влияющие на безопасность людей, до конца не изучены» [3, р. 68].

Что касается общественной безопасности, люди по-прежнему чувствуют себя незащищенными: «Рассмотрение жалоб по поводу земли и отдельных сложных ситуаций, возникающих в некоторых районах и учреждениях, иногда является затянутым; возможности обеспечения информационной и сетевой безопасности по-прежнему ограничены» [3, р. 88].

С позиции политической безопасности ресурсы и творческий потенциал людей в строительстве и защите Отечества не получили должного развития. Право народа на самоуправление иногда нарушается, и до сих пор отмечаются проявления формальной демократии. Существуют также ситуации, когда демократия используется для того, чтобы вызвать раскол, внутреннюю разобщенность, хаос, что ставит под угрозу национальную безопасность и социальный порядок.

Для повышения эффективности защиты безопасности человека в ближайшее время Вьетнаму необходимо выполнить нижеследующие задачи.

Следует эффективно и жестко управлять социальным развитием, обеспечивая социальную защищенность и безопасность человека, для достижения прогресса и социальную справедливости; строить здоровую и цивилизованную культурную и этическую социальную среду; прилагать усилия для повышения качества медицинских услуг, обеспечить занятость населения, развивать социальное обеспечение, заботясь об улучшении материальной и духовной жизни народа. Необходимо активно и эффективно адаптироваться к изменению климата; предотвращать, контролировать и смягчать последствия стихийных бедствий и эпидемий; эксплуатировать и использовать ресурсы разумно, экономично и эффективно; ставить в качестве главных целей защиту окружающей среды и здоровья людей; решительно ликвидировать проекты, загрязняющие окружающую среду, обеспечивать качество среды обитания и защищать биоразнообразие и экосистемы; строить зеленую и экологически чистую экономику.

Для защиты безопасности человека следует обеспечить социалистическую направленность социальной политики, наладить четкое управление социальным развитием, обеспечить социальную справедливость и устойчивость социальной политики, особенно социального обеспечения и безопасности человека; синхронно и комплексно реализовывать экономические цели, внедрять инновации и разумно распределять ресурсы для повышения эффективности социального развития. На основе правильного прогнозирования тенденций социальных структурных изменений во Вьетнаме в ближайшие годы необходимо разработать соответствующую социальную политику и управление социальным развитием, решать проблемы социальных отношений и брать под контроль социальные проблемы (социальное расслоение и социальные конфликты), обеспечивать социальный порядок и безопасность, защищать законные права и интересы людей. Нужна интеграция политики экономического развития и социальной политики. Необходимо уделять внимание сфере социальной работы и улучшать качество жизни людей, внедрять инновационные механизмы, мобилизовать распределение и диверсифицировать ресурсы для реализации социальной политики в соответствии с потребностями и интересами различных слоев населения и социальных групп, обеспечивая равенство в возможностях развития.

В отношении продовольственной безопасности следует продолжать эффективно проводить политику реструктуризации и развития сельского хозяйства и сельской экономики для достижения высокой степени его экологичности в сочетании со строительством новых современных сельских территорий; переместить фокус на развитие сельскохозяйственного производства крупных товаров с применением высоких технологий; продвигать потенциал и преимущества каждого региона и каждого населенного пункта; тесно связать сельское хозяйство с промышленностью и сферой услуг; поощрять развитие домохозяйства и кооперативной экономики, привлекать бизнес к инвестированию и совершенствовать государственное управление для повышения производительности, качества и эффективности сельскохозяйственного производства, реагировать на измене-

ние климата, обеспечивать гигиену и безопасность пищевых продуктов. Нужно развивать системы сельского хозяйства и сельской инфраструктуры; бороться за транспортное соединение сельских районов с городскими; продолжать продвигать национальную целевую программу по строительству новых благоустроенных сельских территорий и защите экологической среды.

Что касается безопасности здоровья, то необходимо улучшить качество медицинских услуг, заботиться о здоровье матери и ребенка, внедрить инновации в механизм финансирования здравоохранения, управление здравоохранением и систему предоставления услуг, развивать науку и медицинские технологии, повышать качество медицинского обследования и лечения, преодолевать перегрузку больниц, развивать онлайн-обследование и лечение; активно предотвращать и контролировать эпидемии. Следует эффективно осуществлять социализацию в сфере здравоохранения; обеспечивать равенство возможностей государственного и негосударственного здравоохранения; строить и развивать систему семейных врачей, фармацевтическую промышленность и производство медицинского оборудования. Нужно реализовать «Общий проект по развитию физической силы и увеличению роста вьетнамцев на период с 2011 по 2030 г.», развивать систему физического воспитания и спорта в целях улучшения здоровья людей, содействовать борьбе с социальным злом, обеспечивать безопасность дорожного движения, продуктов питания и медикаментов.

В целях обеспечения экологической безопасности следует создать систему мониторинга ресурсов, окружающей среды и изменения климата; прогнозировать стихийные бедствия, загрязнение окружающей среды, экологические катастрофы и эпидемии; разработать план по кардинальному преодолению ситуации истощения ресурсов и загрязнения окружающей среды на производственных объектах, в индустриальных парках и городских территориях; улучшить качество окружающей среды и условия жизни людей. Нужно создать систему переработки отходов, содействовать их повторному использованию, расставлять приоритеты ресурсов и реализовывать структурные и неструктурные решения для защиты окружающей среды и адаптации к изменению климата; вести исследования в области мониторинга изменения климата, метеорологического и гидрологического прогнозирования и предупреждения о стихийных бедствиях; корректировать работу по устранению нарушений в области управления природными ресурсами, окружающей среды и адаптации к изменению климата; строго пресекать нарушение законов о природных ресурсах и окружающей среде, предотвращать нанесение ущерба окружающей среде, деградацию ресурсов и утрату биоразнообразия.

Уделение внимания личной безопасности и защищенности является одним из ведущих факторов благополучной жизни людей. Ключевое значение имеет определение «превентивной профилактики», суть которой состоит в необходимости быстро и эффективно реагировать на нетрадиционные угрозы безопасности, особенно в ходе спасательных операций, предотвращать стихийные бедствия, а также эпидемии; стремиться предотвращать конфликты и войны и разрешать споры мирными средствами в соответствии с международным пра-

вом, решительно и настойчиво бороться за защиту независимости, суверенитета, единства и целостности территории, воздушного пространства и морских акваторий; поддерживать мирную и стабильную среду для развития.

Что касается общественной безопасности, необходимо поддержание мирной обстановки, политической стабильности, национальной безопасности, безопасности человека, для чего следует строить упорядоченное, дисциплинированное, безопасное и здоровое общество, чтобы развивать страну в соответствии с социалистической ориентацией.

Для решения вопросов политической безопасности необходимо продолжать совершенствование институтов демократии в духе Платформы строительства страны в переходный период к социализму (дополненной и развитой в 2011 г.) и Конституции 2013 г., гарантирующей, что вся государственная власть принадлежит народу; надлежащим и эффективным образом внедрять прямую и представительную демократию, особенно низовую; эффективно реализовать девиз «Люди знают, люди обсуждают, люди делают, люди проверяют, люди контролируют, люди наслаждаются». Партия и государство провозглашают руководящие принципы, политику и законы для создания политической и правовой основы, которая обеспечивает и защищает право людей на власть. Нужно продвигать центральную роль народа в стратегии развития страны, во всем процессе строительства и защиты Отечества.

С учетом вышеизложенного считаем необходимым высказать некоторые предложения и рекомендации.

Во-первых, следует поднимать уровень сознательности всей партии, всего народа, всей армии, в первую очередь партийных комитетов и органов власти, особенно высшего звена и руководителей органов безопасности. Вопрос безопасности человека впервые был поднят в документах XII съезда Коммунистической партии Вьетнама в 2016 г. и получил дальнейшее развитие в документах XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама в 2021 г. Поскольку ООН впервые представила концепцию безопасности человека в 1994 г., это означает, что Вьетнам отстает от мира более чем на 20 лет, что требует дальнейшей интенсивной работы в этом направлении.

Во-вторых, необходимо прилагать усилия для обзора практики и мониторинга исследований в области безопасности человека, поскольку XII и XIII съезды Коммунистической партии Вьетнама не уточнили концепцию безопасности человека, не определили четких, конкретных и прямых задач и решений для ее обеспечения.

В-третьих, следует включить вопрос безопасности человека в руководящие принципы и политику партии и государства, что позволит политикам принимать соответствующие меры для улучшения обеспечения безопасности человека, а также укрепления и защиты национальной безопасности. В то же время это будет свидетельствовать о позитивных тенденциях в развитии Вьетнама и поможет ему получить доступ к официальной помощи по вопросам обеспечения безопасности человека от международного сообщества.

В-четвертых, необходимо разработать национальную стратегию по безопасности человека, которая будет включать задачи и пути их решения для обеспече-

ния безопасности человека во Вьетнаме, в особенности это будет касаться совершенствования правовой системы в области безопасности человека, обеспечения соблюдения закона и мониторинга процесса правоприменения.

В-пятых, необходимо проводить работу по созданию специализированного агентства по безопасности и правам человека, которое было бы подотчетно Национальному собранию.

В-шестых, следует обнаружить, изменить и дополнить нормативные документы по защите безопасности человека, особенно следующие законы: Закон о минимальной заработной плате, Закон о народонаселении, Закон о защите и контроле растений; Закон об обеспечении общественного порядка и безопасности и т. д.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *United Nations Development Programme. Human Development Report 1994* / Ross-Larson B., Strong A., Bieler K., Peabody J., Hanlon E., Sinmao D., Bock M. (Eds.). Ser.: UNDP Human Development Reports. New York, NY, Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. xi, 226 p. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994>.
2. *Коммунистическая партия Вьетнама. Документы XII Национального конгресса Коммунистической партии Вьетнама*. Ханой: Нац. полит. изд-во «Правда», 2016. = *Đảng Cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XII*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 2016. URL: <https://cpv.ctu.edu.vn/vn-bn-quy-nh/36-trung-ng>.
3. *Коммунистическая партия Вьетнама. Документы XIII Национального конгресса Коммунистической партии Вьетнама*. Ханой: Нац. полит. изд-во «Правда», 2021. Т. II. = *Đảng Cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 2021. Т. II. URL: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/van-kien-tu-lieu-ve-dang/book/sach-chinh-tri/van-kien-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-tap-2-404>.
4. *То Лам. Новые взгляды и представления о национальной безопасности* // Материалы Национальной онлайн-конференции по исследованию, изучению, осмыслению и распространению резолюции 13-го съезда Коммунистической партии Вьетнама. Ханой, 2021. = *Tô Lâm. Những nhận thức mới và tư duy mới về an ninh quốc gia* // Hội nghị trực tuyến toàn quốc nghiên cứu, học tập, quán triệt Nghị quyết Đại hội XIII. Hà Nội, 2021.

Поступила в редакцию 15.07.2024

Принята к публикации 19.10.2024

Дао Ман Хунг, кандидат юридических наук, старший преподаватель, заведующий кафедрой международных отношений

Вьетнамский национальный университет

Хоанг Куок Вьет, д. 18, г. Ханой, 10000, Вьетнам

E-mail: hungkazan17@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.135-144

The Concept of Human Security in Vietnam's Contemporary State Policy

Dao Man Hung

Vietnam National University, Hanoi, 10000 Vietnam

E-mail: hungkazan17@gmail.com

Received July 15, 2024; Accepted October 19, 2024

Abstract

The current objectives of Vietnam's state policy, as outlined in the Resolution of the XIII National Congress of the Communist Party of Vietnam in 2021, emphasize the importance of human security. The Party specifies that national security relies primarily on targeted government measures to promote and enhance the safety and welfare of citizens. This article explores the concept of human security in relation to the concept of national security and defines key steps that Vietnam can take to further strengthen its security. This article explores the concept of human security in relation to the concept of national security and defines key steps that Vietnam can take to further strengthen its security, focusing on seven primary aspects: economic security, food security, health security, environmental security, personal security, public security, and political security.

Keywords: human security, human security policy of Vietnam**Conflicts of Interest.** The author declares no conflicts of interest.**References**

1. United Nations Development Programme. Human Development Report 1994. Ross-Larson B., Strong A., Bieler K., Peabody J., Hanlon E., Sinmao D., Bock M. (Eds.). Ser.: UNDP Human Development Reports. New York, NY, Oxford, Oxford Univ. Press, 1994. xi, 226 p. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994>.
2. Communist Party of Vietnam. *Proc. XII National Congress of the Communist Party of Vietnam*. Hanoi, Su That Natl. Pol. Publ. House, 2016. URL: <https://cpv.ctu.edu.vn/vn-bn-quy-nh/36-trung-ng>. (In Vietnamese)
3. Communist Party of Vietnam. *Proc. XIII National Congress of the Communist Party of Vietnam*. Vol. II. Hanoi, Su That Natl. Pol. Publ. House, 2021. URL: <https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/van-kien-tu-lieu-ve-dang/book/sach-chinh-tri/van-kien-dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-xiii-tap-2-404>. (In Vietnamese)
4. To Lam. New insights and perspectives on national security. *Proc. Natl. Online Conf. on Studying, Understanding, and Disseminating the Resolution of the XIII National Congress of the Communist Party of Vietnam*. Hanoi, 2021. (In Vietnamese)

Для цитирования: Дао Ман Хунг. Концепт «безопасность человека» в современной государственной политике Вьетнама // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 135–144. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.135-144>.

For citation: Dao Man Hung. The Concept of Human Security in Vietnam's Contemporary State Policy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 135–144. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.135-144>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.145-159

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭМИССИИ МЕТАНА И ЕГО РОЛЬ В ДОСТИЖЕНИИ ОСНОВНОЙ ЦЕЛИ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ: ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

М.Е. Пекарникова^{1,2}, К.Б. Валиуллина²

¹*Институт природно-технических систем РАН, г. Севастополь, 299011, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В настоящей статье проанализировано текущее состояние правового регулирования эмиссии метана, основного из короткоживущих газов, в странах, отвечающих за основную долю его суммарных выбросов. Сделан вывод о том, что важнейшим документом в обозначенном контексте является Глобальное соглашение по метану (Метановая хартия, GMP). Оно призвано оценить объемы сокращения эмиссии метана и осуществить комплекс мер по ее регулированию с целью достижения основной цели Парижского соглашения. Особая значимость первоочередного сокращения эмиссии метана является прямым следствием его относительно малой продолжительности жизни и «эколого-климатического парадокса», в результате которого даже полный отказ от использования углеводородов не обещает быстрого уменьшения радиационного форсирования нижней тропосферы. Сокращение выбросов аэрозолей приведет в первые десять лет к более интенсивному потеплению климата, поскольку аэрозоли быстро удаляются из атмосферы. Уменьшение эмиссии короткоживущего метана – единственный способ ослабить этот эффект. Результаты настоящей работы уточняют ранее полученные выводы и подчеркивают, что для достижения целей Парижского соглашения и GMP необходимы разработка и имплементация юридически обязывающих международных и национальных правовых актов в сфере ограничения эмиссии парниковых газов.

Ключевые слова: Глобальное обязательство по метану (Метановая хартия, GMP), Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Парижское соглашение по климату, Дохинская поправка к Киотскому протоколу РКИК ООН, антропогенные выбросы парниковых газов, изменение климата, правовое регулирование эмиссии метана

Введение

В последние десятилетия проблема глобальных изменений климата и поиска путей эффективной реализации климатических инициатив находится под пристальным вниманием мирового сообщества. С момента принятия в 1992 г. Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) страны-участницы практически ежегодно собираются на Конференции сторон (COP) для выработки стратегий и формирования новых правовых и финансово-экономических

инструментов противодействия антропогенным изменениям климата. Одним из последних и очень значимых шагов на пути реализации согласованных климатических инициатив и международных мер по контролю за эмиссией парниковых газов, включая метан, стало Парижское соглашение по климату (ПС), принятое на 21-й сессии Конференции Сторон в Париже в 2015 г.

РКИК ООН и ПС – базовые (рамочные) нормативные правовые документы, лежащие в основе комплексных мероприятий, направленных на ограничение роста приземной температуры. В них декларируются следующие основные цели: сокращение выбросов парниковых газов, необходимое для предотвращения опасного для устойчивого развития современной цивилизации изменения климата, вызванного деятельностью человека (РКИК ООН); ограничение роста средней глобальной приземной температуры в пределах полутора-двух градусов Цельсия по сравнению с доиндустриальным периодом до конца текущего столетия (ПС). В настоящее время к РКИК ООН и ПС присоединились почти 200 государств. Таким образом, эти основополагающие соглашения являются поистине глобальными правовыми документами в области климатической политики, распространяющими свое действие практически на все мировое сообщество. Однако в названных правовых документах отсутствуют конкретные обязывающие нормы, направленные на реализацию поставленных в них целей. Государства, присоединившиеся к РКИК ООН и ПС, должны учитывать рекомендации, разработанные в рамках этих международных соглашений, при формулировке национальных правовых актов климатической направленности. Предполагается, что все страны, подписавшие указанные соглашения, будут делать это на добровольной основе в силу самого факта их участия в договорной деятельности по ограничению выбросов парниковых газов. Как показывает анализ практических шагов, предпринятых на этапе принятия национальных законодательных климатических актов в большинстве стран, формально разделяющих принципы РКИК ООН и ПС, это предположение далеко не всегда реализуется на практике. В частности, климатическая политика одного из главных эмитентов парниковых газов – Соединенных Штатов – характеризуется ярко выраженной непоследовательностью и определяется партийной принадлежностью действующей Администрации Президента США [1].

Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (КП к РКИК ООН) – первый правовой документ, регламентирующий сокращение эмиссии парниковых газов с указанием конкретных величин уменьшения выбросов парниковых газов для ряда стран и сроков его реализации. Но КП к РКИК ООН действовал лишь до 2012 г. и носил достаточно ограниченный характер. В самом деле, его действие по реальному ограничению эмиссии парниковых газов распространялось на небольшое число развитых стран и стран с переходной экономикой. Именно упомянутый факт послужил причиной отказа Соединенных Штатов ратифицировать КП к РКИК ООН. При этом требование Киотского протокола по сокращению эмиссии парниковых газов ограничивалось главным образом величиной в 8 % по сравнению с 1990 г., что также было подвергнуто критике целым рядом экспертов, указывающих на абсолютно недостаточный характер мероприятий, предусмотренных Протоколом. Действие

КП к РКИК ООН было пролонгировано на период до 2020 г. так называемой Дохинской поправкой к Киотскому протоколу РКИК ООН (неофициальное название «Киото-2»). Необходимо при этом отметить, что не все страны, подписавшие и ратифицировавшие КП к РКИК ООН, присоединились к упомянутому соглашению. Некоторые государства отказались брать на себе обязательства по «Киото-2» в связи с ограниченным значением для снижения антропогенной нагрузки на климат.

Важным юридическим документом на пути реализации Парижского соглашения является Глобальное обязательство по метану (Global Methane Pledge – GMP), принятое в 2021 г. на Конференции сторон COP26 и регулирующее эмиссию одного из главных парниковых газов – метана. Необходимость принятия отдельного соглашения по метану вызвано особой ролью этого парникового газа в предотвращении негативных последствий «эколого-климатического парадокса» (проявляющегося в усилении парникового эффекта при введении в действие более чистых технологий, уменьшающих выбросы аэрозолей, которые способствуют охлаждению нижних слоев атмосферы) [2]. Поэтому первоочередное сокращение эмиссии метана позволит достичь значимых результатов в ограничении роста приземной температуры уже в краткосрочной перспективе.

В настоящей работе анализируется реалистичность достижения одной из главных целей Парижского соглашения по ограничению роста приземной температуры антропогенного характера при современном состоянии правового регулирования эмиссии метана в основных странах-эмитентах – как присоединившихся к Метановой хартии, так и не подписавших этот документ, но ответственных за существенную долю глобальных выбросов главного короткоживущего парникового газа, а также рассмотрены глобальные тенденции временного хода выбросов метана и дана оценка эффективности Метановой хартии с точки зрения ее влияния на достижение основных целей Парижского соглашения. Правовая деятельность в направлении ограничения эмиссии метана на национальном уровне в основных странах-эмитентах будет рассмотрена в отдельной работе.

Метан и его роль в глобальном потеплении

Рассмотрим, что представляет собой основной короткоживущий парниковый газ – метан. Согласно 16-му тому «Большой советской энциклопедии», изданному во первой половине 70-х годов XX в., метан (CH_4) – болотный (или рудничный) газ, первый член гомологического ряда насыщенных углеводородов; бесцветный газ без запаха; $t_{\text{кип}}$ составляет 164,5 °C; $t_{\text{пл}}$ – 182,5 °C; плотность по отношению к воздуху – 0,554 (при 20 °C); горит почти бесцветным пламенем. Метан образуется при термической переработке нефти и нефтепродуктов (10–57 % по объему), коксовании и гидрировании каменного угля (24–34 %), при гниении органических веществ под действием метанобразующих бактерий в условиях ограниченного доступа воздуха (болотный газ, газы полей орошения), встречается в вулканических газах (БСЭ, с. 165). Более современное и расширенное представление об источниках эмиссии метана, включающих животноводство и землепользование приведено ниже.

Метан – второй по значимости парниковый газ, вызывающий глобальное потепление антропогенного происхождения. Его вклад в общие антропогенные выбросы парниковых газов составляет (в CO_2 эквиваленте) порядка 20 % (рис. 1).

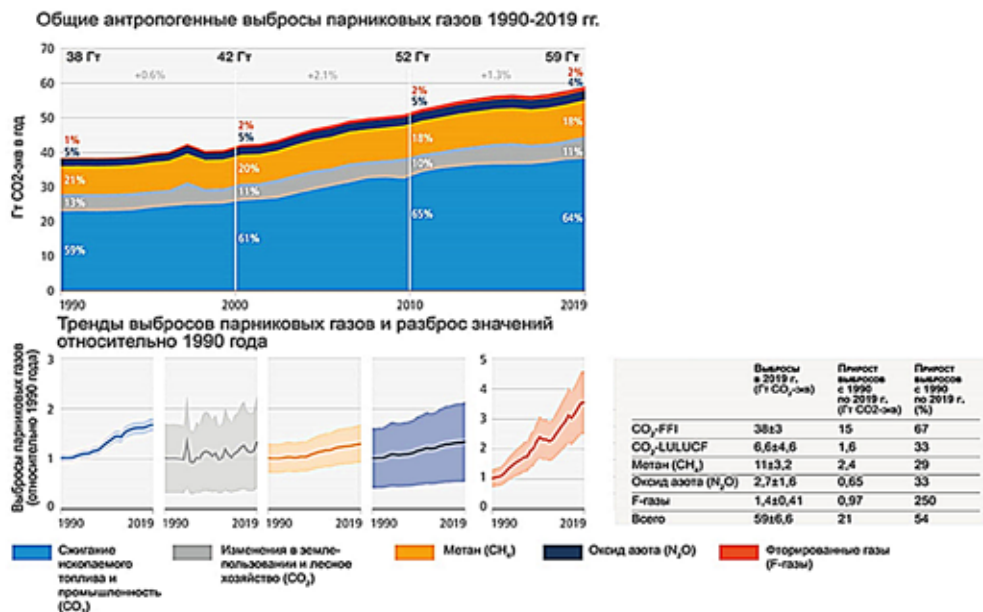


Рис. 1. Общие антропогенные выбросы парниковых газов (ПГ, в Гт CO_2 -экв/год) по группам газов, 1990–2019 гг.: CO_2 в результате сжигания ископаемого топлива и промышленных процессов (в таблице обозначено как FFI); CO_2 как результат лесохозяйственной деятельности и других видов землепользования (в таблице обозначено как LULUCF); метан (CH_4); закись азота (N_2O); фторированные газы, охваченные Киотским протоколом (F-газы). В таблице справа на рисунке выбросы ПГ в 2019 г. также показаны в разбивке по вышеперечисленным компонентам с соответствующими неопределенностями (IPCC, 2022).

Вклад выбросов различных парниковых газов в процесс потепления 2010–2019 гг. по отношению к периоду с 1850 по 1900 г., оцененный экспертами Шестого оценочного доклада IPCC на основе исследований радиационного форсинга нижней тропосферы, составляет: для CO_2 – 0.8 °C; для метана – 0.5 °C; для закиси азота – 0.1 °C (здесь приведены только первые три парниковых газа в порядке убывания их значимости по данным работы [3]), и это несмотря на тот факт, что содержание CH_4 в атмосфере намного (примерно на полтора порядка) меньше содержания CO_2 [4], что связано с его значительно более эффективным воздействием на радиационный баланс по сравнению с углекислым газом.

Метан значительно быстрее (более чем в 10 раз) двуокиси углерода удаляется из атмосферного воздуха. Поэтому интенсивное сокращение его выбросов в атмосферу начнет значимо уменьшать дополнительный радиационный приток в нижнюю тропосферу уже в краткосрочной перспективе. Так, количественный радиационный эффект от быстрого уменьшения эмиссии метана можно оценить в 0.2–0.3 Вт/м² уже через 10–20 лет после его начала. Именно по этой причине многие эксперты рекомендовали начать деятельность по смягчению воздействий на изменение климата с сокращения эмиссии метана [5].

Согласно данным, представленным в Шестом оценочном отчете IPCC, основным источником парниковых газов антропогенного происхождения в настоящее

время является ископаемое топливо (рис. 1). Однако приведенный факт не относится к метану, основными источниками которого в атмосфере Земли на современном этапе развития человеческой цивилизации являются следующие факторы: заболоченные территории (около 26 %); животные, особенно жвачные, которые довольно интенсивно продуцируют метан благодаря процессу бактериальной ферментации, протекающему в их желудочно-кишечном тракте, и отвечают примерно за 18 % общей эмиссии этого парникового газа; рисовые поля (увлажненные почвы, содержащие большое количество органики и создающие анаэробные условия, которые способствуют деятельности метаногенных бактерий, отвечают примерно за 11 % глобальных выбросов CH_4); выделение метана вследствие сжигания биомассы (в результате неполного сгорания биологического материала, пожаров в саваннах и тропических лесах его вклад в общую эмиссию метана около 7 %).

Другими словами, существенная часть эмиссии метана приходится на виды деятельности, связанные с землепользованием, животноводством и лесным хозяйством (рис. 2) [6]. Вместе с тем существуют значительные естественные источники этого газа, такие как выбросы метана из наземных и морских геологических источников, продукция метановых выделений из термитников и др. [7].

Как подчеркивается в Шестом оценочном отчете IPCC, человечество не может достичь климатических целей, сформулированных в Парижском соглашении по климату, не добившись нулевого уровня выбросов диоксида углерода. Однако в этом же отчете указывается, что контроль над эмиссией метана, вероятно, является самым сильным рычагом, который может быть использован, чтобы избежать превышения климатических ограничений, пока идет работа над достижением нулевого уровня выбросов CO_2 . Около 25 следующих лет траектория повышения приземной температуры будет особенно сильно зависеть от того, что будет предпринято для ограничения эмиссии метана¹.

Основные источники метана в атмосфере Земли
и их вклад в суммарную эмиссию



Рис. 2. Основные источники метана в атмосфере Земли и их вклад в суммарную эмиссию

¹ См. также сайт www.ccacoalition.org.

Основной вопрос, связанный с приведенными выше данными, сводится к следующему: насколько велика вероятность успешного достижения декларируемых целей Парижского соглашения даже при условии выполнения Метановой хартии основными странами-эмитентами и с учетом того факта, что Парижское соглашение и GMP не устанавливают эффективного принудительного правового механизма реализации достигнутых договоренностей и не предусматривают каких-либо санкций в случае невыполнения сторонами соглашений и задекларированных в них целей? В следующих разделах и в отдельной работе обозначенная проблема будет рассмотрена более подробно.

Вклад различных стран в общую эмиссию метана свидетельствует о том, что основная доля выбросов метана (до 61–63 %) приходится на первые 12–15 стран (если считать ЕС в качестве единого эмитента) (табл. 1). Из данных таблицы следует, что к первым 15 странам – эмитентам метана, расположенным в порядке убывания его выбросов, относятся Китай, США, Индия, Россия, Бразилия, страны ЕС, Индонезия, Иран, Мексика, Австралия, Саудовская Аравия, Канада, ЮАР, Турция, Япония. Они обеспечивают около 63.5 % общих выбросов метана. При этом на долю Китая, США, Индии, России и Бразилии приходится более 36 % общей эмиссии метана. Таким образом, достаточно проанализировать правовые аспекты ограничения эмиссии метана в основных странах, расположенных в порядке убывания их вклада в эмиссию метана, для того чтобы проверить достижимость главной цели Парижского соглашения, что и будет сделано в отдельной работе. Здесь же мы приведем и проанализируем основные факты, характеризующие общемировую динамику выбросов метана, а также Метановую хартию, представляющую собой главный международный документ, призванный регулировать общемировую эмиссию метана.

Как видно из рис. 1, краткосрочные уменьшения выбросов метана отмечались в последние 50 лет несколько раз. В качестве примера можно привести следующие периоды: 1973–1974 гг., когда имел место глобальный энергетический кризис, инициированный ближневосточным конфликтом; 1997–1998 гг. – год мирового финансового кризиса, начавшегося со стран Восточной и Юго-Восточной Азии; 2007–2008 гг. – год глубокого финансово-экономического кризиса, инициированный ипотечным кризисом в США. Однако краткосрочное падение эмиссии метана в кризисные годы мало повлияло на общий долгосрочный положительный тренд выбросов этого парникового газа. Данные последних лет полностью подтверждают сделанный вывод. Цифры, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о том, что в 2020 г. по сравнению с 2019 г. не произошло ограничения суммарных общемировых выбросов метана. Наоборот, отмечается прирост эмиссии, несмотря на пандемию COVID-19 и сопутствовавшее ей определенное замедление глобальных темпов экономического роста. Ясно, что для резкого уменьшения общемировой эмиссии метана в среднесрочной и долгосрочной перспективе необходимы целенаправленные юридически обязывающие международные правовые документы, а также научно-обоснованные конкретные политико-экономические действия основных стран-эмитентов. В обозначенной связи следует подчеркнуть, что Метановая хартия более эффективно способствовала бы достижению основной цели Парижского соглашения, если

бы в ней предусматривались санкционные меры по отношению к участникам Хартии в случае невыполнения ими достигнутых договоренностей. Это служило бы определенной гарантией того, что все основные страны – эмитенты метана будут выполнять взятые на себя обязательства.

Табл. 1.

Выбросы метана в CO₂-эквиваленте (мегатонны, Mt) основными эмитентами и общемировая эмиссия в 2019 и 2020 гг.²

Страна	Выбросы метана в CO ₂ -эквиваленте (Mt) за 2019 г.	Выбросы метана в CO ₂ -эквиваленте (Mt) за 2020 г.	Прирост или убыль годовой эмиссии метана между 2019 и 2020 гг.
Китай	1 176.139	1186.285	прирост
США	744.509	748.241	прирост
Россия	684.296	617.227	убыль
Индия	656.655	697.655	прирост
Бразилия	431.067	449.214	прирост
ЕС	361.202	363.85	прирост
Индонезия	280.954	333.995	прирост
Иран	213.683	174.642	убыль
Мексика	138.801	143.481	прирост
Австралия	126.073	131.485	прирост
Саудовская Аравия	110.249	102.631	убыль
Канада	101.697	100.143	убыль
ЮАР	72.213	80.128	прирост
Турция	48.524	50.445	прирост
Япония	27.382	25.783	убыль
Республика Корея	21.990	22.701	прирост
Катар	21.453	30.708	прирост
Оман	20.243	19.839	убыль
Северная Корея	18.081	18.145	прирост
Все перечисленные выше страны	5 255.211	5296.598	прирост
Все страны мира	8 238.215	8 252.308	прирост

Рассмотрим, каково положение дел с действующей в настоящее время правовой основой климатической политики по эмиссии метана в мире. Начнем с обзора Метановой хартии и ее эффективности. Анализ правового регулирования

² По данным URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2023#emissions_table. Страны ЕС (включая Великобританию) рассматриваются в качестве единого эмитента, поскольку они объединены единой законодательной базой, регулирующей их климатическую политику.

эмиссии метана в основных странах-эмитентах, указанных выше, будет приведен в отдельной работе.

Глобальное обязательство по метану (Global Methane Pledge)

Метановая хартия, разработанная на 26-й Конференции сторон по климату, была подписана представителями 103 стран непосредственно на Конференции в 2021 г. (включая 15 стран из крупнейших эмитентов этого короткоживущего парникового газа) [8].

В настоящее время Метановую хартию одобрили около 150 стран, в том числе:

1) стороны, включенные в Приложение 1 к РКИК ООН и относящиеся к наиболее высокоразвитым странам (среди них Австралия, Канада, Европейский Союз и государства – члены ЕС, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания, США);

2) стороны, не включенные в Приложение 1 (Среди них Бразилия, Египет, Индонезия, Ирак, Кувейт, Мексика, Нигерия, Пакистан, Катар, Республика Корея, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) [9].

Согласно Метановой хартии, страны, присоединяющиеся к GMP, обязуются предпринимать следующие добровольные действия:

- переходить к использованию методологии Международной группы экспертов по изменению климата (известной также как группа экспертов IPCC) по инвентаризации парниковых газов;

- работать над постоянным повышением точности, прозрачности, согласованности, сопоставимости и полноты национальной отчетности по инвентаризации парниковых газов в рамках РКИК ООН и ПС;

- обеспечивать большую прозрачность в ключевых секторах экономики.

Кроме того, следуя договоренностям, достигнутым в рамках Метановой хартии, более 50 стран разработали национальные планы действий по метану, для реализации которых в 2022 г. были запущены так называемые пути политики и инициатив, направленные на сокращение выбросов метана в ключевых секторах, ответственных за эмиссию этого короткоживущего парникового газа [10].

1. «Путь» GMP в энергетике включает в себя:

- объединение импортеров и экспортеров для сокращения выбросов метана из ископаемых энергоносителей; ЕС, США, Япония, Канада, Норвегия, Сингапур и Великобритания приняли Совместную декларацию импортеров и экспортеров энергоносителей по сокращению выбросов парниковых газов из ископаемых энергоносителей, в которой обязались работать над созданием международного рынка, что будет способствовать минимизации факельного сжигания, выбросов метана и CO₂;

- использование спутниковых данных для реагирования на источники сверхвыбросов CH₄: Международная обсерватория выбросов метана (основной партнер по реализации Метановой хартии) запустила Систему оповещения и реагирования на катастрофическую по объему эмиссию метана (MARS) для разработки методов обнаружения крупных выбросов, оповещения соответствующих заинтересованных сторон, а также поддержки и мониторинга хода работ по снижению выбросов [11];

- мобилизация многостороннего финансирования для борьбы с выбросами метана; в частности, «Глобальное партнерство по сокращению факельного сжигания газа» (проект Всемирного банка) в 2023 г. запустило очередной этап реализации мероприятий по соответствующему финансированию из своего целевого фонда.

2) «Путь» GMP для пищевой промышленности и сельского хозяйства состоит из следующих шагов [12]:

- усиление поддержки мелких фермерских хозяйств Зеленым климатическим фондом в партнерстве с Международным фондом сельскохозяйственного развития, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией, Глобальной молочной платформой и Глобальным метановым хабом; одобрено выделение 3.5 млн долларов на подготовку проектов, направленных на привлечение целевого финансирования в ряде развивающихся стран, объем которого составит до 400 млн долларов;

- повышение инновационности; Глобальный метановый центр объявил о привлечении 70 млн долларов для ускорения исследований и разработок в области изучения энтерального метана (то есть выбросов метана от энтеральной ферментации на животноводческих комплексах), что будет способствовать проведению исследований по снижению выбросов метана в результате развития промышленного животноводства и внедрению полученных результатов; в рамках Миссии сельскохозяйственных инноваций для климата (AIM4C) было запущено семь инновационных проектов по снижению выбросов метана, связанных с животноводством и производством риса, с общим объемом финансирования 123 млн долларов [13];

- поддержка амбициозных национальных проектов; в частности, в странах ЕС в рамках реализации с 2023 г. новой Общей сельскохозяйственной политики повышенное внимание уделяется комплексным климатическим мерам, включая ограничение выбросов метана, выделяемых животноводческими комплексами;

- реализация плана действий по производству на основе биометана высокоэффективного топлива, целью которого является удвоение его производства к 2030 г. до 35 млрд куб. м; упомянутый план предусматривает разработку и внедрение важных технических и правовых аспектов производства и использования биометана путем обогащения биогаза, канализационного газа и газа из органических отходов; в настоящее время в Европе уже работает около 460 установок по производству биометана, и их количество неуклонно растет.

3) «Путь» GMP в сфере утилизации отходов предполагает:

- расширение возможностей мониторинга объема эмиссии метана антропогенного происхождения, для чего предусматривается разработка глобальной базовой оценки выбросов метана в секторе отходов, включающих более 10 000 свалок и полигонов, с помощью современных спутниковых датчиков Carbon Mapper;

- увеличение масштабов деятельности на субнациональном уровне: создание субнациональной биржи лидеров борьбы с изменениями климата SCALE (эта инициатива будет способствовать расширению субнационального многоуровневого сотрудничества по сокращению выбросов метана);

- сокращение потерь и отходов пищевых продуктов: создан партнерский фонд Агентства США по международному развитию (USAID), деятельность которого будет направлена на сокращение потерь и отходов пищевых продуктов; фонд позволит расширить масштабы соответствующей деятельности в ряде развивающихся стран;

- мобилизация инвестиций: описанные выше инициативы будут направлены на устранение барьеров и увеличение объема инвестиций для сокращения выбросов метана из отходов [14].

Необходимо отметить, что национальные целевые показатели и политика, направленная на сокращение выбросов метана (самостоятельные планы действий или совместные мероприятия основных стран-эмитентов), имеют решающее значение для выполнения Метановой хартии.

Считается, что выполнение перечисленных выше обязательств по метану «позволит снизить глобальное потепление как минимум на 0,2 °C к 2050 г.» главным образом за счет устранения утечек метана из нефтяных и газовых скважин, трубопроводов, другой инфраструктуры, обеспечивающей добычу, транспортировку и использование ископаемых видов топлива, а также ограничения выбросов CH_4 из животноводческих ферм и разлагающегося мусора [15].

Наконец, коалиция «За климат и чистый воздух» (CCAC), основной партнер по Метановой хартии, приступила к реализации программы действий «Дорожная карта метана», направленной на поддержку мер национального планирования и политики по снижению выбросов метана, а также на наращивание национального научно-технического потенциала и укрепление соответствующих институтов. В частности, в 2022 г. CCAC одобрила финансовую поддержку проектов, направленных на ограничение эмиссии метана [8].

Заключение

Необходимо отметить, что Метановая хартия, несомненно, представляет собой важный инструмент для борьбы с глобальным потеплением. Особая роль первоочередного сокращения эмиссии метана является прямым следствием интенсификации глобального потепления антропогенного происхождения при введении в действие более чистых технологий, уменьшающих выбросы аэрозолей, способствующих охлаждению нижних слоев атмосферы (этот эффект был назван в работе [2] «эколого-климатическим парадоксом»). Таким образом, даже полный отказ от использования углеводородов не обещает быстрого уменьшения радиационного форсирования нижней тропосферы, поскольку основной парниковый газ (CO_2) – это долгоживущий газ, который сохраняется в атмосфере в течение более чем 100 лет после его эмиссии. Более того, перестройка хозяйственной инфраструктуры, ведущая к сокращению выбросов аэрозолей, будет приводить на протяжении первых десятков лет к более интенсивному потеплению климата, поскольку аэрозоли удаляются из атмосферы вследствие гравитационных эффектов в течение 2–3 лет. Поэтому сокращение эмиссии метана, время «жизни» которого в атмосфере около 10 лет, играет ключевую роль в значимом уменьшении дополнительного радиационного форсинга нижней тропосферы антропогенного происхождения уже в краткосрочной перспективе.

Это особенно важно в условиях проведения последовательной экологической и климатической политики по сокращению выбросов аэрозолей в атмосферу.

Вместе с тем очевидно, что Метановая хартия более эффективно способствовала бы достижению основной цели Парижского соглашения и задачам устойчивого развития, сформулированным в Рамочной конвенции ООН об изменении климата, если бы в ней предусматривались юридически обязывающие правовые нормы и санкционные меры по отношению к участникам GMP в случае несоблюдения ими достигнутых договоренностей, что могло бы в определенном смысле гарантировать выполнение всеми основными странами – эмитентами метана принятых на себя обязательств. Опыт имплементации Парижского соглашения по климату 2015 г. показывает, что далеко не все страны, присоединившиеся к Соглашению, склонны следовать его основным принципам.

Благодарности. Авторы выражают признательность члену-корреспонденту РАН, профессору Полонскому Александру Борисовичу за внимательное прочтение первого варианта рукописи статьи и ценные рекомендации по ее доработке. Работа выполнена в рамках следующей темы Государственного задания Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт природно-технических систем» РАН: «Фундаментальные исследования процессов в климатической системе, определяющих пространственно-временную изменчивость морской среды и прилегающих территорий в широком диапазоне масштабов» (№ госрегистрации 124020100120-9).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- БСЭ – Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Глав. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. Т. 16. Мезия – Моршанск. 615 с.
- GMP – Global Methane Pledge – GMP. URL: <https://www.globalmethanepledge.org/#pledges>, свободный.
- КП – Киотский протокол к Конвенции об изменении климата. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml, свободный.
- ПС – Парижское Соглашение от 21 дек. 2015 г. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/109r.pdf>, свободный.

Литература

1. Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Изменение вектора климатической политики Соединенных Штатов Америки в 1992–2023 годах // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 10. С. 70–80. <https://doi.org/10.31857/S2686673023100073>.
2. Пекарникова М.Е., Полонский А.Б. Антропогенные изменения климата и международно-правовая деятельность по смягчению их последствий. Часть 2: Реализация климатических правовых актов на современном этапе и их перспективы // Государство и право. 2021. № 5. С. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S102694520012784-3>.
3. IPCC, 2023. Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on

- Climate Change / Ed by Core Writing Team, H. Lee, J. Romero. Geneva: IPCC, 2023. 184 p. <https://doi.org/10.59327/IPCC/AR6-9789291691647>.
4. Summary for Policymakers // IPCC, 2022. Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Ed. by P.R. Shukla, J. Skea, A. Reisinger, R. Slade, R. Fradera, M. Pathak, A. Al Khourdajie, M. Belkacemi, R. van Diemen, A. Hasija, G. Lisboa, S. Luz, J. Malley, D. McCollum, S. Some, P. Vyas. Cambridge, New York, NY: Cambridge Univ. Press. P. 3–48. <https://doi.org/10.1017/9781009157926.001>.
 5. Семенов С.М., Говор И.Л., Уварова Н.Е. Роль метана в современном изменении климата. М.: [б. и.], 2018. 105 с.
 6. Summary for Policymakers // IPCC, 2021. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S.L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M.I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J.B.R. Matthews, T.K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi, R. Yu, B. Zhou. Cambridge, New York, NY: Cambridge Univ. Press. P. 3–32. <https://doi.org/10.1017/9781009157896.001>.
 7. Харитонова Н.И. Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 86. С. 178–199. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-86-178-199>.
 8. КС-26: Совместные действия на благо нашей планеты // Организация объединенных наций. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/cop26>, свободный.
 9. Parry I.W.H., Black S., Vernon-Lin N. Still not getting energy prices right: A global and country update of fossil fuel subsidies. Ser.: IMF Working Papers. IMF, 2021. V. 2021, No 236. 42 p. <https://doi.org/10.5089/9781513595405.001>.
 10. Клименко В.В., Микушина О.В., Терешин А.Г. Глазго-2021: трудная дорога к цели в 1.5 °C // Доклады Российской академии наук. Физика, технические науки. 2022. Т. 505, № 1. С. 60–72. <https://doi.org/10.31857/S2686740022040046>.
 11. Рогинко С.А. «Климатический кабинет» Байдена и Парижское соглашение // Научно-аналитич. вестн. ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 7–16. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12021716>.
 12. Юргенс И.Ю., Турбина К.Е. Климатический саммит в Глазго: обновление мироустройства и задачи России // Власть. 2022. № 2. С. 9–30.
 13. Севостьянов П.И., Матюхин А.В. «Энергетический переход» в современной международной повестке // Обозреватель – Observer. 2022. № 2 (385). С. 19–31. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_02_19.
 14. IPCC, 2021. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / Ed. by V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S.L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M.I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J.B.R. Matthews, T.K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi, R. Yu, B. Zhou. Cambridge, New York, NY: Cambridge Univ. Press. 2391 p. <https://doi.org/10.1017/9781009157896>.
 15. Савчук С. Главная тайна климатического саммита в Глазго: почему горит тундра // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211104/sammit-1757616369.html>, свободный.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Принята к публикации 19.09.2024

Пекарникова Марина Евгеньевна, главный юрисконсульт¹, аспирант кафедры международного и европейского права²

¹ Институт природно-технических систем РАН
ул. Ленина, д. 28, г. Севастополь, 299011, Россия

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: pekarnikowa@mail.ru

Валиуллина Ксения Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: valiullina.ksenia@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 145–159

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.145-159

Legal Regulation of Methane Emissions and Its Role in Supporting the Goal of the Paris Agreement: General Issues

M.E. Pekarnikova^{a,b}, K.B. Valiullina^{b**}*

^a*Institute of Natural and Technical Systems, Russian Academy of Sciences, Sevastopol, 299011 Russia*

^b*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

E-mail: *pekarnikowa@mail.ru, **valiullina.ksenia@mail.ru

Received July 10, 2024; Accepted September 19, 2024

Abstract

This article explores the current legal and regulatory practices on lowering atmospheric methane, the main short-lived gaseous pollutant, adopted by the world's largest methane emitters. In 2021, many countries joined the Global Methane Pledge (GMP), a joint international initiative, which has since been the guiding framework for estimating and reducing global methane levels. The GMP's primary task is to support the goal of the Paris Agreement on climate change. Due to methane's short life and the phenomenon referred to as the methane paradox, it has become clear that abandoning hydrocarbons completely would not guarantee a swift decrease in the radiative forcing of the lower troposphere. Reduction of aerosol emissions will lead to more intense warming during the first ten years, as aerosols are rapidly removed from the atmosphere. The only way to mitigate this effect is to curb short-lived methane emissions. Our findings reinforce previous conclusions and stress the critical need for developing legally binding regulations, both national and international, on greenhouse gas emissions.

Keywords: Global Methane Commitment (Global Methane Pledge, GMP), United Nations Framework Convention on Climate Change, Paris Climate Agreement, Doha Amendment to the UNFCCC Kyoto Protocol, anthropogenic greenhouse gas emissions, climate change, legal regulation of methane emissions

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Figure Captions

Fig. 1. Global net anthropogenic greenhouse gas emissions (GHG, GtCO₂-eq/yr) by gas groups, 1990–2019: CO₂ from fossil fuel combustion and industrial processes (FFI, table); net CO₂ from forest-

ry and other land uses (LHDWZ, table); methane (CH₄), nitrous oxide (N₂O); fluorinated gases (F-gases). The table on the right shows GHG emissions in 2019, broken down into individual components with the associated uncertainties (IPCC, 2022).

Fig. 2. Key sources of methane in the Earth's atmosphere and their contribution to total emissions.

References

1. Pekarnikova M.E., Polonsky A.B. Anthropogenic climate change and international-juridical activity on climate mitigation. Part 2. Implementation of climate legal acts at the present stage and their prospects. *Gosudarstvo i Pravo*, 2021, no. 5, pp. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S102694520012784-3>. (In Russian)
2. Pekarnikova M.E., Polonsky A.B. The changing vector of the United States climate policy in 1992–2023. *SshA i Kanada: Ekonomika, Politika, Kul'tura*, 2023, no. 10, pp. 70–80. <https://doi.org/10.31857/S2686673023100073>. (In Russian)
3. Core Writing Team, Lee H., Romero J. (Eds.). IPCC, 2023. *Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Geneva, IPCC, 2023. 184 p. <https://doi.org/10.59327/IPCC/AR6-9789291691647>.
4. Summary for Policymakers. In: Shukla P.R., Skea J., Reisinger A., Slade R., Fradera R., Pathak M., Al Khouradje A., Belkacemi M., van Diemen R., Hasija A., Lisboa G., Luz S., Malley J., McCollum D., Some S., Vyas P. (Eds.) IPCC, 2022. *Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge, New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2023, pp. 3–48. <https://doi.org/10.1017/9781009157926.001>.
5. Semenov S.M., Govor I.L., Uvarova N.E. *Rol' metana v sovremennom izmenenii klimata* [The Role of Methane in the Modern Climate Change]. Moscow, 2018. 105 p. (In Russian)
6. Summary for Policymakers. In: Masson-Delmotte V., Zhai P., Pirani A., Connors S.L., Péan C., Berger S., Caud N., Chen Y., Goldfarb L., Gomis M.I., Huang M., Leitzell K., Lonnoy E., Matthews J.B.R., Maycock T.K., Waterfield T., Yelekçi O., Yu R., Zhou B. (Eds.) IPCC, 2021. *Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge, New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2023, pp. 3–32. <https://doi.org/10.1017/9781009157896.001>.
7. Kharitonova N.I. Eco-geopolitics as a fresh perspective on the geopolitical paradigm of international relations. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronnyj Vestnik*, 2021, no. 86, pp. 178–199. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-86-178-199>.
8. COP26: Together for our planet. United Nations. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/cop26>. (In Russian)
9. Parry I.W.H., Black S., Vernon-Lin N. Still not getting energy prices right: A global and country update of fossil fuel subsidies. Ser.: IMF Working Papers. IMF, 2021, vol. 2021, no. 236. 42 p. <https://doi.org/10.5089/9781513595405.001>.
10. Klimenko V.V., Mikushina O.V., Tereshin A.G. Glasgow-2021: The difficult road to the 1.5 °C goal. *Doklady Physics*, 2022, vol. 67, no. 7, pp. 215–221. <https://doi.org/10.1134/S1028335822070023>.
11. Roginko S.A. Biden's Climate Office and Paris Agreement. *Nauchno-Analiticheskiy Vestnik IE RAN*, 2021, no. 1, pp. 7–16. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12021716>. (In Russian)
12. Yurgens I.Yu., Turbina K.E. The climate summit in Glasgow: Rise of the new world order and Russia's agenda. *Vlast'*, 2022, no. 2, pp. 9–30. (In Russian)
13. Sevost'yanov P.I., Matyukhin A.V. "Energy transition" in the modern international agenda. *Obozrevatel' – Observer*, 2022, no. 2 (385), pp. 19–31. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_02_19. (In Russian)
14. Masson-Delmotte V., Zhai P., Pirani A., Connors S.L., Péan C., Berger S., Caud N., Chen Y., Goldfarb L., Gomis M.I., Huang M., Leitzell K., Lonnoy E., Matthews J.B.R., Maycock T.K., Waterfield T.,

- Yelekçi O., Yu R., Zhou B. (Eds.) IPCC, 2021. *Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge, New York, NY, Cambridge Univ. Press. 2391 p. <https://doi.org/10.1017/9781009157896>.
15. Savchuk S. The primary question of the climate summit in Glasgow: The cause of the tundra fires. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20211104/sammit-1757616369.html>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Пекарникова М.Е., Валиуллина К.Б. Правовое регулирование эмиссии метана и его роль в достижении основной цели Парижского соглашения: общий анализ проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 145–159. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.145-159>. ⟩

⟨ **For citation:** Pekarnikova M.E., Valiullina K.B. Legal regulation of methane emissions and its role in supporting the goal of the Paris Agreement: General issues. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 145–159. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.145-159>. (In Russian) ⟩

